ВАЛААМСКИЕ СВЯТЫЕ

И ПОДВИЖНИКИ БЛАГОЧЕСТИЯ

ВАЛААМСКИЕ СВЯТЫЕ И ПОДВИЖНИКИ БЛАГОЧЕСТИЯ

БЛАГОВЕСТ
МОСКВА
2012

УДК 235.3
ББК 86.372
В 15

Рекомендовано к публикации
Издательским Советом
Русской Православной Церкви
(ИС 12-202-0144)

В 15 **Валаамские святые и подвижники благочестия:** жизнеописания, некоторые поучения, чудесные и знаменательные случаи / Сост. Пономарев П. П. — М.: Благовест, 2012. — 272 с.

ISBN 978-5-9968-0244-9

Данное издание содержит жизнеописания и поучения известных валаамских святых и подвижников благочестия, а также повествование о некоторых чудесных и знаменательных случаях, произошедших промыслительно по их молитвам.

УДК 235.3
ББК 86.372

ISBN 978-5-9968-0244-9

© Издательство «Благовест» — текст, оформление, оригинал-макет, 2012

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящая книга посвященна рассказу об отечественных святых и подвижниках благочестия. В нее входит краткое жизнеописание Божиих угодников валаамских, иллюстрированные доподлинными повествованиями о чудесах, совершенных Богом по их молитвам и их благодатные поучения. Причем, издатели старались не публиковать высказывания, произнесенные или писанные непосредственно для иноков. Это особый, специфический раздел бесценного святоотеческого наследия. Поэтому издатели оставляли его вниманию самих монашествующих и печатали мудрые отеческие поучения и советы, которые касаются христианской жизни как таковой вообще, или прямо адресованные тем христианам, которые проводят свою жизнь в миру.

«Привяжи обремененную ладью твою, – поучает святой Варсонофий Великий, – к кораблю отцов твоих, и они управят тебя к Иисусу...» Собранный в издании драгоценный отеческий духовный бисер – есть и

будет спасительными снастями для благополучного плытия по волнам, бушующего в страстях, грехах и соблазнах, житейского моря.

История святой Валаамской обители насчитывает не одно столетие. Как повествует предание, еще святой апостол Андрей Первозванный, просвещая славян и скифов, дошел до Валаама, разрушил бывшие здесь языческие капища, установил крест и оставил после себя церковную общину. Основателями монастыря были Христовы чудотворцы – преподобные Сергий и Герман. Сам Валаамский архипелаг по праву стал именоваться северной колыбелью православного монашества, которое ныне благополучно возрождается. Духовное и культурно-историческое наследие Валаама огромно и имеет общемировое значение.

Валаамские подвижники жили удивительной жизнью. Углубившемуся в их наследие станет совершенно очевидно: подвиги валаамцев притягательны, и зовут к подражанию. Но, к подражанию не внешнему, не к копированию уклада подвижнической

валаамской жизни, что было бы безрассудно и душевредно; а, по незримому предстательству валаамских святых, к подражанию внутреннему – к сопричастности той же Божественной благодати, которая так обильно излилась на валаамских Божиих угодников Святым Духом. *Поминайте наставников ваших, которые проповедывали вам слово Божие,* – завещает нам апостол Павел, – *и, взирая на кончину их жизни, подражайте вере их* (Евр. 13: 7).

Покоримся апостольскому призыву и мы. Будем духовно укрепляться, не только изучая отеческие поучения, но через благоговейное и разумное рассматривание подвига святых, по милости Божией, каждый на своем житейском месте, станем подражать духу и характеру приснопамятных отцов, усваивая сам «вкус» добродетелей и верного направления внутренней жизни, сопричитаясь самой подвижнической решимости твердо и бесповоротно следовать за Христом.

Чтобы благо соприкосновения с духом валаамских подвижников через сколько-нибудь подробное знакомство с их жизнью стало

доступно возможно большему кругу наших читателей, издатели сочли необходимым акцентировать предлагаемый сборник на агиографии.

Так же следует заметить, что в ряду множества издаваемой в наши дни духовной литературы усматривается недостаток популярных и простых книг, посвященных столь замечательному святому месту – Российскому «Северному Афону» и его славным отцам. Многие из них почти неизвестны нашим современникам, хотя на данную тему уже издано немало книг. Этот пробел особенно ощутим в провинции. Поэтому мы с Божией помощью решили предпринять посильные труды по изданию и распространению настоящего сборника.

В начале настоящего издания – несколько слов о самом Валааме и об истории святой обители. Далее, помимо очерка об основателях Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, в книгу вошли жизнеописния еще тринадцати валаамских подвижников, подвизавшихся на Валааме начиная с конца 18-го века. Все очерки подкреплены благо-

датным отеческим словом или свидетельствами проявлений сверхъестественных даров Святого Духа, которыми Бог снабдил Своих угодников. Завершает книгу обширное жизнеописание выдающегося валаамского старца, иеросхимонаха Михаила Младшего (Питкевича). Этот последний очерк кратко иллюстрирует и драматические события последних десятилетий истории «Старого Валаама».

Павел Пономарев

ДИВЕН ОСТРОВ ВАЛААМ
Краткий духовно-исторический очерк Спасо Преображенского Валаамского мужского монастыря

Творец и Создатель всяческих, все премудро приспособивший к созданию и спасению человека, искони назначил для духовно-созерцательной жизни монахов (монос – по-гречески означает «один»). Они ради Небесного Царствия оставляют добровольно все земные радости и мужественно решаются ничего не искать в своей жизни, кроме соединения с Господом Иисусом Христом. Такое предназначение Божие ясно выражается в судьбе иноков (инок – славянская интерпретация слова «монос», то есть человек иной, неотмирной жизни) древней Валаамской обители. С глубокой древности в монашеской среде существует убеждение, что святая жизнь христианских подвижников на легендарном Валааме никогда не прекратится.

В географическом смысле, Валаамом называется группа скалистых островов, покрытых

лесом, в северо-западной части Ладожского озера. Один большой остров, возвышающийся до 70 метров над уровнем вод, и примкнувшие к нему 50 малых, разделенных зеркальными проливами, – это Валаам и его «дети». Архипелаг встречает путника гранитными стенами и уступами отвесных берегов, которые покрыты вековыми сединами мха и окаймляются развесистыми соснами и елями. Повсюду предстают пейзажи поразительного величия. В душе невольно рождаются благоговейные мысли, сердце и ум влекутся к Предвечному. Валаам красив, но суров. Вещественными бла-

гами для жизни человека он скуден. Его богатство – только северный лес, хранящий островитян от бурь непогоды, да рыбные ловли. Луговой земли на островах – только крохотные лоскуты. На них когда-то паслись никем не тревожимые красивые северные олени. При совершенной отдаленности от мирской суеты, Валаамские острова, по меткому выражению новгородского митрополита Гавриила, «Промыслом Спасителя мира назначены для селения иноков» (Грамота Валаамскому монастырю 1787 г. 14, с. 3).

По преданию, горы Валаама благословил лично святым крестом святой апостол Андрей Первозванный. Он, просветитель славян и скифов, пройдя будущую Россию от юга до севера, от Киевских гор до Новгорода, по реке Волхову доплыл до Ладожского озера, а потом – до Валаама. Об этом говорится в древнейшей рукописи «Оповедь», хранившейся в библиотеке монастыря. Пребывание святого апостола на Валааме подтверждает и другой памятник древности – «Вселетник» Киевского митрополита Илариона 1051 года, где говорится: «Ноября 30-го святаго Апостола всехвального

Андрея Первозванного и Церкви поборника восхвалим: зане, якоже древле тому приити в Киев, Смоленск, Новгород, Друзино... и Валаамо» (15, с. 467). Как повествует «Оповедь», апостол обратил идольских жрецов и обитавших на островах язычников в Христову веру, истребил капища Велеса и Перуна и оставил там пастырями своих учеников.

Продолжалась ли христианская жизнь на Валааме после посещения его апостолом Андреем, а если продолжалась, то как долго, – доподлинно неизвестно. Учреждение же на острове монашеской общины предание уверенно относит к появлению на архипелаге святых преподобных Сергия и Германа Валаамских и всея России чудотворцев. О них Боголюбивый читатель подробно прочтет ниже, в их жизнеописании. Здесь же мы только заметим, что попытки многих валаамских настоятелей и множества известных ученых-историков разыскать полные жизнеописания святых основателей валаамского иночества оказывались безуспешными. Причины тому – глубокая древность основания обители и ее трудная судьба. Расположенный на границе

владений Новгорода Великого со Швецией, монастырь неоднократно разорялся шведами. Нападения часто сопровождались пожарами, уничтожением святынь и письменных источников. Благоухание же пламенной молитвы чудотворцев и их богоугодных дел разлилось в самые далекие пределы Руси и стало привлекать множество искателей иноческого подвига. Несомненно на острове существовала мощная общежительная община иноков. От нее теплые лучи христианства обильно распространялись по диким северным краям. Святые острова стали рассадником подвижничества на многие столетия вперед.

Уже в 960 году, как повествует древнее житие, на Валаам из Чухломы прибыл будущий преподобный Авраамий Ростовский. Здесь он просветился святым крещением и принял монашество, а впоследствии, в 990 году, на Ростовском озере основал свою обитель, которая по летописям является самой старинной в Киевской Руси.

Войны и набеги разбойников мешали процветанию монастыря на протяжении всей его истории. Неприятеля влекло сюда и стремле-

ние к наживе, и желание насадить обманом, огнем и мечом свою веру.

Так, при шведском короле Густаве Ваза (1523 – 1560) в Швеции была проведена Реформация. Во времена правления его сына Иоанна III военный отряд из новообращенных лютеран, которые, по словам святителя Игнатия (Брянчанинова), «дышали еще фанатическим пристрастием к своей лишь родившейся вере» (19, с. 3), преследуя православных корел, по льду перешел с материка на остров и напал на монастырь. 20 февраля 1578 года «18 человек достоблаженных старцев и 16 послушников были мученически истреблены за твердость в православной вере» (19, с. 3). Их имена с пометой «побиты от немец на Валааме...» (19, с. 3) были внесены в поминальный Синодик. С благословения игумена Дамаскина в день мученичества 34-х иноков, 20 февраля, в Валаамской обители ежегодно совершалась Божественная литургия о вечном покое их и пелась соборная панихида.

На юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви, состоявшемся в

2000 году, эти 34 валаамских преподобномученика были причислены к лику святых для общецерковного почитания.

Убиваемые иноки никогда не оказывали сопротивления. Остававшиеся в живых прятались в лесах или временно удалялись на материк, чтобы вновь возвратиться и возродить святыни. Как и ранее, так случалось и в 1578, 1581, 1595 годах. Произошло это и в 1715 году, когда Петр Первый повелел отстраивать в очередной раз разоренный шведами монастырь. Так повторилось и в 20-м столетии. Спасаясь от преследований атеистических властей СССР, весной 1940 года по льду Ладоги валаамская братия со слезами покинула намоленные острова и переселилась в Финляндию. В местечке Папинниеми был основан Ново-Валаамский монастырь, а святая многострадальная обитель, оказавшись на советской территории, была кощунственно поругана советскими безбожниками.

Необходимо отметить, что начиная с 1918 года и почти весь период пребывания валаамских иноков на территории преимущественно лютеранской Финляндии, их

братство подвергалось сильнейшему воздействию различных антицерковных сил. Следствием этого стали многие трагические и печальные события. Финские вероисповедные свободы оказались «писанными по воде». В угоду набиравшему силу мировому экуменическому движению церковные власти Финляндии, самочинно отошедшие к Константинопольскому Патриархату, погрязшему в пагубных нововведениях, стали оказывать на русскую церковность разрушительное давление. Гражданские власти тоже сочли себя вправе вмешиваться во внутреннюю жизнь православных общин. С навязанным извне принятием католического (григорианского) календаря, которым пользуется Лютеранская церковь, некоторыми другими протестантскими новшествами, обитель постигла сильная внутренняя смута. В братстве возник раскол. Тем не менее, многие и многие, особенно бывшие соотечественники, устремлялись к святыне, ибо видели в ней островок православной России, и обитель гостеприимно распахивала для всех свои святые врата.

1945 – 1957 годы стали для Нового Валаама временем благоприятным. Тогда руководство монастыря возвратилось на законные канонические основы своего существования. Позднее нововалаамское братство вновь уклонилось на гибельный путь псевдоцерковного модернизма и, к скорби всех православных христиан, вплоть до настоящего времени, придерживается антиканонических нововведений.

С сентября 1941 по сентябрь 1944 годов на валаамских островах дислоцировались, мало препятствовавшие иночеству, подразделения финской армии. Когда первый советский самолет сбросил бомбы на Валаам, здания монастыря почти не пострадали. Появилась надежда возродить святыню. Игумен Харитон отправил из Финляндии для возобновления жизни обители немногочисленную братию. Но в наступившем январе авиация перенесла удары уже непосредственно на монастырь. Летчики неизменно целились в дивную колокольню Спасо-Преображенского собора, откуда финнами велась корректировка стрельбы их зенитных орудий. Самые же страшные разрушения произошли тогда, когда до 70-ти совет-

ских самолетов в несколько заходов сбрасывали на святыни свой смертоносный груз. Люди укрывалась в нижнем храме собора, у святых мощей преподобных Сергия и Германа. Казалось, на Валааме должно было быть стерто с лица земли всё. И, о чудо! Люди остались живы! Несмотря на ожесточенные бомбардировки, колокольня и собор сохранились невредимыми. Все же, в связи с отходом архипелага в состав безбожного СССР, иноки были вынуждены снова оставить родную обитель и эвакуироваться в глубь Финляндии. На Валааме разместились различные советские учреждения.

Наконец, в декабре 1989 года, усердием покойного Патриарха Московского и всея Руси Алексия II, в Спасо-Преображенском Валаамском монастыре вновь возобновилась иноческая жизнь, которая сейчас интенсивно развивается и украшается Господом дарами Святого Духа. Сегодня, как и прежде, совершаются неповторимые валаамские богослужения, почти что восстановлена центральная усадьба монастыря, действуют некоторые скиты, налаживаются традиционная духовно-просветительская деятельность и хозяйственный комплекс.

К 1917 году, помимо собственно монастыря, представляющего собой уникальный архитектурный ансамбль, на архипелаге располагалось 13 скитов, имелись «пустыньки» для отшельников. Молитва и труд составляли основу жизни братства. Множество храмов и часовен, обширнейшие библиотечные фонды, включающие ценнейшие письменные исторические памятники, школа, лечебница, многочисленные приюты для обездоленных, мощнейший хозяйственный комплекс с собственной монастырской флотилией – все это было создано самоотверженным трудом поколений монахов и усердием благочестивых мирян. Братство сторицей обеспечивало себя всем необходимым и творило дела евангельской милостыни. Народ тысячами стекался в обитель за духовной и иной поддержкой.

В 1914 году бóльшая часть братии, составлявшей на тот момент без «трудников» около полутора тысяч человек, отозвана была на Первую Мировую войну. Так прославилось валаамское иночество и Христа ради законным ратным подвигом. В память обо всех воинах, погибших в этой войне, был построен

последний из скитов «старого Валаама» – скит в честь Смоленской иконы Божией Матери. В советский период он был стерт с лица земли. Ныне, как и множество иных валаамских святынь, имеющих мировое культурное значение, он, милостью Божией, восстановлен.

Мир Валаама удивителен. В его духовную орбиту включены Европа и Азия, Сибирь и Америка. Валаамские подвижники вписали в историю мирового христианства множество знаменательных страниц. Этот мир по-своему уникален и неповторим. Сравнить его возможно разве только с чу́дным миром Святой Афонской Горы. Недаром афонских и валаамских монахов издревле связывают тесные узы. В настоящее время налажена тесная связь валаамцев со многими афонскими братствами.

Обильно разлился свет Валаама! Выходцы легендарной обители основали много прославленных святых монастырей. Это преподобный Александр Свирский, преподобные Савватий и Герман, Соловецкие чудотворцы, Арсений Коневский и другие.

Валаамские миссионеры плодотворно трудились и в Северной Америке. Уже в 1794 году

на Аляске ими был создан православный духовный центр. А член этой валаамской миссии, преподобный Герман Аляскинский и всея Америки чудотворец, стал первым американским канонизированным святым. Место пребывания миссии, где 40 лет многоплодно подвизался преподобный, по сей день называется Новый Валаам. Сейчас там располагается иноческое общежитие, устроен скит, подвизается братия, туда стремятся паломники. По настоящее время, преимущественно в США и Канаде, ведут обширную, всемирно известную миссионерскую деятельность Православное Братство преподобного Германа Аляскинского и Валаамское Общество Америки.

Существует и Сибирский, второй по дате основания, Новый Валаам. Он находится в далеком Уссурийском крае. Просветитель Сибири, святитель Московский и Коломенский Иннокентий, видел важную необходимость устройства на Дальнем Востоке мужского монастыря по примеру образцовой Спасо-Преображенской Валаамской обители. В 1897 году посланцы Валаама, иеромонах Сергий и иеродьякон Герман, преодолели путь от Ладоги до Влади-

востока и претворили в действительность богоугодные чаяния святого митрополита. Они основали Приамурский Свято-Троицкий Николаевский монастырь, организовали миссионерское дело, которое сразу стало приносить обильную жатву. В 1923 году святыня была разорена, а ныне также благополучно восстаналивается.

Новый Валаам в Финляндии оказался третьим, после Американского и Сибирского. Прошло время, к середине 1970-х годов там оставалось только два русских инока: архимандрит Симфориан (1892 – 1981) и монах Акакий, скончавшийся в 110-летнем возрасте в 1984 году. Ими завершилась история русского Нового Валаама в финской стране.

Теперь обитель населяют монахи-финны, которых в свое время возглавил игумен Пантелеимон, ставший теперь митрополитом – предстоятелем Финской автономной Православной Церкви. Здесь же находится известная чудотворная икона Божией Матери Валаамская. Богослужения совершаются на финском языке и по католическому календарному стилю. Современные насельники, численностью

14 человек, управляемые архимандритом, к глубокому прискорбию, находятся под каноническими прещениями Первого Вселенского и других Священных Соборов, что является существенным препятствием для их общения с Русской Православной Церковью и Православием в целом. На Новом Валааме, а также в городе Куопио, где располагается единственный в Западной Европе музей Православной Церкви, хранятся многие святыни, вывезенные с древнего Валаама еще в 1940 году. В частности, там находится бесценная рака преподобных чудотворцев Сергия и Германа, иконы, Евангелия, предметы церковной утвари. К 800-летию Православия в финском Новом Валааме был воздвигнут каменный, в новгородском стиле, Спасо-Преображенский собор. Он построен по проекту финского архитектора русского происхождения И.Н. Кудрявцева и открыт в 1977 году.

Духовная жизнь, веками концентрировавшаяся в Спасо-Преображенской Валаамской обители, выковалась в устойчивые духовные и даже культурно-бытовые традиции, которые не были уничтожены никакими «исто-

рическими штормами». Валаамская духовная сокровищница хранит бесценные плоды всех видов иноческого подвижничества. Валаам знает все уклады монашеской жизни: от киновиатства (многочисленного общежития иноков) до строгого анахоретства (полного уединения, отшельничества). Сияет он и подвигами мученичества, исповедничества, Христа ради юродства. Так же знаменателен Валаам своим благодатным духовничеством, которое наиболее полно раскрылось в богоносном старчестве.

Валаамские подвижники, уже покинувшие земной мир плотью, но не оставившие нас своим духом, – это дорогие христианскому сердцу, вечно живые образы, воплощающие собой любовь, заповеданную Христовым Евангелием. Некоторые из них уже канонизированы Святой Церковью, другие еще не удостоились общецерковного прославления, но известны своими подвигами веры и благочестия, своей несокрушимой духовной крепостью, и почитаются местно. Их кроткое слово удивительно по духовной силе, – ведь ради Бога они презрели все сладости земной жизни, порабо-

тали Христу всецело и удостоились многих чрезвычайных даров Святого Духа. Призыв апостола Иоанна: *Дети мои! станем любить не словом или языком, но делом и истиною* (1 Ин. 3: 18) валаамские отцы мудро положили в основание своего делания. Истина их евангелской любви засвидетельствована их поразительными благословенными делами, когда Сам Господь Иисус Христос милостиво отвечает на их молитвенные прошения. Они подлинно, подобно святым апостолам, оказались Христовыми друзьями. Жизнь их весьма поучительна, а слово их благодатно, душеполезно.

Память Всех Валаамских святых ежегодно торжественно празднуется Православной Церковью 7 / 20 августа.

ПРЕПОДОБНЫЕ СЕРГИЙ И ГЕРМАН, ВАЛААМСКИЕ ЧУДОТВОРЦЫ

Основатели Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, преподобные Сергий и Герман, согласно церковному преданию, были греческими священноиноками, пришедшими в X веке во владения Великого Новгорода вместе с первыми православными миссионерами. Исторические сведения об основателях Валаамского монастыря скудны. Не раз во времена вражеских нашествий (XII, XVII века) монастырь переживал опустошение, на долгие десятилетия прерывалось здесь иноческое служение. Во времена нашествий уничтожались церковные памятники, монастырские святыни, не раз были сожжены и разграблены богатейшие монастырские библиотека и хранилище рукописей. Утрачено и житие преподобных Сергия и Германа Валаамских. В XVI веке уже уже были утрачены многие исторические документы; об этом свидетельствует древний синодик Валаамского монастыря, после разорения обители в 1611 году хранившийся в Старола-

дожском Васильевском монастыре. Этот синодик является единственным историческим документом, написанным на Валааме, в котором отражено подлинное знание о первоначальниках обители. В синодике в списке игуменов упоминаются преподобные Сергий и Герман.

Свидетельством иноческого подвига преподобных стали церковное предание и древние летописные памятники. Смысл иноческого жития преподобных Сергия и Германа состоял в просвещении светом Христовой веры языческих карельских племен, в утверждении Православия на Севере Руси, в основании монашеской обители, которая стала оплотом Православия в ранние века христианского просвещения. Древние новгородские летописи сообщают об обретении мощей преподобных Сергия и Германа и перенесении их в Новгород во время нашествия шведов в 1163 – 1164 годах[1]. «В лето 1163. О архиепископе Иоанне. Поставиша Великому Новуграду архиепископа Иоанна Перваго, а преж были епископы. Того же лета обретены быша мощи и перенесены преподобных отец наших

[1] ГИМ. Уваровская летопись. 5681; XVII в., лист 185. РНБ. Погодинская летопись. 1403; XVII в. Там же. 1953. XVII в.

Сергия и Германа Валаамских, Новгородских чудотворцев при архиепископе Новгородском Иоанне...»[2]. Именно тогда состоялось местное прославление основателей Валаамского монастыря и было положено начало церковному почитанию преподобных Сергия и Германа в пределах Новгородской епархии.

Свидетельством их церковного почитания является наличие их в соборе Новгородских святых, упоминания в службе «Всем русским святым», составленной в XVIII веке, а также прориси и иконописный подлинник XVIII века. Текст подлинника гласит: «Сергий подобием сед, брада Александра Свирскаго, ризы преподобническия, схима на плечах»[3]. «Герман сед, брада покороче Влаасиевы, ризы преподобническия, схима на плечах»[4]. «Сергий сед, брада аки у Александры Свирскаго, ризы преподобническия, на плечах схима. Герман сед, брада аки у Кирилла Белоезерскаго, риза преподобническая, на плечах схима»[5].

---

[2] Российская летопись по списку Софийскому. Сп., 1795.

[3] БАН, Двинское собрание, №51, л. 272, в отдельном перечне без указания дня памяти.

[4] Там же. Л. 263, в отдельном перечне без указания дня памяти.

[5] РНБ, собр. Погодина, № 1931, л. 31, 10 сентября.

В начале XVIII века были известны иконы преподобных Сергия и Германа[6]. Напоминание об утраченном житии преподобных встречается в многочисленных списках «Валаамской беседы», памятника церковной публицистики XVI – XVII веков. Зачало «Беседы», несомненно, является отрывком из сентябрьских Миней, где повествуется о перенесении мощей преподобных Сергия и Германа (Карельских чудотворцев) из Новгорода в монастырь Всемилостивого Спаса по утишении военной опасности, по-видимому, в 1182 г., что подтверждается новгородскими летописными источниками[7]. Первоначальное место подвигов преподоб-

---

[6] РГИА, ф. 796, оп. 24, ед. хр. 217. Книга расходная о выдаче по предложению Святейшего Синода прислать из Канцелярии о строении и конфискации святых образов и книг в разные места 1743 года мая 26 дня. Реестр конфискованных к присланным из разных мест образам, лампадам и книгам, которые Святейшего Правительствующего Синода отданы в домовую Преосвященного Никодима епископа Санкт-Питербургского и Слютербургского канцелярию. Л. 29, №199 «Образ в молении преподобных Сергия и Германа Валаамских чудовторцов, венцы и оклад серебреные, чеканой работы позолочен рубль. Оценка 1 руб.».

[7] ЛОИИ, Собрание Лихачева №328, оп. 1, №243. О святых великоновгородских епископах и архиепископах и преп. и чудотворцах. Данное сказание составлено на основе рукописи, именуемой «Летописец соборный», XIV – XV века. В настоящее время, к сожалению, утраченного.

ных Сергия и Германа указывается на Святом острове. Так говорит предание, известное при игумене Ефреме во второй половине XVIII века[8]. Также данный факт подтверждает и шведский атлас, в котором на карте острова Валаама Святой остров именуется как Vanho Valamo – Старый Валаам, и на этом острове указан крест.

В грамоте Новгородского митрополита Варлаама, от 27 мая 1592 года, излагаются некоторые правила Валаамского общежития: «Жить по чину монастырскому благочинно, смирно, безмятежно, по преданию отеческому и по закону преподобных Валаамских первоначальников Сергия и Германа – общежительством. Закон и начало, изстари положенные в Валаамском монастыре, не разорять, но сохранить со всяким благоговением. Жить в согласии всей братии и слугам вкупе, единомысленно и меж себя в послушании. Монастырское содевать по совету, с сбора всей братии; без братского собора не должны действовать ни старец, ни слуга. Общину соблюдать по-прежнему: платье и обувь давать

[8] Записки капитана Якова Яковл. Мордвинова, журнал о походах в Соловки и на Валаам острова 1744, 1752, 1764, 1784 гг.

по старине, из монастырской казны как братиям, так и слугам. Казначея во всяком обиходе: приходе и расходе, считать в правду по спискам»[9].

Чрезвычайно широкое распространение «Валаамской беседы», известной во множестве списков XVI, XVII, XVIII веков, свидетельствует о высоком духовном авторитете основателей Валаамского монастыря, так как именно их духовными устами изложена позиция нестяжателей в известной церковной полемике XVI века.

В 1611 году монастырь был разорен шведами, и на острове жили шведские колонисты. В 1685 году в царствование великих князей Иоанна Алексеевича и Петра Алексеевича, шведы захотели откопать мощи преподобных и надругаться над ними, но Господь молитвами преподобных вскоре послал на них великий недуг и расслабление членов; поэтому они устрашились и над мощами их устроили часовню.

В этом же году архимандрит Тихвинского монастыря Макарий повергнул на имя Рос-

---

[9] Акты исторические», изданные Археографической комиссией, Т. 1, №142, стр. 235 – 236.

сийских самодержцев следующие прошение: «Милостивые Государи и Великие Князи Иоанн Алексеивич, Петр Алексеевич, всея Великия и малыя и белыя России Самодержцы, пожалуйте нас, богомольцев своих; не дайте, великие государи, тех святых Германа и Сергия Валааских, паче же и Российских древних, преславных чудотворцев их мощем у проклятых лютор в поругании быть: повелите, государи, те святые мощи с того Валаамского острова от их лютерского поругания пренести в свое царское богомолие монастырь, дабы оне, проклятые люторы, тем не возносилися и святым нашим поругания не чинили, и за сие бы от окрестных государств, которые ныне состоят в благочестии и содержат закон греческий, поношения и укоризны не было; паче же премудрый Господь Бог, за сие люторам на святыя наша попущение, на нас праведного Своего гнева не послал. Воистину великие Государи, тии Святые Герман и Сергий, Валаамские чюдотворцы, преславные, еще живи быша, и тогда прорицаху настоящая, будущая, яже о сем, великие Государи, сотворите прилежное радение, дабы тех святых Германа и Сергия

Валаамских, паче же Российских православных чудотворцев, много чудесныя их мощи от проклятых лютор в поругании не были. За сие же вашу государскую благую ревность и за прилежное тех святых Германа и Сергия чудотворцев о вас молитвы, подаст вам Господь Бог милость Свою и покорит вам вся враги, возстающия на Православную нашу Христианскую веру под ноги ваша, о сем молим вас милостивых и премилостивых великих государей. Мы богомольцы ваши, и милости просим великие Государи Цари смилуйтесь».

В 1764 году капитан Яков Яковлевич Мордвинов посетил Валаамский монастырь. В своих записках он описывает Святой остров, место первоначальных подвигов преподобных Сергия и Германа: «К святому острову пристали с западной стороны, а в других местах пристать невозможно, понеже все каменные горы на утес, а где пристали на берегу крест деревянный и – восход на гору весьма крут. В половине горы часовня деревянная и в ней образы. Часовня поставлена и образы написаны при игумене Ефреме. Позади той часовни пещера в каменной горе, где перподобные

спасались. Проход во оную тесен, и проходили на коленях. Вшед в пещеру, можно стоять двум человекам. В оной стоит деревянный небольшой крест и лежат небольшие два камня, а над входом в оную пещеру висят отломившиеся от горы каменья, и некоторые лежат при входе, и видно, что упали с верха и расшиблись. По выходе из пещеры восходили на самую высоту горы и проход весьма крутой, и над проходом висят каменья и деревья. Взошед на гору, площадь которой вся заросши лесом, и погуляв на той горе спустились к своему судну. Святой остров от Валаамского отделяется проливом широтою на одну версту»[10].

В 1755 году игуменом Ефремом был выстроен новый деревянный соборный храм, в котором имелся придел преподобных Сергия и Германа. Тот же путешественник Мордвинов так описывает сам монастырь: «Монастырь построен на горе каменной, церкви, колокольня и ограда деревянные. И всему оному монастырю взят план, и на плане означено:

[10] Записки капитана Якова Яковлевича Мордвинова. Журнал о походах в Соловки и на Валаам острова 1744, 1752, 1764, 1784 гг.

Соборная церковь Преображения Господня, в ней приделы: с южной стороны – святых апостолов Петра и Павла, с северной – святого апостола Иоанна Богослова, вверху с юга – святого апостола Андрея Первозванного, с северу – святых праведных Захарии и Елисаветы, внизу с южной стороны – преподобных отец Сергия и Германа, Валаамских чудотворцев, где и мощи преп. под спудом, а сверху сделаны раки, и на раки их положены живописные их образы»[11].

К 28 июня 1789 года был выстроен и освящен новый соборный храм преподобных Сергия и Германа Валаамских чудотворцев казначеем Иннокентием с братией, где мощи их почивают под спудом. В 1817 году архимандритом Коневского монастыря Иларионом была составлена служба преподобным Сергию и Герману, Валаамским чудотворцам, и напечатана в Синодальной типографии с приложением поучительного слова на память их.

В 1819 году, 20 октября, Святейшим Синодом было предписано общероссийское почитание Валаамских угодников и определены дни

[11] Там же.

церковного празднования их памяти 28 июня (11 июля н. ст.) и 11 сентября (24 сентября. н. ст.).

Мощи преподобных Сергия и Германа и ныне почивают под спудом в Спасо-Преображенском Соборе Валаамского монастыря. Свидетельством благодатной молитвенной помощи преподобных являются многочисленные чудеса, явленные по вере просящих и молящихся.

Основатели монастыря – преподобные Сергий и Герман, Валаамские чудотворцы – не оставили нам своего жития, которое несомненно существовало; сохранились лишь краткие упоминания в летописях и древних рукописях. Но преподобные Сергий и Герман никогда не оставляли своего братства. Они продолжают свидетельствовать на протяжении тысячи лет свое незримое присутствие, охраняя своим молитвенным предстательством Валаамскую обитель. Свидетельством их богоугодной жизни стало множество чудес и исцелений, подающихся по вере просящих о молитвенном предстательстве преподобных Сергия и Германа, которые продолжаются и в настоящее время.

В монастырском архиве, находящемся ныне в Финляндии, в Ново-Валаамском монастыре, сохранился сборник «Чудеса преподобных Сергия и Германа». Составлен он был по благословению игумена Дамаскина; выдержки из него приводим далее.

Великие угодники Божии, преподобные Сергий и Герман, и по своем успении продолжают подавать исцеления и творят многие чудеса, которые обильно изливаются от их цельбоносных мощей всем с верой к ним приходящим.

Преподобные отцы наши Сергие и Германе, молите Бога о нас!

Предание о святых мощах преподобных Сергия и Германа, Валаамских чудотворцев

Есть в Валаамской обители предание, идущее от старцев, современных игумену Назарию, что когда сей благочестивый настоятель созидал Соборный Преображения Господня храм на Валааме, то при рытии под основание его рвов видимы были гробницы препо-

добных Сергия и Германа, стоящие в склепе, прикрытом каменною плитою. Богомудрый игумен, несмотря на общее желание открыть сию святыню, немедленно при себе велел заложить камнем отверстие, чрез которое она была видима и запретил даже об этом говорить; а между тем изустно сообщил о сем открытии Высокопреосвещенному Гавриилу, Митрополиту Новгородскому и С.-Петербургскому и святитель одобрил такое его распоряжение.

Следующее обстоятельство объясняет, почему так поступил старец Назарий и как глубока была его духовная опытность. Игумен Ионафан, управляя Валаамскою обителью, сказывал некоторым из своих приближенных, что, знавши от очевидцев, как несомненную истину помянутый случай, он, сделавшись игуменом, возымел дерзостную мысль извлечь из недр земных богохранимые телеса Валаамских чудотворцев. Для исполнения сего он пригласил некоторых из братии и тайно, глухой ночью, они пришли к месту покоища святых мощей, разобрали уже каменный свод над могилой угодников Божиих и готовы были поднять плиту, покрывающую гробницы; но, едва коснулись ее, – пламень ог-

ненный наполнил могилу и остановил неугодное Господу предприятие.

Игумен и его сотрудники в благоговейном ужасе пали ниц и с чистосердечным раскаянием молили преподобных Сергия и Германа о помиловании; огнь небесный пощадил дерзостных, они, уложив камни разобранного свода на плиту, вышли из могилы невредимы и долгое время случившееся хранили в молчании.

В таком виде оставалась верхняя часть могилы до игумена Дамаскина, который при поправке наружной раки заметил беспорядочное положение камней, приказал их вынуть, а место посыпать белым песком. Один из трудившихся в сем деле сказывал, что над могилой лежит каменная ровная плита длиной около четырех, а шириной до трех аршин и которая находится под тем местом, где в соборе стоит серебряная рака.

Явление преподобных Сергия и Германа сомневающимся инокам

Случилось мне, – говорит монах Каллист, – слышать рассказ схимонаха Порфирия, как

Господь сподобил его видеть преподобных Сергия и Германа, Валаамских чудотворцев. Накануне памяти перенесения честных мощей угодников Божиих благоговейный старец Порфирий во время всенощного бдения в храме преподобных, где почивают их нетленные мощи, стоял в проходе за алтарем подле окна, напротив самого Престола, на аршине,

не более, расстоянием от него. Вдруг видит, во время величания, по обе стороны Престола Божия двух светообразных старцев в схимах. Лучезарное сияние разливалось от них и озаряло священнослужителей и молящихся! При каждом возгласе священнослужителей «Ублажаем вас, преподобные отцы наши Сергие и Германе!» – старцы благословляли всех. По прочтении святого Евангелия оба вышли Царскими вратами из алтаря и, еще раз благословив предстоящих, стали невидимы». (13, с. 11 – 12)

Монах Х. рассказывал, что когда он жил еще в новоначалии, то часто слышал среди молодых братий такие слова, что, дескать, преподобные отцы Сергий и Герман находятся не здесь, где стоит их рака, а где-нибудь в другом месте, а здесь в соборе, их рака находится только для воспоминания о них, и сами-то они еще неизвестно где положены.

«Наслушавшись таких речей, однажды я, стоя в церкви на хорах вовремя всенощной, когда читали кафизмы, стал об этом размышлять и, как бы соглашаясь с прочими, подумал: «А кто знает, может быть и в самом

деле преподобных-то здесь нет? Ведь Валаам-то велик! Они, может, где-нибудь и в другом месте положены?» Но только что я успел это подумать, как в душе моей внезапно произошло какое то изменение. Внезапно мое сердце умягчилось. Пришло некое Божественное умиление: пролились слезы из моих глаз, и душа моя исполнилась каким-то дивным духовным чувством. Взглянув на иконостас, я узрел с правой стороны, у колонны, преподобных отцов наших Сергия и Германа, стоящих по обеим сторонам иконы Божией Матери, висящей на колонне, именуемой Валаамской. Одеты они были в мантии и полное схимническое одеяние. На схимах были видны кресты и можно было прочитать слова: «Святый Боже, Святый Крепкий, Святый Безсмертный» и так далее. В руках они держали свитки. Лица их были постнические. Глаза чу́дные, голубые. Настолько вид их был дивный и божественный, что, кажется, глаз бы от них не отвел. Они смотрели внимательно на братию, как бы следя и наблюдая за ними. Я глядел на них, у меня слезы лились из глаз, а душа как-то неизреченно радовалась и утешалась и горела лю-

бовью ко Господу и угодникам Его. От избытка своей радости, желая поделиться со стоящим рядом со мною иноком, я хотел показать ему виденое мною. Но только что успел я это подумать, как виденое кончилось и преподобные стали невидимы. По-прежнему висела на колонне только икона Царицы Небесной.

После этого видения у меня все помыслы и сомнения о местонахождении наших преподобных совершенно исчезли, и я твердо уверовал, что именно здесь, а не в ином месте находятся угодники Сергий и Герман. Здесь они почивают своими нетленными и многоцелебными мощами, духом будучи вне всего видимого и земного. Уверовал я, что они молятся за братию и помогают всем, с верою и любовию припадающих к их честной раке, облегчая их скорби и нужды и врачуя немощи и неисцелимые болезни». (13, с. 10 – 11)

При игумене Пафнутии стоящий у раки преподобных Сергия и Германа монах К. часто мысленно сомневался и смущался таким помышлением, что здесь ли, под спудом, обретаются мощи первоначальников святой обители и чудотворцев Сергия и Германа, или где-нибудь

в ином месте? «Угодники Христовы! – часто говорил он, – хотя бы мне, грешному, во сне увидеть вас. Ведь вот, я нахожусь постоянно у вашей святой раки, а сомнение не оставляет меня, маловерного!»

И вот, богоносные отцы благоволили его утешить и успокоить его сомнение. «Однажды, – говорил он, – помню это было в декабре месяце, пришел я, по своему обычаю, раньше, чтобы привести все в порядок к вечерне. Отворив церковь, подошел к раке и совершенно спокойно, ни о чем особенно не думая, стал кое-что делать и убирать. Вижу, лампада над ракой ясно горит. Тут мне пришла мысль в голову и явилось желание приложиться к преподобным. Не стал обходить, как полагается, раку. А где стоял, на левой стороне, то и стал прикладываться: сначала к преподобному Герману, и только что вступил на ступени, как вижу ясно: в ногах у раки, с правой стороны, у аналоя, стоит схимник в полной схиме. Со мной что-то произошло непостижимое и никогда мною не испытанное. При полном мире сердечном и спокойствии я почувствовал, что словно я без тела стал: сделался каким-то особенным, легким. Прило-

жившись к преподобному Герману, иду на правую сторону раки, и, когда стал прикладываться к преподобному Сергию, то увидел тоже, и на левой стороне, в ногах у раки стоит другой схимник. Тогда я, приложившись к преподобному Сергию, встал перед ракою, и вот уже ясно вижу двух светолепных старцев-схимников, стоящих молча по бокам раки: причем преподобный Сергий как бы шевелился, или поправлял свою схиму и мантию. Малое освящение от лампады не позволяло мне рассмотреть тогда тонкости – черты их лица, но все-таки в общем видны были их бороды, очертания лица, носа и схимническое одеяние. В это время я, находясь в каком-то неизреченном благоговейном духовном чувстве, подумал: «Неужели же я вижу вас, преподобные отцы наши Сергие и Германе! Господи, помилуй! Что же это такое?! Старцы Божии! Земнии Ангелы и Божии человеки!» – воскликнул я и в радостном чувстве, от избытка духовной радости и зримого видения, упал на колени и в порыве чувств с благоговением положил земной поклон угодникам Божиим. Когда же я поднялся на ноги, то преподобные скрылись из моих глаз и стали невидимы. Не

скоро я мог прийти в себя, настолько это сильно потрясло и поразило меня. Но когда я понял и убедился, что я, недостойный, сподобился видеть своих преподобных отцов Сергия и Германа, тогда умилилось мое сердце и слезы ручьем пролились из глаз моих. И я плакал несколько дней. Конечно, я старался скрыть свои слезы от братии, и никому в то время ни слова ни проронил о своем видении, а сам с тех пор сердечно уверовал, что угодники Божии тут же обретаются, и еще сильнее любовью привязался к ним». (13, с. 9 – 10)

О том, как спасающиеся валаамские иноки чудесным образом нашли себе в Финляндии новое место

Игумен (Харитон. – *Ред.*) со старшими братьями ездил по Финляндии и осматривал продававшиеся сельские поместья. Когда они приехали в усадьбу министра Саастамойнена в деревне Папинниеми округа Хейнявеси, то на стене главного здания увидели икону преподобных Сергия и Германа, основателей Валаамской обители. Иноки восприняли это как указание

свыше и сразу же купили усадьбу... Поместье Папинниеми, теперешний Новый Валаам.

Явление преподобных Сергия и Германа схимонаху Иоанну

Схимонах отец Иоанн поведал о себе следующее истинное событие, приведшее его в монастырь: «Когда я еще жил в миру, то о монашестве и монастырях не имел совершенно никакого понятия и помышления, так как жизнь проводил светскую, рассеянную, к религиозным вопросам был равнодушен, холоден, и вообще духовным ничем не интересовался. Но Всеблагий Господь, не хотящий смерти грешника, коснулся Своею благодатию и моего холодного и жестокого сердца, и я, совершенно переменив жизнь свою, начал искренно молиться Богу, ходить в церковь, подавать посильно милостыню, соблюдать посты, читать Святое Евангелие, и вообще стал верующим человеком. Тогда ненавидящий добро диавол напал на меня сильнейшей духовной бранью, чрез хульные и всевозможные греховные помыслы приводя меня в страшное смущение, иной раз

доводя до легкого отчаяния. Не имея совершенно никакого понятия, как в этой невидимой брани надо сражаться с врагом и отражать его, я страдал, мучился; иной раз мне настолько становилось трудно, что я даже выбегал из дома в ужасе и страхе. Усердно я молился Богу об избавлении меня от этой ужасной греховной брани, умоляя Его избавить меня от этого страдания. И вот Всемилостивый Господь внял моей, хотя и немощной, но усердной молитве, и Божественною Своею благодатью чудесно освободил меня от этой бесовской брани чрез Своих угодников, преподобных Сергия и Германа, в обители которых впоследствии я удостоился принять святую схиму и жить до конца своей земной жизни.

Однажды, не помню, в какой праздник, я, по своему обычаю сходив к ранней литургии и возвратясь по окончании ее домой, попив чайку, намеревался сходить и к поздней литургии, но так как было еще рано, то я на краткое время, не раздеваясь, прилег отдохнуть и, сейчас же задремав, вижу такой сон – ясный. Подходят ко мне два светолепных старца в схимническом одеянии: первый – держал в своих руках

Чашу и лжицу, а второй – какой-то бархатный покров, хорошенько я не мог рассмотреть, какой это был покров. Первый, подойдя ко мне, молча дал мне три раза лжицей из Чаши Святое Причастие, а второй покрыл мою голову покровом, держимым в своих руках. После этого я, сразу же проснувшись, ощутил в своей душе великую радость и глубокий мир душевный. Греховной брани в моей душе и следа не осталось, и я сердечно возблагодарил Всещедрого Господа за Его великую ко мне, грешному, явленную милость. «И кто же эти святые старцы?» – многократно задавая себе вопрос, думал я. По прошествии нескольких лет, когда, промыслом Божиим, приехал на Валаам, то, подойдя к раке мощей преподобных отцев наших Сергия и Германа, валаамских чудотворцев, я сразу же узнал, что именно они-то ко мне и являлись. Когда же я жил в г. Баку, на Кавказе, они-то именно меня, по милосердию Божию, избавили от греховной душевной бури и таинственно призвали в свою святую обитель, где, по дивному промыслу Божию, доживаю я свой век, и уже сам стал схимником и насельником Валаамской обители». (13, с. 12)

Некоторые случаи спасения от потопления

Ризничий Валаамского монастыря, иеромонах Агафангел, с чувством благодарности к угодникам Божиим Сергию и Герману за их покровительство и спасения его от потопления, рассказал о себе следующее:

«В 1865 году, будучи еще мирянином, шел я из Кронштадта в Ораниенбаум. Была осень, и лед настолько был тонок, что едва держал человека. Со мною еще было 7 человек. Когда мы прошли версты четыре, лед стал еще тоньше и начал проваливаться под моими товарищами, которые, провалившись, скрывались под лед и тонули; один из них, убедительно прося подать ему руку помощи, обещал даже отдать, не оставляя себе ни копейки, весь находящийся при нем в 200 руб. капитал, но так как каждый не мог помочь даже себе, то на его слова никто не обратил внимания, и он, как и другие, с раздирающими душу воплями опустился на дно. Остался только я, ползя по проламывающемуся подо мной льду.

Предвидя и свою неизбежную гибель, я стал взывать к угодникам Божиим Сергию и Герману, Валаамским чудотворцам, прося их помощи обещался, если они спасут меня от потопления, поставить им две по полтиннику свечки, и даже самого себя посвятить на служение Господу в их святой обители.

В таких добрых чувствах и молитвенном настроении к угодникам Божиим я, уже не помню как, очутился на берегу в городе Ораниенбауме и, приехав в Петербург, немедленно пошел в валаамскую часовню и исполнил свое обещание – поставил преподобным Сергию и Герману, с чувством благодарности, две свечки, а вскоре, на другой же год, и самого себя посвятил на служение Господу в их святой Валаамской обители». (13, с. 13)

Выборгской губернии крестьянин Михаил Иванов Гаугинен рассказывал: «В 1843 году, в августе месяце, я с двумя товарищами на малом судне отправился с тесом в Кошкино. Дорогою мы в открытом озере застигнуты были бурею, судно наше было опрокинуто от сильного волнения, все, что было на судне, снесло водою, медленно поднялось, и мы, кое-как держась за

ванты, промокшие, оцепеневшие, носились по водам среди озера, без всякой надежды на спасение, и в таком положении нас застигла темная ночь.

В это время мне пришла в голову мысль обратиться с молитвою о помощи к преподобным Сергию и Герману, валаамским чудотворцам, обещаясь в случае избавления идти на Валаам и полтора года потрудиться в обители бесплатно. Когда я дал обещание, тогда нас понесло в одну сторону, и на другой день к вечеру мы пристали благополучно к Кошкину, именно туда, куда был путь наш, и остались здоровыми». (13, с. 14)

В Выборгской губернии крестьянин Матвей Петров, осенью 1850 года, накануне праздника святителя Николая Чудотворца, был застигнут с товарищами на рыбной ловле в Ладожском озере, недалеко от острова Мегорки, страшною бурею. Время было ночное, и погода час от часу ухудшалась. Гибель, казалось, была уже неизбежна. Матвей молитвенно призвал в помощь преподобных Сергия и Германа, обещая, что, если избавится от погибели, полгода будет трудиться в их святой

обители бесплатно, и молитва его была услышана. Заступлением Валаамских чудотворцев Господь спас утопающих, они без вреда для себя были вынесены ветром к Сердобольскому берегу.

Осенью 1849 года судно купца Пикеева было застигнуто на Ладожском озере бурею и разбито. Находившийся на нем Выборгской губернии деревни Шуштана Евдоким Филиппов успел ухватиться за один из обломков и трое суток носился на нем по озеру.

Не видя ниоткуда возможности получить помощь, Евдоким молил преподобных Сергия и Германа о своем спасении. И угодники Божии вняли молитве утопающего: Евдокима выбросило на берег около Обженского погоста, в Олонецком уезде. Он был совершенно здоров, лишь на следующий день обнаружилась на всем теле опухоль, но и та спустя две недели прошла без всякого врачевания, и он никогда потом не чувствовал никаких болезненных последствий.

25 марта 1852 года Евдоким приходил в обитель воздать благодарение валаамским чудотворцам за чу́дную их помощь и, прослав-

ляя действующего ими Господа, поведал о спасении своем.

Воскрешение мертвого

[Житель приладожья] Афанасий Демидов, отправляясь однажды на Олонецкие берега по промыслу своему скупать рыбу, намеревался заехать в Валаамский монастырь на поклонение мощам преподобных Сергия и Германа, почему взял с собою сына своего, отрока Василия. В виду Валаама застигла их сильная буря и угнала к Манинскому острову, в трех верстах от коего судно занесло на луду и разбило в дребезги. Афанасий с сыном успели пересесть в маленький ботик и поплыли к берегу, но едва они отъехали несколько сажень, страшный вал опрокинул лодку! Отец очнулся лежащим на берегу подле ботика и с ужасом заметил, что сына с ним не было! Отчаяние довело его до малодушия: он дерзнул укорять преподобных Сергия и Германа, что спасая стол многих, не подали помощи несчастному его сыну!

Но такое богохульное излияние горести было мгновенно – Афанасий со слезами раскаял-

ся, просил прощения своему безумию и в это время огромная волна положила к ногам его оплакиваемого сына!!! Отец в восторге бросился обнимать столь чу́дно возвращенное малое дитя свое – но увы! В объятиях его лежал холодный труп, и все его рыдания, все нежные слова и поцелуи не могли оживить бездушного мертвеца! Наконец Афанасий пришел в себя и стал молить угодников Божиих Сергия и Германа возвратить ему единственного сына, и Василий открыл глаза!

Воскрешенный отрок рассказал отцу, что он лежал уже на дне морском. Два монаха, взяв его под руки, вынесли на поверхность земли! В скором времени Афанасий Демидов приехал на Валаам, воздавая хвалу Господу и угодникам Его Сергию и Герману, предстателям и хранителям погибающих!

Чудесный случай, происшедший со схимонахом Иоанном

На отце Иоанне продолжительное время лежало одно из послушаний – поездки по озеру на сороковерстное расстояние, в город

Сердоболь, с почтой и по другим монастырским надобностям. Однажды зимою он ехал с почтою на лошади по льду. Когда переезжал перелом льда, лошадь у него провалилась в перелом. Он был один, долго он бился, вытаскивая ее; наконец, выбившись из сил, он обратился молитвенно к своим покровителям, преподобным Сергию и Герману, валаамским чудотворцам, и простосердечно воскликнул: «Преподобные отцы Сергий и Герман! Вы видите, что я один не могу лошадь вытащить и вот уж из сил выбился. Неужели вы попустите, чтобы монастырская скотинка погибла? Это будет монастырю ущерб и мне скорбь – помогите мне!» (1, с. 193) С этими словами он взялся снова тащить из воды лошадь – и что же? Откуда-то подоспела невидимая помощь – помощь угодников Божиих: лошадь он моментально вытащил и поехал дальше, продолжая путь по делу святого послушания.

Исцеление от пьянства

Крестьянин Выборгской губернии Сердобольского уезда деревни Рандова Михаил Ильин Вай-

тине в течение многих лет был одержим пьянством. Запои его продолжались несколько месяцев и почти всегда сопровождались белой горячкой, припадки коей иногда бывали так сильны, что Михаил впадал в неистовство и несколько раз покушался на самоубийство. О призраках, которые его смущали в то время, он не может вспоминать без ужаса! Все старания родных и в особенности человеколюбивого купца Семена Ивановича Дружинина, у которого Вайтине жил в работниках на Кюменских рыбных ловлях, не имели успеха удержать его от этой пагубной страсти. Наконец Михаил достиг обыкновенных следствий пьянства – телесного расслабления и даже слабоумия. Но Бог, не хотяй смерти грешника, вразумил благочестивых людей пользовать недуг его словами Христовой веры: страдальца расположили к молитве. Михаил прибег к предстательству и защите валаамских чудотворцев Сергия и Германа. Скоро в смущенной душе его водворились мир и благопокорность. Он стал укрепляться и телесными силами. Напоследок, сознавая, что ходатайством преподобных Сергия и Германа спасен от вечной погибели, возжелал посвятить остаток дней своих служению угодникам Божиим в их обители и

поселился на Валааме, где из лютеран присоединился к святой Православной Церкви и ныне пострижен уже в мантию с именем Михея.

Крестьянин Олонецкой губернии Михей Королев около 10-ти лет был одержим страстью к пьянству, напоследок впал в сумасшествие. Жена его Марфа Степановна молила преподобных Сергия и Германа исцелить страждущего и обещала ехать на поклонение их святым мощам; чрез трое суток Михей пришел в себя и с тех пор уже 12-ть лет никаких хмельных напитков не употребляет и стал трудолюбивейшим крестьянином. Марфа в бытность свою на Валааме, 27-го июня 1853 года, воздавая хвалу Господу и святым Его угодникам, преподобным Сергию и Герману Валаамским, рассказала о явленной к ним милости Божией настоятелю монастыря.

Исцеление от слепоты крестьянки Выборгской губернии, Сердобольского уезда, деревни Меложи

Крестьянин Лаврентий Данилов... рассказывал, что его мать в 1847 году от болезни ослепла

и два года была в этом горестном положении. Случилось ему ехать в Валаамский монастырь, и слепая мать просила его привезти что-нибудь из святой обители, надеясь этим, если не исцелить, то, по крайней мере, облегчить недуг свой. Она знала, что преподобные Сергий и Герман не оставляют без помощи с верою прибегающим к ним.

Лаврентий выпросил в монастырской аптеке розовой воды и привез матери. Старушка, призвав милосердие угодников Божиих, умылась ею и прозрела.

Происшествие это подтверждает Павел Данилов... крестьянин того же уезда деревни Очужи, который сам видел мать Лаврентия слепою, а потом зрячей.

Исцеление слепой девицы

Весною 1846 года у чухонки, 16-ти летней девицы Елены Ватине, крестьянки Выборгской губернии Сердобольского уезда, деревни Рекала, заболели глаза, и она ослепла.

Дядя несчастной Елены, крестьянин того уезда деревни Рондова Михаил Ильин Вайти-

не, уже несколько лет принявший Православие и проживавший в 1851 году рыбаком в Валаамском монастыре, узнав об этом горестном событии, помолился с искренним усердием преподобным Сергию и Герману, прося угодников Божиих помочь страждущей, и, взяв по благословению настоятеля из лампады, висящей над многоцелебною их ракою, деревянного масла, послал его своей племяннице.

Елена часто слышала о чудотворных исцелениях с верою прибегающих к помощи Валаамских чудотворцев и, приняв с благоговением благочестивый подарок дяди, помазала присланным елеем очи и прозрела.

Исцеление Санкт-Петербургского купца Капитона Михайловича Михайлова от холеры

Летом 1849 года Санкт-Петербургский купец Капитон Михайлович Михайлов, проводив супругу свою на богомолье в Валаамский монастырь, внезапно заболел холерой. Болезнь развилась быстро и пришла уже в ту степень, что все усилия помочь страдальцу

оказались безуспешными. Болящий это заметил и стал уже мысленно прощаться с отсутствующей своей супругой. Горько жалел он, что не поехал с ней и вспомнил, что не раз давал обещание поклониться валаамским чудотворцам, но все откладывал, по житейским нуждам до удобного по его расчетам времени, и вот, как бы в наказание, он умирает в разлуке с милыми сердцу!

Он стал просить угодников Божиих, да простят его согрешения, и помолятся Господу Богу о душе его, обещая, если он получит исцеление, немедленно поедет на Валаам. Едва эта молитва была произнесена, припадки болезни остановились, – умирающий стал мало-помалу оживать. Это случилось в 11-м часу ночи, а в 6 часов утра Капитон Михайлович, почти совершенно здоровый, ехал уже на пароходе «Петр Великий» в Валаамскую обитель, чтобы воздать благодарение преподобным Сергию и Герману, столь скоро услышавшим его раскаяние и молитву и так чудно исцелившим его.

Исцеление и видение крестьянина

Крестьянин Тихвинского уезда Матвей, перегоняя водку, уронил котел и был им совершенно изувечен: кипящей влагой обварило ему руки, а тяжестью котла раздавило ноги его. По излечении ожога Матвей едва мог ползком передвигаться с места на место. Родственники Матвея, имея твердую веру к преподобным Сергию и Герману, привезли его на Валаам, дабы он теплыми молитвами испросил себе врачевание сих чудотворцев. Калека поселился в обители и по силам исполнял келейное правило.

В Фомино воскресенье, в 3 часа пополудни, Матвей читал в своей келье вслух 50-й псалом (в келье в это время случился прислуживающий ему послушник Семен, ныне Сергий, схимонах и пустынник, который и рассказывал об этом чуде); вдруг все члены его начали страшно корчиться, он ухватился за край лежанки, но невидимою силой его бросило на пол, и он так неистово застонал, что даже из самых отдаленных келий сбежалась испуганная братия. Вопль затих, но все тело его мгновенно оцепенело, глаза остались открытыми и выражали

ужасное исступление и скривленные уста покрылись смрадною пеной. Наконец, никаких знаков жизни в несчастном не было заметно. Готовились уже опрятать на вечное успокоение окостенелый труп, как добродушный келейник заметил: «Да не откровение ли какое ему видится, и может быть он еще очнется и, Бог даст, сподобится причастия Святых Тайн!» В это время умерший поднял руку и положил ее на уста свои; по этому знаку жизни тотчас принесены были запасные Святые Дары. Над недужным совершена глухая исповедь, и лишь только возложили в уста его Святое Причастие, взор его прояснился, на лице выразилась благоговейная радость. К общему удивлению, опираясь на руки, он встал на ноги совершенно здоровым, как бы никогда не был изувечен! Оправясь совершенно, Матвей рассказал братии следующее: «Когда я читал «Помилуй мя, Боже», внезапно явилось передо мною чудовище, с длинным трезубцем в руках; судя по его безобразию, я догадался, что это бес. Ужас овладел мной, я хотел усилить молитву, но враг человека вонзил свой трезубец в поясницу и бросил меня на землю. Я чувствовал в

теле нестерпимую боль и поэтому кричал; потом я очутился в аду. Тут я увидел многих из своих родных и знакомых.

О, как страшны мучения грешников в аду! И мне окаянному показали заслуженное мною место. Нестерпимое зловоние казалось готово было вытеснить из тела грешную мою душу. Вдруг все вокруг меня взволновалось, застонало... Вдали показался свет. Тягость моя стала облегчаться, свет приблизился, и я увидел идущую ко мне Пречистую Деву Богородицу, а за Нею преподобных Сергия и Германа, Валаамских чудотворцев, и еще святого с крестом, образ я его видел в Успенской церкви. Угодники Божии стали молить Богоматерь о моем избавлении, и по мановению Владычицы демоны меня оставили, я почувствовал себя в своей келье, и когда мне дали Святого Причастия, мне казалось, что я как бы снова возрождаюсь: члены мои начали крепнуть, усиливаться, и я встал, как видите, совершенно исцеленным по предстательству отец наших Сергия и Германа».

Впоследствии Господь сподобил Матвея видеть, как угодники Божии Сергий и Герман

благословляют приходящих к святым их мощам с чистой верой.

Исцеление крестьянского сына Илии Эрка

Илья, десятилетний сын крестьянина Выборгской губернии, Якимварской волости, деревни Сумиригли, Егора Эрка, по возвращении своем из Влаамского монастыря, где проживал около семи недель, занемог и хворал полтора месяца; потом болезнь усилилась и четыре недели Илья был до того в отчаянном состоянии, что не мог даже говорить. Мать его, Пелагея, стала молить преподобных Сергия и Германа помочь ему, обещая, если он выздоровеет, отслужить молебен пред чудотворною их ракой и, свезши сына на Валаам, оставить его трудиться в святой обители.

Однажды Пелагея после непродолжительного отсутствия, возвратясь в комнату, где лежал больной, и, найдя двери отворенными, спросила сына, кто это сделал, и мальчик к удивлению матери отвечал, что он сам отворил

двери, выходя посмотреть, куда пошла Женщина в золотом одеянии, и за Нею Валаамский старец с зажженною свечою в руке. Женщина благословила его и выдавила ему из горла нарыв. В это время он проснулся и, чувствуя себя совершенно здоровым, захотел узнать, не приходил действительно кто-нибудь, для чего и отворил двери.

Пелагея в том же 1851 году, 8 сентября, приезжала с совершенно исцеленным сыном на Валаам, возблагодарить преподобных Сергия и Германа, чудесно исцеливших Илию, и рассказала о случившемся, в присутствии многих из братий, самому игумену Дамаскину.

Икона преподобных Сергия и Германа останавливает пожар. Рассказ монаха Иоиля

На родине моей в Красном Селе Санкт-Петербургской епархии вспыхнул пожар. Отец и брат были в поле, дома осталась одна матушка и сестра. Село горело с обоих концов, дом наш стоял в середине села, и пламя стремилось прямо на него. Матушка вспом-

нила, что не задолго до этого я привез ей из монастыря икону святых угодников Валаамских Сергия и Германа. Она упала на колени перед преподобными и молила со слезами спасти наше скудное имущество. Потом взяла святую икону, вышла с нею за ворота и обнесла ее вокруг нашего и соседнего, смежного с ним, дворов. Вдруг пламя, готовое их объять, остановилось, и место, обнесенное святою иконой, осталось невредимо заступлением преподобных отец Сергия и Германа.

Откровение петербургскому мещанину Василию Козьмину

В памяти валаамских старцев (1850) живо сохраняется рассказ монаха Варсонофия, в миру Василия Кузьмина, какими чудными путями он призван был в эту обитель. Ребенком он обнаруживал уже расположение к монашеству. С летами это расположение усиливалось, но разные обстоятельства препятствовали ему провести это желание во исполнение. Достигнув совершенного возраста, Василий занемог тяжкою болезнею и, прося

Господа об исцелении, дал твердое обещание по выздоровлении идти в монастырь. Молитва его была услышана, – он вскоре же выздоровел. Когда хотел исполнить свой обет, им овладело недоумение, в какой обители искать спасения? Он просил Бога вразумит его.

В одну ночь видит он во сне, будто едет он на лодке по заливу, между каменистыми горами, покрытыми лесом. Вдали показался неизвестный ему монастырь. Когда же он подъехал к нему ближе, то заметил на склоне горы множество иноков и между ними двух светолепных старцев. Один был на коне, другой стоял, опершись на свой посох. Лучезарное сияние свыше облистало чудный сей собор отшельников. Василий, пораженный видением, с благоговением пал ниц, и слезы умиления оросили его ланиты! Он пожелал узнать название монастыря и слышит глас: «Это древний Валаам, многие иноки поработали здесь Господу!» Василий проснулся, но память его не удержала имени обители.

Долго он молил Господа, чтобы помог вспомнить название виденого во сне монастыря!

Однажды после такой молитвы, Василий уснул и видит, как мимо него проходит бранный (военный. – *Ред.*) строй светлых ратников, и ими как бы предводительствовали два седовласых благообразных старца: один на белом коне и в воинской брони, покрытый черной мантией, поверх же схимнического куколя блистал золотой шлем. Другой в иноческой одежде шел подле него с посохом. Предводители остановились и тихо беседовали между собою. Василий, заметив подле себя какого-то старца, спросил его: «Что это за воины и куда едут?» Старец отвечал: «То Валаамские настоятели Сергий и Герман с учениками и последователями своими. Одетый в доспехи едет помогать русским в брани против шведов, а схимник возвращается охранять свою обитель. Если искренне желаешь иноческого жития, то проси его, чтобы взял тебя к себе!» Когда предводитель и ратники, простясь со схимником, скрылись вдали, Василий подошел к нему и стал умолять о принятии себя в их монастырь.

Старец посмотрел на него и велел следовать за собою. Шли они долго, лесом, гора-

ми, переправлялись через реки и, наконец, переплыв в ладье большое озеро, вышли на остров. Василию представился уже знакомый каменистый монастырь! В этот момент видение закончилось. Проснувшись, Василий возблагодарил Господа за откровение и решил идти на Валаам, о котором прежде неслышал.

Прибывши в обитель, Василий увидел наяву то самое здание, которое представилось ему в сновидениях! Даже и предметы, встречавшиеся ему на пути, он видел в таинственных снах.

Вразумление словонарушителя

Настоятель Валаамского монастыря игумен Дамаскин узнав, что в церкви во имя святителя Василия Великого, существующий на месте упраздненного Валаамского подворья в Новоладожском уезде на Васильевском погосте, икона преподобных Сергия и Германа пришла в ветхость, пожертвовал взамен ее вновь написанную в обители, по размеру прежней.

Летом 1848 года вызван был на Валаам староста церкви для принятия новой иконы.

Староста, получив икону, нанял ладожского обывателя доставить ее на место, но, не доехав 12 верст до Васильеского погоста, ладожанин по своим расчетам отказался везти икону дальше, и староста вынужден был нанять другого извозчика, чтобы доставить ее в Васильевскую церковь. В следующую ночь, в сонном видении, являются ладожанину два старца и говорят: «Как ты дерзнул нарушить свое слово и не свез икону нашу, куда взялся? Покайся, или будешь наказан!» Ладожанин не обратил внимания на это видение. В другую ночь тот же сон, но и он не подействовал на него. В третью ночь снова являются преподобные, слова их те же, но вид их грозен.

Ладожанин раскаялся и утром поехал в Васильевскую церковь. Там просил отслужить молебен Валаамским чудотворцам и со слезами и коленопреклонением молил угодников Божиих о помиловании. По окончании молебна, он почувствовал, как бы некая тяжесть свалилась с его груди, сделалось легко и радостно; он уверился, что прощен преподобными.

Явление расслабленному ногами

Суздальского уезда земледелец Алексий много лет был расслаблен ногами и не покидал одра своего. Врачевания не облегчали недуга его. Родители Алексия отчаялись в его выздоровлении, почитая болезнь его казнью Божией за грехи их. Когда все находились в таких скорбных мыслях, Алексию в сонном видении предстали два старца монаха и вещали: «Буди здрав, восстань и иди в Валаамскую обитель воздать благодарение, тебя исцелившему Господу Богу». «Кто вы, отцы честные, и как я могу исполнить повеление ваше, когда я столько лет не владею ногами?» «Веруй, чадо, и Господь поможет! Мы же, – Валаамские старцы Сергий и Герман, – и пришли тебя исцелить!» – отвечали иноки и стали невидимы.

Алексий проснулся, чувствуя себя необычайно радостным, призвал домашних своих, рассказал о видении и положил непременно исполнить приказанное, если Господь возвратит ему здравие. В то же время он почувствовал силу в ногах и через несколько дней был

уже в состоянии отправиться в обещанный путь. Чем далее он шел, тем более ноги его укреплялись, и по благости Божией он прибыл на Валаам совершенно здоровым.

Здесь Алексий поведал настоятелю и братии обстоятельства своего исцеления. Благочестивые иноки уразумели в явившихся старцах великих чудотворцев Валаамских Сергия и Германа и отпели благодарственный молебен пред многоцелебною их ракою.

Алексий, потрудясь довольно долгое время в Валаамской обители, возвратился домой в совершенном здравии, хваля Бога и святых угодников Его.

Покровительство благочестию и трудолюбию

Крестьянин Сердобольского уезда Петр Филлипов... деревни Очужи по смерти отца был выгнан старшим братом из родительского дома с женою и детьми. Христолюбивые соседи дали приют несчастному семейству, но Петр, не находя в селении своем средств к про-

питанию, должен был оставить семью в чужом доме и определиться на Валаам в монастырские работники.

Скудного жалованья едва хватило на семейные потребы. Петр скорбел и, наконец, впал в болезнь. Однажды, когда он уже был на смертном одре, дверь келии отворилась, и предстали ему два светозарных старца. Судя по иконам, в них он узнал преподобных Сергия и Германа. Благоговейный трепет овладел болящим. Святые успокоили его и обещали бдеть о благе его семейства.

С тех пор мир водворился в душе Петра и довольство в его семействе! Однако Петр продолжал трудиться в обители, выполняя строго, на равных с монашествующими, все монастырские правила. Кротостью и благодушием снискал всеобщую любовь и уважение. Таким образом, пожив довольно лет, отошел в мир к Утешителю всех труждающихся и где по вере своей, конечно, обрел успокоение.

ПРЕПОДОБНЫЙ ИГУМЕН НАЗАРИЙ (1735 – 1809)

Как выдающийся восстановитель святой Валаамской обители после ее упадка, обусловленного непродуманными пагубными государственными реформами, вошел в историю Церкви игумен Назарий. В нем удивительным образом воплотились таланты духоносного старца и редкого по качествам церковного администратора-строителя. Его можно уподобить драгоценному духовному самородку, явленному Богом на духовном пространстве Русского Православия в 18-м столетии.

Будущий Валаамский настоятель родился в декабре 1735 года в селе Аносово Темниковского уезда Тамбовской губернии в семье церковного причетника («дьячка»-чтеца). Отца его звали Кондратом, а мать Маврой. Во святом крещении он был наречен Николаем.

Горячо возлюбив Бога с ранней юности, Николай оставил мир и, в 1752 году, имея от роду 17 лет, ушел в Саровскую пустынь, где

пробыл три года, но услышав о подвижнической жизни Астраханского и Ставропольского епископа Мефодия, неуклонно стремящийся к духовному совершенству Николай отправился к нему. 20 декабря 1761 года в присутствии преосвященного Мефодия в Покровском монастыре Николай был пострижен в монашество с именем Назарий, а 22 октября 1762 года молодой инок был рукоположен епископом Мефодием в иеродиакона. Он нес послушание келейника при владыке. Осенью 1764 года, получив увольнение из Астраханской епархии, отец Назарий возвратился в Саровскую пустынь. Здесь он исполнял клиросное послушание, а также шил для братий камилавки (иноческие шапочки. – *Ред.*). В 1776 году епископом Владимирским и Муромским Иеронимом отец Назарий был посвящен во иеромонаха и с этих пор исполнял чреду священнослужения в храмах. Строгое выполнение иноческого устава было всегдашней его заботой. Он стремился к непрестанной молитве, вел постническую и нестяжательную жизнь, о чем вскоре стало известно митрополиту Санкт-Петербургскому и

Новгородскому Гавриилу (Петрову), который ревностно заботился о возрождении монастырей.

Святитель Божий, в то время желая восстановить на легендарном Валааме «селение святых и тем принести Спасителю мира Иисусу Христу благоугодную жертву», искал мужа, способного «утвердити иночествующих в спасительной жизни», чтобы определить его строителем (по старой терминологии – восстановителем. – *Ред.*) в Валаамский монастырь. Посему, узнав об отце Назарие, митрополит вызвал его в С.-Петербург. Сначала настоятель Саровской пустыни и даже сам местный епископ Феофил, стараясь удержать у себя уже знаменитого подвижника, представили митрополиту отца Назария, как человека малоумного и неопытного в духовной жизни. Когда же митрополит Гавриил, проникая в тайну смирения будущего знаменитого валаамского игумена, ответил, что у него «...много своих умников, пришлите мне вашего глупца» (2, с. 9), тогда невольно отпустили отца Назария из Сарова. Так Господь-Пастыреначальник Своим Про-

мыслом через богомудрого столичного архипастыря избрал угодника Своего Назария в оружие к восстановлению древнего святого Валаама.

Указом консистории (Духовные консистории – органы епархиального управления, действовавшие в России в Синодальный период Русской Православной Церкви. Были введены в результате правителственных антицерковных реформ – *Ред.*) от 7 марта 1782 года иеромонах Назарий официально назначается строителем Валаамского монастыря с возведением в сан игумена.

В то время Валаамская обитель в результате губительных для монашества государственных преобразований состояла за штатом и была лишена самого необходимого для нормального существования. Братство составляли престарелые иноки; некому было исправлять чреду священнослужения, ибо не оставалось даже ни одного иеромонаха; некому было исполнять клиросные послушания. Около года игумен Назарий совершал богослужение один. Монастырские постройки ветшали и разрушались.

Важным делом нового настоятеля было упразднение ярмарки, проходившей на Валааме ежегодно летом. В прошении отца Назария митрополиту Санкт-Петербургскому и Новгородскому говорится, что при ярмарке бывает винная торговля, от которой в обители производится сильный беспорядок, особенно во время богослужения. Слышны непристойные крики, пение песен и пляска. При содействии владыки Гавриила в 1782 году последовал Указ Санкт-Петербургской консистории об упразднении ярмарки и запрете винной торговли на острове.

Игумен также деятельно занялся строительством. Он составил план каменного монастырского здания с келейными корпусами, расположенными четырехугольником (каре). В феврале 1785 года проект был утвержден митрополитом Гавриилом, и в течение восьми лет, с помощью благотворителей, были возведены: каменный двухэтажный пятиглавый собор с 18-саженной колокольней, Успенская и Никольская церкви, ризница, трапезный корпус и кельи.

При закладке собора с церковью в нижнем этаже во имя преподобных Сергия и Германа Валаамских над нетленными их мощами было

откровение будущему впоследствии игумену Иннокентию. Во время краткого сна Господь сподобил его видеть знамение того, что созидаемый храм есть Богу приятная жертва. Он видел стечение народа в монастыре. Все ожидали прибытия Высокопреосвященейшего митрополита Гавриила для положения основного камня. Вскоре явился сам владыка, облаченный в мантию и с архиерейским жезлом в руке. По обе его стороны шли два светолепных схимника. Приблизившись к месту, где почивают многоцелебные мощи преподобных Сергия и Германа, они остановились, осенили крестным знамением святую могилу, все пространство, предназначенное под строение, – и стали невидимы.

Нижняя церковь собора во имя преподобных Сергия и Германа, Валаамских чудотворцев, была освящена в 1789 году. А через четыре года, как следствие подвижнических трудов отца Назария, в обители были освящены еще два храма: скитский – во имя Всех Святых, и во внутреннем монастырском карэ, справа от входа в Святые врата, – в честь святителя Николая Чудотворца.

В 1794 году состоялось знаменательное событии – освящение величесственного Спасо-Преображенского собора и придела его во имя святых апостолов Петра и Павла. Храм Успения Пресвятой Богородицы, который оканчивал четырехугольное внутреннее карэ, после перестройки также был освящен в 1796 году и завершил уникальный архитектурный ансамбль обновленной обители

В таком быстром внешнем преуспеянии Валаамского монастыря был подвиг и высокопреосвященного митрополита Гавриила. Он не жалел многих сил и средств на возрождение великой северной святыни и на всю жизнь особенно полюбил благочестивого и самоотверженного игумена Назария.

Наконец, волею императрицы Екатерины Второй в 1786 году Валаамский монастырь включили в число штатных монастырей третьего класса. А в 1797 году от щедрот императора Павла Первого святой обители были пожалованы Кюменские рыбные ловли.

Все же будущий духоносный старец-настоятель придавал главное значение не внешнему строительству монастыря, но устройству ду-

ховной жизни. По воле митрополита Гавриила отец Назарий ввел в монастыре древний общежительный устав по образцу Саровской пустыни. Его молитвами и стараниями было введено строгое уставное богослужение, а также три вида монашеской жизни: общежительная, скитская и пустынная. Сам игумен имел в монастыре отшельническую келью, в которую иногда уединялся для сугубой молитвы.

Известность добродетельной жизни игумена и его сподвижников в скором времени собрала на Валаам под мудрое управление отца Назария ревностную братию до 50 человек. И численность насельников неуклонно увеличивалась. Везде царил совершенный порядок. Это превзошло ожидания самого настоятеля, который, найдя монастырь почти без братства, считал за особенную милость Божию, если соберется к нему человек до 30.

С годами и опытностью батюшка Назарий становился богомудрым старцем. Действуя не толко словом, но наипаче личным примером, он во всем подвизался первым. Совершая богослужения, продолжителные иноческие молитвенные последования, объясняя

слово Божие, игумен и физически трудился наравне с братией: рыл гряды, ездил за сбором, лечил, навещал больных и печальных.

Лично преуспевая духовно, он основал также скит неусыпаемых подвижников. Там несколько отшельников день и ночь попеременно читали Псалтирь по усопшим. Уже сподобившись Божественных даров, особенно дара духовного разсуждения, мудрый настоятель заботливо оберегал руководимых им подвижников от многообразных козней дьявола. Зная, что самонадеянность и уверенность в собственной святости часто возмущает умы даже схимников, он строго постановил, чтобы все они, во избежание духовной гордости, исповедовали друг другу свои тайные помыслы и ошибки.

Под его духовным руководством воспиталось немало подвижников, воплотивших в своей жизни лучшие черты своего старца-учителя. Это и деятельный настоятель, возглавитель Соловецкого монастыря, а в тоже время строгий аскет – архимандрит Макарий, любители пустынного безмолвия и делатели молитвы – иеросхимонах Никон-пещерник,

схимонах Кириак, схимонах Николай, игумен Варлаам, а также продолжатели валаамского старчества и духовного окормления братии – близкий ученик незабвенного старца Назария – иеросхимонах Евфимий, ставший духовником Саровской пустыни, и иеромонах Илларион.

Ученики батюшки вспоминали, что между братией отец Назарий ввел строгий порядок. Более всего, как основного камня христианских добродетелей, согласно слову Евангелия: *Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное* (Мф. 5: 3), требовал он смирения. Смиренный сам, он и всех, которые просили у него наставления, прежде всего учил смирению. В речах к ученикам постоянными темами были: противостояние страстям, пути обретения добродетели. Часто в разговоре, как сам он, так и слушающие, забывали время в усладительной беседе. Слова опытного старца были правдивы, прямы, иногда даже резки. Душеспасительные советы он основывал не на своем разуме, но на словах Священного Писания и святых отцов. Так учил им других. Строгий и как бы недоступный по виду, он словами

привлекал сердца всех в любовь к Богу и послушание к нему.

По поручению Святейшего Синода в 1794 году игумен Назарий из числа Валаамского братства благословил на героический путь миссионерского служения восемь ревностных и способных иноков. В их числе был святой преподобный Герман Аляскинский.

Благодаря непоколебимому основанию, заложенному отцом Назарием, Валаамская обитель к средине 19-го столетия достигла вершин своего расцвета. Святитель Игнатий (Брянчанинов), посетивший ее в 1846 году, написал: «По устройству своему в монашеском отношении, Валаамский монастырь – верный снимок с монастырей первенствующей Церкви христианской. Он имеет монашествующих всех видов Восточной Православной Церкви: имеет и общежитие, и скит, и пустынников, и отшельников» (2, с. 17).

Вслед за поразительным возрождением Валаама, истинный святитель Божий митрополит Гавриил начал преобразовывать по общежительному уставу и некоторые другие обители. В добрые помощники он призвал се-

бе отца Назария, который хорошо знал и понимал нужды современному ему монашеству. Жертвенными стараниями игумена Валаамского в 1795 году в Троице-Сергиевой пустыни был заведен общежительный порядок. Со временем общежительное житие сложилось в десяти монастырях Новгородской и двух монастырях Санкт-Петербургской епархий.

Прилагавший все усилия для возрождения русского монашества, святой Валаамский игумен понимал, как было необходимо иметь вернейшее руководство на пути спасения – творения святых отцов, сделав им общим достоянием. Для этого он предполагал издать драгоценный сборник Добротолюбие, состоящий из сорока книг, однако переведены были лишь 26. В 1792 году им было подано прошение в Святейший Синод с просьбой об издании Добротолюбия на свой кошт. По Указу Святейшего Синода от 22 марта 1792 года Добротолюбие начало печататься. При его издании были использованы переводы как святого преподобного старца Паисия (Величковского), к которому ранее обращался игумен Назарий с просьбой о переводе с

греческого на русский, так и другие переводы. Эти переводы должны были быть освидетельствованы с греческим оригиналом архимандритом Московского Ставропигиального Заиконоспасского монастыря и ректором Московской Академии Мефодием. Со времени указа прошло девять месяцев, но рассмотрение почти не двигалось. Обеспокоенный этим обстоятельством отец Назарий обратился вновь в Синод с прошением поручить эту работу архимандриту Авраамию, настоятелю Ростовского Яковлевского монастыря. Указом Святейшего Синода это было дозволено. 11 мая 1793 года в московской синодальной типографии вышел перевод Добротолюбия.

В 1796 году дважды обращался игумен Назарий в Святейший Синод с прошением, в котором, следуя завету святого старца Паисия, просил о рассылке нескольких экземпляров Добротолюбия по монастырям и епархиям и чтобы было ему предоставлено право распространять этот драгоценный для иноков сборник. К сожалению, благому делу святого игумена по распространению Добротолюбия не суждено было сбыться. По указу Святейше-

го Правительствующего Синода от 21 января 1797 года Добротолюбие было велено употребить в продажу вместе с прочими казенными книгами, а прошение игумена Назария о рассылке этой книги по епархиям оставить без действия.

Однако, Промыслом Божиим Добротолюбие распространилось не только по российским монастырям, но и за пределами России. В 1798 году вышла и вторая часть Добротолюбия.

Игумен Назарий также предпринял неудавшуюся попытку издать перевод поучений преподобного Исаака Сирина. Однако, благодаря его жертвенным усилиям, ценнейшие духовные сочинения все же стали настольными книгами для всех последующих поколений подвижников. Рукописи чудом оказались в Оптиной и по проторенному пути, спустя полвека, пошли уже святые Оптинские старцы – преподобные Лев и Макарий. Цена же подвига валаамского настоятеля за скупыми строчками архивных дел остается до конца неведомой.

В 1801 году, в возрасте 66 лет, достигший совершенного духовного возраста старец-насто-

ятель Назарий получил увольнение от настоятельства. Любитель пустынного безмолвия, он пожелал поселиться в своей уединенной келье в версте от обители. Его занятием стали непрестанная молитва и рукоделие. После трехлетнего пребывания на покое внешние обстоятельства понудили старца оставить уединенную келью и Валаамский монастырь.

Батюшка пожелал посетить некоторые пустынные обители, удобные к монашескому житию. Многие его знакомые хвалили места около станицы черноморских казаков, куда и направился старец вместе со своим учеником иеромонахом Иларионом. По пути, в одном селе Воронежской губернии, в доме некоего священника, где остановились они переночевать, отец Назарий узнал, что даже в праздничные дни тот священник не совершает богослужение по причине отсутствия прихожан на службе, хотя приход был большой. Отец Назарий заметил священнику, какую большую ошибку он творит и что это искушение от врага нашего спасения. «Если прихожане ваши не исполняют своих важнейших обязанностей, то вы, пастырь, ваши обязанности

должны выполнять неопустительно. Храм Божий никогда не может быть пуст. От времени освящения храма в нем находится блюститель Престола Господня – Ангел. Если бы и прихожане ваши не пришли к богослужению, то он всегда будет наполнен Ангелами Хранителями их душ. Так, при всяком славословии Божием, по пламенеющей любви ко Господу своему, Ангелы Божии первые бывают и сослужители и сославословители, и они наполнили бы церковь в ваше служение.

Если бы вы, усердно исполняя свою обязанность, молились бы о пастве вашей, то Господь, по Своему человеколюбию, согрел их сердца и обратил бы к покаянию и молитве. И что вы скажете в ответ в день Страшного Суда Божия за погибель паствы вашей, когда вы, со своей стороны, не употребляете никаких мер для ее обращения и спасения?» (2, с. 31 – 34)

Священник просил старца помочь ему исправиться. Совершив всенощное богослужение, на котором собралось до десяти стариков и старушек, отец Назарий рассказал о необходимости и пользе молиться в храме Божием. Утром священник совершил Боже-

ственную литургию, а отец Назарий читал поучения. После обеда игумен уговорил людей, собравшихся на погосте вокруг церкви для веселья и игр, послушать житие празднуемого в тот день святого, которое читал священник по его просьбе отца.

С тех пор прихожан в церкви день от дня становилось все больше, и впоследствии в праздничные дни храм уже не вмещал множество, народа, и паперть была наполнена молящимися. Отец Назарий по просьбе священника прожил в селе более двух недель, не упуская ни одного случая беседовать и наставлять истинному христианскому благочестию многочисленных местных жителей. Священник, став его духовным сыном, со всем усердием исполнял наставления дивного старца, видя в нем орудие, Богом посланное для спасения его и вверенной ему паствы. Наконец игумен решил вернуться в Саровскую пустынь. Проводить своего старца, отца и благодетеля пришли все прихожане не только этого села, но и окрестных сел.

И вот, угодник Божий Назарий, посетив причерноморские места и найдя их малопри-

годными для иночества, навестив на обратном пути своего духовного сына – сельского настоятеля – с богохранимой паствой и еще раз утвердив их в благочестии, прибыл в Саров. Некоторые монахи стали укорять игумена, почему он не сдержал своего слова навсегда остаться на Кавказе и опять приехал к ним. Старец со смирением отвечал: «Простите меня, старцы святые. Обезумел, вошел в прелесть самовольства, но как Батюшка Сладчайший Иисус меня, дурака, проучил, попотчевал беспрестанными лихорадками... Примите, ради Бога, не зазрите бестолкового Назария». (2, с. 34 – 35)

Кротость и смирение старца Назария были необыкновенны. Однажды в дороге Господь попустил ему заехать по неведению ночевать к разбойникам. Старец, спокойно сев к столу, стал рассказывать хозяевам назидательные поучения об обязанностях к Богу и людям, о будущей жизни, награде добрым и муке злых после смерти. Хозяин, потеряв терпение, стал сердиться, требуя, чтобы гость скорее ложился спать и дал покой домашним. Но твердый старец, не обращая внимания на его слова,

взял молитвенник и стал читать монашеское правило, класть поклоны – и так молиться до рассвета. Утром, поблагодарив хозяина за угощение, ночлег и покой ему доставленный, помолившись Богу, отец Назарий вышел из дома и сел в повозку. Обезоруженные кротостью и спокойствием духа чудного странника, разбойники в раздумье выронили ножи из рук и стояли неподвижно. Хозяин вернул лошадей и спросил отца Назария: «Что ты за человек, что на тебя руки не подымаются, и какая же сила удерживает нас?» На это старец кротко ответил: «Ты видишь, что я – монах. Это сила Божия не допустила сделать мне зла, и она же непременно накажет тебя за преступления, если не оставишь их и не будешь жить, как должно доброму и честному крестьянину» (2, с. 35 – 36). Продолжая свои обличения и наставления, отец Назарий до того привел в чувство хозяина, что тот раскаялся в прежних преступлениях и впоследствии сделался ревностнейшим христианином со всем своим семейством.

В Сарове по любви к безмолвию отец Назарий устроил себе в лесу, при речке Саровке, недалеко от обители, пустынную келью. Ког-

да позволяли силы, любил он в ночное время ходить по лесу и на память совершать молитвенное правило двенадцати псалмов, а с восходом солнца возвращаться в свою хибарку. Не раз случалось ему в ночное время в дремучем лесу встречаться с медведями, но никогда они не нападали на него. Он безбоязненно ходил, предаваясь всегда на волю Божию.

Многие отшельники приходили к нему открывать свои помыслы. Наставления опытного в духовной жизни старца они принимали как глагол Божий. По благословению и под руководством старца Назария в Тамбовской и Нижегородской епархиях образовались женские монашеские обители. Монахини также обращались к нему за наставлениями. «Велия высота – смирение! Знатное достоинство и честь – смиренномудрие!» – поучал старец. (2, с. 37)

А еще наставлял молитве Иисусовой: «Помолимся духом, помолимся и умом. Взойдите-ка в слова апостола Павла: *хощу рещи пять слов умом, нежели тысячу языком* (1 Кор. 14: 19). Изобразить не могу, сколько мы счастливы, что сии пять слов удостоились говорить. Что

за радость! «Господи, Иисусе Христе, помилуй мя грешного». (2, с. 37).

Так же батюшка говаривал: «Всем я должен и перед всеми я виноват. Можно ли после сего на кого оскорбиться?»; «Боголюбивому человеку ничтоже потребно, кроме Бога: если Бога приобрящет, довлеет ему». (2, с. 39).

Подвизаясь со дней юности подвигом добрым, отец Назарий получил от Господа дар прозорливости. Без испытания узнавал он человеческие мысли, характер и склонности, и каждого приходящего побуждал к исправлению недостатков, какие прозорливо в нем усматривал.

В царствование Благочестивейшего Государя Императора Александра Первого один сановник К. подпал царской немилости. Супруга сановника просила прозорливца Назария помолиться о получении благоприятного исхода дел мужа. Старец сказал, что надо попросить об этом приближенных царя и попросил у супруги сановника несколько медных или маленьких серебряных монет, что и было ему предложено. Взяв мелких денег, отец Назарий раздал их нищим, и к вечеру возратясь в дом сановника сообщил: «Слава Богу, обещали все приближенные цар-

ские за вас» (3, с. 18). Вслед за тем приходит известие о благополучном окончании дела. Обрадованные сановник и его супруга желают знать, кто именно из приближенных царя помог им, и, к изумлению слышат от старца, что это нищие, приближенные Небесного Царя. Глубоко тронутые благочестием отца Назария, они навсегда сохранили к нему благоговейную любовь.

Через 5 лет после своего возвращения в Саровскую пустынь, откуда и начал он свой подвиг, игумен Назарий отошел ко Господу 23 февраля 1809 года, 74 лет от роду, в своей келье. Тело его погребли у алтаря теплой церкви, рядом с могилой его духовника – иеросхимонаха Варлаама. Любимый и незабвенный святой игумен многие годы от своего преставления почитался валаамцами местно. Ныне он прославлен Святой Церковью в лике святых преподобных.

Некоторые поучения игумена Назария

«Мы должны иметь к Нему (Господу Богу. – *Ред.*) любовь и послушание, которых

Он от нас требует. Не Сам ли Он Своими пречистыми устами говорит: *возлюби Господа Твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всею крепостию твоею, и всем разумением твоим: и ближнего твоего, как самого себя* (Лк. 10: 27). И святой Моисей говорит: *и да будут слова сии, которые Я заповедаю тебе сегодня, в сердце твоем и душе твоей; и говори о них, сидя в доме твоем и идя дорогою, и ложась и вставая* (Втор. 6: 6 – 7)». (2, с. 55)

«Надо знать, что без добрых дел любви к Нему (Богу – *Ред.*) не окажешь, потому что не слушатели закона праведны пред Богом, но исполнители закона оправданы будут». (2, с. 55)

«Смиряй себя от всего сердца, души и помышления: любит бо Сладчайший Иисус со смиренною мудростию спасающихся и желающих с сердечною и горячею любовию совершенного исправления и хощет всем нам в разум истины приити». (6, с. 143)

«Мы беспрестанно должны помнить о любви Божией к нам и искать совершенной любви

к Нему. Но она снискивается исполнением заповедей Божиих». (2, с. 55)

«Век сей не есть покой и почивание, но борьба, рать, торжище, купля, училище, морское плавание; для сих-то причин подвизаться ты должен, не унывать, не быть в праздности, но упражняться в делах Божиих». (6, с. 142)

«Знай, что на всякую борьбу есть победа. Крепися, ратоборствуй, побеждай, ибо часто противоборствующие силы находят, яко львы рыкают и ищут, кого бы поглотити, берегися, да не побежден будеши». (6, с. 142)

«Сколько мы претерпеваем скорбей, не имея к Нему любви! Сколько без нее обуреваемся волнами бедствий и страдаем! Но хотя мы Его иногда отвергаем, Он не отвращается от нас. Мы бегаем Его, но Он нас ищет и призывает к Себе: *придите ко Мне все труждающиеся и обремененные* (Мф. 11: 28)». (2, с. 56)

«Рассматривай сам в себе, не от уныния ли и лености ослабеваешь, не от развлечения ли мыслей и страстей телесных теряешь крепость и мужество. При сих рассуждениях, укоряй себя в нетерпеливости, в немощи, в дряхлости, в лености, и аки стыдися Бога и Ангелов Его и человеков, и помышляй в своей совести, что претерпевый до конца, той спасется». (6, с. 148)

«Придя в церковь на соборную молитву, встань на удобном месте, собери все силы ума твоего, чтобы не мечтали и не летали по всем странам. Старайся запечатлеть крепко на скрижалях сердца твоего чтение и пение церковное. Внимай без лености, не ослабевай телом... Берегись, чтобы не только не сметь о чем-нибудь разговаривать, но ни на кого или на что очами смотреть». (2, с. 64)

«Дабы избегнуть ближних презрения и осуждения, также тщеславия, кичения и гордости и прочих сему подобных, чтобы крепко заградить им вход в душу твою, для сего

должен от всего сердца представить себя совершенно странника, глупа, неразумна, ничего не смысляща и ничего не умеюща. Такое рассуждение о странничестве приими себе, дабы ты мог удалить себя от человеческих разглагольствий, суетных бесед, и ты непременно сбережешь себя от смеха, осуждения, кощунства и вредного празднословия, душепагубного тщеславия и высокомерия». (6, с. 142 – 143)

«Помышляй, что всякий творящий дело Божие с небрежением проклят и человекоугодник есть, храни себя от небрежения и человекоугодия». (2, с. 67)

Один из случаев прозорливости игумена Назария

Бывший келейник преосвященного Гавриила, будущий архимандрит Спасо-Евфимиевого монастыря, отец Мелхиседек, рассказывает: «...близ Петербурга произошло морское сражение со шведами. Все жители пришли в большой страх; митрополит Гавриил заклю-

чился в своих кельях. В это время явился к нему игумен Назарий и потребовал, чтобы о нем доложили владыке. Келейник отвечает, что владыка никого не принимает к себе. «Меня не нужно ему принимать», – возражал старец. – «Я просто подойду к нему, и хотя ему, может быть, и не до меня, да мне теперь есть дело до него». (3, с. 17 – 18). Допущенный наконец к митрополиту, отец Назарий утешал святителя надеждой победы и безопасности и, в подтверждение своих слов, в стороне моря показывал ему на светлых облаках восходящие не небо души воинов, положивших жизнь свою за Церковь, царицу и отечество. Успокоенный митрополит немедленно обратился с утешительными словами к императрице. Когда слово отца Назария событием оправдалось, государыня милостиво приняла вместе с владыкой и прозорливого старца.

ПРЕПОДОБНЫЙ ГЕРМАН АЛЯСКИНСКИЙ (†1837)

Преподобный Герман был в числе десяти валаамских миссионеров, которые в 1794 году были посланы в 1794 году старцем-настоятелем Назарием для проповеди Евангелия в Америке. Он – первый канонизированный американский святой.

Подвижник происходил из купцов города Серпухова. С самых юных лет возымел он великую ревность к благочестию и 16-ти лет от рождения пошел в монахи. Сначала поступил в Троицко-Сергиеву пустынь Санкт-Петербургской епархии. Будущий великий проповедник с первых своих шагов по подвижническому пути отличался крепкой верой и выдающимся благочестием. В Сергиевой пустыни он заболел: у него на горле образовался нарыв. Опухоль быстро возрастала и обезобразила всё лицо. Боль была ужасная; весьма трудно было глотать; запах был нестерпимый. Молодой подвижник не

обратился к земному врачу, но с горячей молитвой и со слезами припал он пред образом Царицы Небесной, прося у Нее исцеления. Молился болящий всю ночь, потом мокрым полотенцем отер лик Пречистой Владычицы и этим полотенцем обвязал свою опухоль. Продолжая молиться, в изнеможении он заснул на полу и видел во сне, что его исцелила Пресвятая Дева. Наутро он проснулся, встал и к великой радости нашел себя совершенно здоровым: к изумлению врачей, не прорвав нарыва, опухоль разошлась, оставив по себе только малый значок, как бы в воспоминание чуда.

Пять или шесть лет проживал отец Герман в Сергиевой пустыни, а потом перешел в Валаамский монастырь, где проходил разные послушания. Испытав его ревность в трудах общежития, мудрый настоятель – отец Назарий – отпустил его на жительство в пустыню, в глухой лес, расстоянием на полторы версты от обители. По праздникам отец Герман приходил из пустыни в монастырь и бывало пел на малой вечерни с братией на клиросе.

С открытием на Американском континенте Алеутских островов в Русской Православной Церкви обнаружилась священная необходимость – просветить евангельским светом их диких обитателей. По благословению Святейшего Синода в 1794 году игумен Назарий из числа валаамского братства избрал для этого святого дела ревностных и способных иноков; в их числе был и отец Герман.

Святою ревностью проповедников свет Христова Евангелия быстро разливался между новыми сынами России: несколько тысяч язычников приняли христианство; заведена была школа для образования новокрещеных детей; выстроена церковь на месте жительства миссионеров. Но по неведомым судьбам Божиим общие успехи миссии были недолговременны. Через шесть лет своей многополезной деятельности утонул, уже возведенный в сан архиерея, архимандрит Иоасаф. Несколько ранее ревностный иеромонах Ювеналий сподобился мученического венца; прочие братия выбывали друг за другом, пока не остался один отец Герман, и ему благоволил Господь долее всех собратий потрудиться

подвигом апостольским для просвещения алеутов.

Местом жительства отца Германа был остров Еловый, названный им «Новым Валаамом». Здесь он выкопал в земле своими руками пещеру и в ней провел первое целое лето. К зиме близ пещеры русская торговая компания выстроила для него келью, в которой он жил до смерти, а пещеру обратил для себя в место для могильного упокоения. Этот остров проливом шириной в две версты отделяется от острова Кадьяка, на котором был построен деревянный монастырь для размещения членов миссии и устроена была деревянная церковь во имя Воскресения Спасителя.

Недалеко от кельи отца Германа возвышались деревянная часовня и деревянный домик – помещения училища и посетителей. Здесь на огороде он сам копал гряды, сажал картофель и капусту, сеял разные овощи. К зиме запасал грибы, солил и сушил их; соль приготовлял сам из морской воды, или рассола. Плетеный короб, в котором старец-миссионер носил с берега морскую капусту для удобре-

ния земли, говорят, был так велик, что трудно было поднять одному эту ношу; а отец Герман переносил ее без посторонней помощи на далекое пространство. В одну зимнюю ночь, случайно, ученик его Герасим увидел святого в лесу, идущего босиком с таким большим деревом, которое нужно было бы нести четверым. Так трудился святой старец Герман, и все, что приобретал таким безмерным трудом, все то употреблял на пропитание и одежду для сирот – его воспитанников – и на книги для них.

Носил отец Герман одежду из оленьей шкуры, сшитую по местным обычаям – кухлянку, которую по восьми лет не снимал и не переменял; сапоги или башмаки; подрясник; ветхую, полинялую, всю в заплатах, рясу и клобук. Постелью ему служила небольшая скамья, покрытая оленьей, вытершейся от времени, шерстью; изголовьем – два кирпича, которые под голой шкурой или равдугой (род замши) оставались незаметными для посетителей. Одеяла не было. Его заменяла деревянная доска, лежавшая на печке. Эту доску сам отец Герман назвал своим одеялом, завещав ею покрыть его смертные останки. Ел старец весьма мало. В гостях, чуть

отведав какого-либо кушанья, он оставался без обеда. В келье очень малая часть небольшой рыбы или овощей составляла весь его обед. Тело его, изнуряемое трудами, бдением и постом, сокрушали пятнадцатифунтовые вериги.

«Главное дело его, – говорит преосвященный Петр, бывший епископ Ново-Архангельский, викарий Камчатской епархии, – было упражнение в подвигах духовных, в уединенной келье, где никто его не видел; только вне кельи слышали, что он пел и совершал богослужение по монашескому правилу». (3, с. 98)

Рассказывая о подвигах старца Германа, его ученик, алеут Игнатий Алиг-яга, прибавлял: «Да, трудную жизнь вел апа (дедушка), и никто не может подражать его жизни!» (6, с. 154)

Отец Герман всегда предстательствовал пред начальством за провинившихся, заступал обвиняемых, чем только мог, помогал нуждающимся. Алеуты обоего пола и дети их часто посещали батюшку: каждый получал от старца возможное удовлетворение. Разбирал он их взаимные неприятности, старался всех мирить.

На корабле из США занесена была на остров Ситху, а оттуда на остров Кадьяк повальная,

заразительная болезнь, или язва. Во все время этой грозной болезни, продолжавшейся, с постепенным умалением, целый месяц, отец Герман, не щадя себя, неутомимо посещал больных, увещевал их терпеть, молиться, приносить покаяние, или приготовлял их к смерти.

Особенно старался старец о нравственном преуспеянии алеутов. Для детей сирот устроено им было училище; он сам учил их Закону Божию и церковному пению. В часовне в воскресные и праздничные дни он собирал алеутов для молитвы. Здесь часы и разные молитвы читал для них ученик его, а сам старец читал Апостол, Евангелие и устно поучал их; пели же его воспитанницы. Алеуты любили слушать наставления отца Германа и во множестве стекались к нему. Увлекательны были беседы старца и с чудной силой действовали они на слушателей. Об одном из таких благодатных впечатлений своего слова пишет он сам. «Слава судьбам святым милостиваго Бога! Он непостижимым Своим Промыслом показал мне ныне новое явление, чего здесь, на Кадьяке, я, двадцать лет живши, не видел.

Ныне, после Пасхи, одна молодая женщина, не более 20-ти лет, по-русски хорошо говорить умеющая, прежде совсем меня не знавшая, никогда не видевшая, пришла ко мне и, услышав о воплощении Сына Божия и о вечной жизни, столько возгорела любовию ко Иисусу Христу, что никак не хочет от меня отойти, но сильною просьбою убедила меня, против моей склонности и любви к уединению, несмотря ни на какие предлагаемые ей от меня препятствия и трудности, принять ее, и более уже месяца живет у меня и не скучает. Я, с великим удивлением смотря на сие, поминаю слова Спасителя: что утаено от премудрых и разумных, то открыто младенцам» (3, с. 101 – 102). Эта женщина жила у старца до его преставления. Она наблюдала за благонравием детей, учившихся в его училище, и он, умирая, завещал ей жить на Еловом и, когда она скончается, похоронить ее при его ногах. Называлась она Софья Власова.

Преподобный Герман говорил сильно, умно, всегда дельно и назидательно, более всего о вечности, о спасении, о будущей жизни, о судьбах Божиих. Доказывал истину так убе-

дительно, что никакая ученость и земная мудрость не могли устоять против его слов.

Но святой миссионер общался не только с алеутами. Недалеко от Елового острова проживало много русских и им также довелось испытать силу слова великого старца. Вот одно из многих воспоминаний: «Мне было тридцать лет, когда я встретился с отцом Германом. Надо сказать, что я воспитывался в морском корпусе, знал многие науки и много читал; но, к сожалению, науку из наук, то есть Закон Божий, едва понимал поверхностно, и то теоретически, не применяя к жизни, и был только по названию христианин, а в душе и на деле – вольнодумец, деист. Тем более, я не признавал божественности и святости нашей религии, что перечитал много безбожных сочинений Вольтера и других философов 18-го века. Отец Герман тотчас заметил это и пожелал меня обратить. К великому моему удивлению он говорил так сильно и умно... Ежедневно беседовали мы с ним до полуночи и даже за полночь о любви Божией, о вечности, о спасении души, христианской жизни. Сладкая речь неумолкаемым потоком лилась из уст его...

Такими постоянными беседами и молитвами святого старца Господь совершенно обратил меня на путь истины, и я сделался настоящим христианином. Всем этим я обязан отцу Герману. Он мой истинный благодетель» (6, с. 154).

Ничего не искав для себя в жизни, по смирению отказавшись от сана иеромонаха и архимандрита и оставшись навсегда простым монахом, отец Герман, без малейшего страха пред сильными, ревновал всем усердием по Боге. С кроткою любовью, невзирая на лица, обличал он многих в нетрезвой жизни, недостойном поведении и притеснении алеутов. Обличаемая злоба вооружалась против него, делала ему всевозможные неприятности и клеветала на него. Клеветы были так сильны, что часто даже люди благонамерные в доносах на отца Германа не могли заметить лжи под покровом наружной правды, и поэтому дóлжно сказать, что только один Господь сохранил старца.

Посвятив себя совершенно на служение Господу, ревнуя единственно о прославлении Его святого имени, вдали от родины, среди многообразных скорбей и лишений, десятки лет

проведя в высоких подвигах самоотвержения, отец Герман был сподоблен многих сверхъестественных Божиих даров.

Приближалось время отшествия старца. В один день приказал он ученику своему Герасиму зажечь свечи перед иконами и читать Деяния Святых Апостолов. Чрез несколько времени лицо его просияло и он громко произнес: «Слава Тебе, Господи!» Потом, приказав прекратить чтение, объявил, что Господу угодно еще на неделю продлить его жизнь. Через неделю опять по приказанию его были зажжены свечи и читали Деяния Святых Апостолов. Тихо преклонил старец свою голову на грудь Герасима, келья наполнилась благоухания, просияло лицо его, – и отца Германа не стало! Так блаженно почил он сном праведника на 81-м году своей многотрудной жизни, 13 декабря 1837 года.

Некоторые поучения преподобного Германа

«Что может быть лучше, выше всего, всего превосходнее и, по преимуществу, достойнее

любви, как не Сам Господь наш Иисус Христос, Который нас создал, украсил такими совершенствами, всему дал жизнь, все содержит, питает, все любит, который Сам есть любовь и прекраснее всех человек? Не дóлжно ли поэтому превыше всего любить Бога, более всего желать и искать Его?» (4, с. 225)

«Если мы любим кого, мы всегда поминаем того, стараемся угодить тому, день и ночь наше сердце занято тем предметом. Так ли вы любите Бога? Часто ли обращаетесь к Нему, всегда ли помните Его, всегда ли молитесь Ему и исполняете Его святые заповеди? Для нашего блага, для нашего счастья, по крайней мере, дадим себе обет, что от сего дня, от сего часа, от сей минуты мы будем стараться любить Бога уже выше сего и исполнять Его святую волю!» (4, с. 226)

«Грех любящему Бога не что иное, как стрела неприятеля на сражении. Истинный христианин есть воин, продирающийся сквозь полки невидимого врага к небесному своему Отечеству, по апостольскому слову: *Отечество наше на небесех,* а о воинах говорит: *Несть на-*

ша брань к плоти и крови, но к началом и ко властем (Еф. 6: 12)» (4, с. 226)

«Если не удавалось помирить мужа с женой, старец на время разлучал их. Необходимость такой меры он сам объяснял так: "Пусть лучше врозь живут, да не дерутся и не бранятся; а то, поверьте, страшно, если не развести: были примеры, что муж убивал жену или жена изводила мужа!"» (4, с. 225)

«Пустые века сего желания удаляют от [небесного] Отечества, любовь к тем и привычка одевают душу нашу как будто в гнусное платье; оно названо от апостолов "внешний человек". Мы, странствуя в путешествии сей жизни, призывая Бога в помощь, должны гнусности той совлекаться, а одеваться в новые желания, в новую любовь будущего века и чрез то узнавать наше к Небесному Отечеству приближение или удаление; но скоро сего сделать невозможно, а дóлжно следовать примеру больных, которые, желая любезного здравия, не оставляют изыскивать средств для излечения себя». (4, с. 227)

Некоторые чудесные случаи

Отец Герман обратил одного морского капитана Г., весьма образованного, из лютеранской веры в Православие. Тот переменил свою веру и присоединен был к Православной Церкви чрез Миропомазание. Когда отъезжал он из Америки, старец, при прощании, сказал ему: «Смотрите, если Господь возьмет вашу супругу у вас, то вы никак не женитесь на немке; если женитесь на немке, то она непременно повредит ваше Православие». (11, с. 98) Капитан дал слово, но не исполнил его. Предостережение старца было пророчеством. Через несколько лет умерла жена у капитана и он женился на немке; вероятно, – оставил или ослабил веру, и – умер скоропостижно, без покаяния.

Клеветники, предполагая найти у отца Германа большое имущество, обыскали его келью. Когда не нашли ничего ценного, вероятно, с дозволения старших, служитель Пономарьков стал топором выворачивать половые доски. «Друг мой, – сказал ему тогда отец Герман, – напрасно ты взял топор: это орудие лишит тебя жизни!» (3, с. 107 – 108) Через несколько вре-

мени потребовались люди в Николаевский редут, для чего из Кадьяка послали туда русских служителей, в числе их и Пономарькова; там кенайцы ему сонному топором отсекли голову.

Во время наводнения на Еловом острове жители в испуге прибежали к старцу. Тогда он взял

из дома своих воспитанников икону Божией Матери, вынес, поставил на лайде (иловатая мель) и стал молиться. По молитве, обратясь к присутствующим, сказал: «Не бойтесь, – далее этого места, где стоит святая икона, не пойдет вода». (11, с. 102) Исполнилось слово старца. Затем, обещая такую же помощь от святой иконы и на будущее время – заступлением Пренепорочной Владычицы, поручил он ученице своей Софье, в случае наводнения, ставить икону на лайду.

Однажды загорелся на Еловом острове лес. Старец с учеником своим Игнатием в чаще леса, в аршин ширины, провел полосу до подошвы горы, разворочав мох, и сказал: «Будьте спокойны, – огонь не перейдет этой черты!» (3, с. 110) На другой день, когда, по свидетельству Игнатия, не было надежды на спасение, с сильным напором достиг огонь до развороченного старцем мха, пробежал вдоль его и остановился, не коснувшись густого леса, находившегося за чертой.

«Бывало, скажет апа (отец, папа. – *Ред.*), – говорит Амег-ага (имя православного алеута,

духовного сына преподобного. – *Ред.*), – пойдешь и достанешь рыбу в реке!» (11, с. 102) Рыбой сушеной кормил отец Герман птиц, и они во множестве прилетали в его келью. Под кельей у него жили горностаи, которых кормил он из рук. Видели также, что отец Герман кормил медведей. Со смертью старца птицы и звери удалились; даже огород его не дает никакого урожая, если кто самовольно держит его.

За год до получения известия в Кадьяке о смерти преосвященного митрополита, отец Герман говорил алеутам, что их большой духовный начальник скончался.

В день преставления старца, вечером, в селении Катании (на Афогнаке) опытные старики – креол Герасим Вологдин и жена его Анна – видели над Еловым островом необыкновенно светлый столб, досягавший до неба. Этот столб видели с разных мест и другие. В тот же вечер, в другом селении на Афогнаке, видели человека, поднимавшегося с Елового острова к облакам.

В 1842 году, чрез шесть лет по преставлении старца, плывя морем в Кадьяк и находясь

в крайней опасности, высокопреосвященный Иннокентий, архиепископ Камчатский и Алеутский, воззрев на Еловый остров, сказал в уме своем: «Если ты, отец Герман, угодил Господу, то пусть переменится ветер!» (3, с. 114) И точно, не прошло, кажется, и четверти часа, – говорит высокопреосвященный, – как ветер сделался им попутный и они благополучно пристали к берегу.

ИГУМЕН ДАМАСКИН
(1795 – 1881)

Игумен Дамаскин происходил из крестьян Тверской губернии, Старицкого уезда, Мичковской волости, деревни Репенки. Родился он в 1795 году от родителей – рабов Божиих Конона и Матроны. Во святом крещении ему было дано имя Дамиан. Еще с юных лет Господь вдохнул Своему избраннику благие чувства – идти по пути заповедей Господних. В 1816 году, будучи 20 лет от роду, он, уразумев суету мира сего, испросил родительское благословение и отправился в Богоспасаемую Киевскую Лавру – поклониться угодникам Божиим, нетленно там почивающим.

По выходе из родительского дома, он тотчас почувствовал облегчение в своей ноге, болевшей у него от младенчества. Перелом случился по неосторожности его семилетней сестры, которая в детстве присматривала за маленьким Дамианом, в то время, как родители работали в поле.

Достигнув Киева, припав в молитве ко святым мощам угодников Божиих, юноша получил здесь совершенное исцеление – и с тех пор нога его уже больше не беспокоила. Получив милость от Господа через Его святых, он отсюда уже неуклонно пошел по пути Господню, ища себе тихого пристанища для благочестивых подвигов. Однако, на возвратном пути все же зашел в дом своих родителей, принеся доброе и утешительное благовестие о явленных на нем Господних чудесных милостях.

После сего, в 1817 году, хранимый Богом, Дамиан в одиночку отправился из дому родителей в Соловецкий монастырь. Поклонившись тамошним святыням, он на возвратном пути посетил Ондрусовскую пустынь, а потом возгорел желанием посетить и Валаамскую обитель. Валаам ему весьма полюбился, так что он готов был остаться здесь хотя бы и навсегда, но так как на это не пришло еще время, то он, пробыв на Валааме недолго, отправился на Коневец, а оттуда в Тихвин. Посетил он также святые обители новгородские. С огромным благоговением обойдя все эти

святые места, с великой пользой для души Дамиан снова возвратился домой.

В 1819 году, при игумене Иннокентие, будущий валаамский настоятель вновь прибыл на возлюбленный им святой остров. Вскоре по приезде, идя в скит Всех Святых, он встретил монаха Феодорита. Тот в весьма поучительной беседе рассказал Дамиану о трех родах жительства на Валааме: общежительном, скитском и пустынном. При этом он вручил ему четки и научил, как с их помощью надлежит молиться. После наставлений опытного монаха дух Дамиана сильно возгорелся, и он тут же решил остаться на Валааме навсегда. Желая более приобрести пользы своей душе, он спросил отца Феодорита, с кем ему можно посоветоваться и побеседовать с духовной пользой. Тот направил Дамиана к отцу Евфимию. Молодой искатель монашеских подвигов отправился к помянутому старцу Евфимию, который провидя духом, что пришедший к нему есть будущий светильник Валаама, встретил его земным поклоном. Смирение старца так сильно поразило Дамиана, что он растерялся и только мог сказать старцу: «Желаю спастись,

научите!» (3, с. 31) Отец Евфимий, много поговорив на пользу, благословил его оставаться на Валааме и послал его просить о том игумена. Мудрый игумен Иннокентий принял и определил Дамиана в число братства, а для руководства в духовной жизни назначил ему старцем того же отца Евфимия. Молодой послушник проходил самые разные послушания: шил сапоги и рукавицы, месил квашню в хлебной, кормил нищих. Чтобы остаться на Валааме навсегда, нужно было официально получить необходимое в те времена, так называемое, увольнение от общества, для чего будущему игумену вновь пришлось побывать на родине. Но твердый в своей решимости, оформив увольнение от общества, Дамиан вернулся в Богоспасаемую обитель.

Окончательно поселившись по увольнительному свидетельству в 1819 году в Валаамском монастыре, внимательно и разумно проходя возлагаемые на него от настоятеля послушания: в конюшне и в хлебной, он положил крепкое основание своей подвижнической жизни. Просевая муку, Дамиан самоотверженно клал с молитвой поклоны и,

нередко утомившись от трудов и молитвенного подвига, тут же и засыпал, повергшись на голом полу. Впоследствии, будучи уже настоятелем, говаривал он своим ученикам: «Не помню, свидетель Бог, чтобы я когда-либо, находясь на послушании в хлебной, без благословения съел хотя бы небольшую корочку хлеба, – так остерегался я страсти тайноядения». (3, с. 33) Настоятель, видя его ревность и усердие в делах послушания, вполне мог во всем на него положиться, и Дамиан был поставлен в рабочие нарядчики – управлять рабочими людьми по всем хозяйственным делам.

Несмотря на трудность послушания, правила церковного он не оставлял и, руководимый опытным старцем – отцом Евфимием, прилагал труды к трудам. Каждую ночь, в 12 часов, разбуженный старцем еще до церковной службы, он, не зажигая огня, исправлял молитвенное правило. В его келье было совершенное нестяжание: образ, книга, четки, стол и стул. Более ничего. Келья не имела запоров ни снаружи, ни изнутри. Так что он не имел обычая ее запирать, да и не для чего это было.

Имелся у него чулан, где смазывали сбрую. Там он исправлял правило, клал поклоны, пред иконой Божией Матери Смоленской, от которой ему было чу́дное явление, читал акафист.

В 1823 году, на Рождество Христово, послушник Дамиан был пострижен в рясофор – и с этого времени положил начало на всякий день строжайше испытывать свою совесть. Почти ежедневно приходил он к доброму старцу Евфимию для откровения помыслов и духовного совета.

12 декабря 1825 года Дамиан был пострижен в монашество с именем Дамаскин. В 1826 году, в марте месяце, старец его – отец Евфимий – удалился на жительство в пустыню. В подражание своему старцу и отец Дамаскин в том же году, испросив благословение от настоятеля, удалился испытать второй образ иноческой жизни – скитской, в скит Всех Святых. Здесь он совершал вместе со скитянами продолжительнейшее уставное богослужение. Он очень благоговейно пел. Наконец, от строгих скитских духовных подвигов и телесных трудов отец Дамаскин до того изнемог, что едва мог читать в храме и однажды решился о

своей болезни объявить настоятелю. Игумен Вениамин, подумав сказал: «Отец Дамаскин, не падай духом. Ведь ты монах: если и умрешь на послушании, то Господь тебя не оставит». (3, с. 84) После этих слов, всецело положившись на волю Божию, самоотверженный монах не оставлял дела послушания и своих духовных подвигов. Бог ответил ему Своей милостью – немощь прошла.

Ревнуя о бо́льших подвигах и желая проходить третий образ монашеской жизни – пустынножительство, отец Дамаскин испросил от настоятеля благословение и 1 июля 1827 года поселился в удаленную пустынь, чтобы наедине работать единому Богу. Много претерпел он здесь искушений от бесов, невидимо и даже видимо нападавших на него. Иногда дух-искуситель видимо являлся ему с растрепанными волосами, исходящим из озерка, находившегося близ кельи. Но Господь не оставлял подвижника Своими утешениями. Монах Дамиан всегда имел в уме и в сердце молитву, так же и память смертную, чем отражал врагов во время искушений. В его пустынной келье находились низенький молитвенный стул и гроб,

которые были сделаны им собственноручно. Во гроб он полагал свое многоутружденное тело для краткого отдохновения. Для бо́льшего утомления плоти, отец Дамаскин носил железные вериги. «Станешь бывало класть поклоны, – рассказывал он впоследствии своему преданному ученику, – железо так нагреется, что сделается совершенно горячее; другой раз прихватит так за тело и так бывало больно, но зато на душе было весело и спокойно. Ах, если бы провести так всю жизнь!» (3, с. 35) Имел он и весы для того, чтобы вкушать хлеб с весу.

Во время отдыха от молитвы пустынник занимался рукоделием: писал книги и делал деревянные ложки.

В 1830 году монастырским священноначалием подвижник Дамаскин переведен был из пустыни в скит Всех Святых на должность его начальника. Здесь он сподобился два раза видеть неизреченный свет, исходящий от иконы Спасителя, которая всегда была у него в келье. Через полгода, влекомый тишиною любимой им пустыни, любитель безмолвия все же смиренно испросил благословение настоятеля и опять удалился в в безлюдное место.

Так, с 1827 по 1839 год отец Дамаскин проходил скитскую и пустынную жизнь. Подвизаясь подвигом добрым, он познал тяжелейшую брань битвы с бесами, приобрел многую духовную опытность и сподобился благодатных Божиих даров. Но *никтоже*, по слову Господню, *вжигает светильник и поставляет его под спудом, но на свещнице, да светит всем* (Мф. 5: 15 – 16).

4 декабря 1838 года в Казанском соборе Санкт-Петербурга смиренного монаха Дамаскина посвятили в иеродиаконы, 7 декабря – во иеромонаха и 30 января 1839 год – во игумена. Волей Божией игумен Дамаскин, властью трех авторитетнейших митрополитов: Филарета Московского (Дроздова), Филарета Киевского (Амфитеатрова) и Серафима Новгородского и Петербургского, за святое послушание Богу и Святой Церкви принял многотрудный крест настоятельства для горячо любимой им обители, которой и посвятил впоследствии всего себя о Господе всецело.

Вступив в настоятельскую должность, отец Дамаскин все свое старание приложил к приведению монастыря в добрый духовный порядок

и своевременно достиг своей цели. Он привел его в самое лучшее состояние: братство возросло, нравственные силы его развились. Во внутреннюю жизнь братства настоятель-аскет личным примером сумел вдохнуть Божественный огонь истинного подвижничества. Духовный толчок был дан на поколения вперед. Само святое имя Валаамской обители стало прославляться по всей земле.

Но не без тяжких трудов и скорбей дано было ему ввести добрые порядки.

Будучи произведен из простых монахов, он много претерпел неприятностей от старейших его братий, втайне стремившихся к власти, а наипаче от «подначальных», присылаемых сюда на исправление. Они не только нарушали добрые порядки обители, но даже не раз покушались на саму жизнь игумена.

По вступлении в настоятельство отец Дамаскин, мудро устроив, во-первых, внутреннее, духовное благосостояние обители, принялся затем и за внешнее ее благоустройство. В скором времени на всех окраинах Валаама появились скитские храмы. Находились и средства на это – Господь посылал благодетелей.

Отец Дамаскин вошел в историю Валаама как беспримерно ревностный и неутомимый созидатель бесценного уникального архитектурного монастырского ансамбля. Совершенный им настоятельский подвиг стоит того, чтобы привести впечатляющий хронологический перечень «строительных деяний» незабвенного валаамского игумена. Сим списком ярко иллюстрируется масштаб личности отца Дамаскина. И здесь непременно важно отметить то, что все строительные начинания настоятеля были продиктованы духовными потребностями Святой Церкви и вверенной его управлению обители. Сам Господь Бог явно сопутствовал батюшке.

Так, испросив благословение епархиального начальства, игумен Дамаскин начал перестраивать древний скит в честь Всех Святых, в котором он подвизался еще до настоятельства, и опытом познал, как были вредны для здоровья подвижников кельи прежней постройки. Реконструкция началась в 1840 году, и в скором времени возник прекрасный двухэтажный каменный храм и восемь одноэтажных каменных корпусов для братии.

В 1852 году он выстроил на юго-восточной стороне монастыря обширную, имеющую 200 комнат со всеми удобствами, каменную гостиницу, позволившую многократно увеличиться потоку боголюбивых паломников. Народ Божий со всего света получил драгоценную возможность бывать у множества монастырских святынь и пользоваться духовным окормлением валаамских подвижников.

В 1853 году на острове, находящемся при входе в Монастырский пролив, на иждивение купца Н. Н. Солодовникова был воздвигнут каменный красавец-храм во имя святителя Николая Чудотворца, ныне являющийся доминантой Никольского скита.

В 1855 году любвеобильный отец-настоятель выстроил и освятил на Святом острове деревянную церковь во имя преподобного Александра Свирского и три деревянных домика для жилья скитян.

Батюшка деятельно заботился о судьбах несчастных и нищих финов, во множестве обращавшихся в обитель за помощью. В 1856 году, близ монастырской пристани, он построил для их приюта специальный каменный двух-

этажный дом, что было сделано провидчески, ибо зимой 1867 года в Финляндии случился страшный голод.

В 1858 году в скиту святителя Николая Чудотворца он выстроил для жилья скитской братии каменный двухэтажный дом.

В 1858 году он перевез из Старой Ладоги на остров святого Иоанна Предтечи деревянную древнюю церковь (построенная Валаамскими иноками, бежавшими с Валаама во время разорения его шведами в 1611 году) и поставил ее на каменном основании, внутри которого устроил для братии еще один храм – в честь памяти Трех Святителей, празднуемой 30 января. По острову же возвел для уединенного жительства пустынников до восьми деревянных келий по-одиночке.

В 1863 году на северной стороне монастыря было сооружено трехэтажное каменное здание, вмещающее в себя водоподъемную машину – диковинное техническое новшество, кузницу, пильный завод и другие хозяйственные мастерские.

В 1865 году в скиту святителя Николая Чудотворца в каменном доме была устроена во

имя преподобного Иоанна Дамаскина небольшая церковь.

В 1866 году неутомимый настоятель приобрел от Финляндии для обители пять обширных островов с рослым лесом, сенными покосами, каменными ломками и рыбными при них ловлями. Острова отстояли от Валаама на 30 верст в разные стороны. На всех этих островах были воздвигнуты часовни.

Ревностно заботясь о духовном росте братии, в 1868 году на Ильинском острове батюшка так же выстроил скит для уединенного жительства с деревянною церковью во имя святого пророка Илии и при ней двумя двухэтажными кельями.

В 1870 году в своей пустыньке, в которой уединялся до настоятельства, отец игумен соорудил небольшую деревянную церковь во имя иконы Божией Матери Коневской и при ней две деревянные келейки.

А 1871 году на восточной стороне монастыря вырос большой двухэтажный каменный дом для жилья рабочих и конюхов. При нем были обширные и образцовые по прочности и чистоте конюшни.

В 1873 году на южной стороне монастыря в семи верстах, на отдельном острове, устроен был еще один удобный для иноческих подвигов скит, в котором находились церковь преподобного Авраамия Ростовского и три деревянные кельи для скитской братии.

В этом же году настоятельскими заботами для колокольни собора был отлит колокол-благовестник в 1000 пудов (16 тонн)! Звон его стал достигать самых дальних островков Валаамского архипелага, а иногда и ближайшего материкового побережья.

В 1876 году в расстоянии одной версты от монастыря на восток при Назарьевской пустыни выстроил он каменную церковь с отдельной каменной колокольней во имя всех преподобных отец, в посте и подвигах просиявших, и определил здесь быть новому кладбищу, которое сам, своей изнуренной в подвигах плотью, впоследствии и обновил.

Эта кладбищенская церковь была уже последняя его постройка, которую он на закате своих дней освятил.

Так же мудрый настоятель устроил на материке несколько монастырских подворий. Под

его начало была переведена древняя Коневецкая островная обитель.

Заготавливал батюшка и материал для нового соборного храма, но возвести собор судил Бог уже его преемнику, отцу игумену Ионафану, трудившемуся подле него на многопопечительном послушании казначея во всех хозяйственно-строительных монастырских предприятиях.

Тщанием игумена Дамаскина во многих местах архипелага возникло до 18-ти каменных и деревянных часовен, посвященных Богоматери и многим святым Божиим угодникам. Так же в разных местах Валаама было поставлено до 10-ти каменных и деревянных поклонных крестов, некоторые из которых сохранились поныне.

Так Господь, творящий волю боящихся Его, исполнял все благие желания отца Дамаскина, помогал во всех добрых его предприятиях и посылал усердных благотворителей. Покров Матери Божией ощутимо пребывал над батюшкой, а святые Божии подкрепляли его своими небесными молитвами.

Отец Дамаскин, образовавший себя 14-тилетним опытом пустынного и скитского под-

вижничества, неленостно посещал все скиты, укреплял подвижников своими мудрыми советами мужественно подвизаться на поприще благочестия и твердо стоять противу браней невидимых врагов. Для братии был он до самозабвения любящим духовным отцом, а часто бывал для них и подобно любящей матери. Знаменательно здесь привести одно из поучений, сказанное братии в скиту Всех Святых: «Отцы святые и братия! Надо нам быть благодарными пред Спасителем нашим и не забывать, с каким намерением мы вступили в монастырь; намерение наше было сколько можно быть подражателями угодившим Богу. Спросим: чем они угодили? Знаем чем: смирением, постом и бдением; они алкали и жаждали, и все беды претерпевали ради Царства Небесного. И нам, возлюбленнии, не надо ли о себе подумать? Мы живем в покое, всем обеспечены и все у нас готово: пища, одежда, келья, дрова, словом все успокоены. То и осталось нам грешным быть благодарными пред Создателем нашим, молить Милосерднаго Господа за наших благодетелей и смирять себя пред Богом и пред всеми людьми». (3, с. 42)

И труды его были не напрасны. Они принесли обильный плод в лице нескольких поколений молитвенников-подвижников, проходивших поприще разнородных подвигов в безмолвии и совершенном молчании.

Высокоподвижническая жизнь отца Дамаскина, горячая его ревность по Богу, соединенная с искренней любовью к ближнему, при назидательном, проникнутом глубокой духовной опытностью, его слове, еще при жизни располагали к нему сердца всех его знавших, невольно заставляли его уважать. Всем желал он спастись и в разум истины прийти, всех привлекал к себе любовью и все прибегали к нему, как к родному отцу и доброму пастырю и во всех своих нуждах и скорбях получали от него духовное врачевание. Он сам был для многих из братий духовником и старцем.

Чистая душа батюшки исполнена была Божией благодати. Его ланиты часто орошались теплыми слезами, особенно в последнее время земной жизни. Однажды, в день Святой Троицы, читая положенные на вечерни молитвы, он так залился слезами, что едва смог их окончить. Вместе с даром умно-сердечной молитвы

и глубокого рассуждения, имел он также и дар прозорливости. Господь открывал ему невидимое и неведомое.

Между тем, дни его протекали. Под конец земной жизни Господь судил ему понести страдальческий крест: в 1871 году он был поражен легким параличным ударом. Мало-помалу отстраняясь от внешних попечений, погружался он во внутренний свой мир, и только в особенно важные моменты всегда ярко вспыхивал и освещал окружавших светом его опытности и любви; бóльшую же часть времени проводил он уединенно в своей келье.

Чуждый всяких прихотей когда был здоров, отец Дамаскин поражал окружавших своей нетребовательностью и во время своей десятилетней болезни. Будучи последние три года совершенно расслаблен, но сохранив полную чувствительность во всем организме, он никогда не обнаруживал ни малейшего неудовольствия на услужливость своего келейника, в какое бы положение тот не приводил его своими мощными руками, и никогда не выражал желания чего-нибудь попить или поесть. Полный жизни духовной, полный сознания, живой душой, он как бы

уже совершенно умер телом. С 1871 года каждую неделю и во все великие праздники отец Дамаскин неупустительно приобщался Божественных Христовых Таин. Он принимал Святые Дары с особенным чувством благоговения. За несколько дней до перехода в мир иной со слезами и в полном сознании он простился с окружавшими его братиями, затем никакой земной пищи он уже не принимал. Незадолго до смерти он пожелал собороваться, что и было исполнено отцом-наместником, игуменом Ионафаном, соборно. Ночь накануне смерти он провел без сна. Он видимо страдал, но на свою болезнь не жаловался. Ему прочитали акафист Божией Матери и потом иеромонах читал Евангелие. Старец лежал как бы в забытьи, лишь по временам открывая глаза. Будучи уже не в силах сказать ни слова, он взором выражал чувство умиления и благодарности.

Утром 23 января 1881 года определенно стало заметно, что уже близка была его кончина. Прочитали отходную. Заметно было, что он хотел перекреститься, но уже не мог, опустил руку на грудь и, как бы засыпая, тихо стал отходить ко Господу, вздохнул и почил сном праведника.

На лице усопшего выразилось спокойствие и величие. Пять дней до погребения тело покойного находилось в теплом помещении, но ни малейшего запаха от него не исходило. До самого погребения в Успенском соборном храме совершались всенощные заупокойные бдения, заупокойная Божественная литургия и панихиды. По отпевании с крестным ходом и печальным звоном колоколов провожали тело любимого отца Дамаскина все обитатели Валаама на новое кладбище и там предали его земле на назначенном им самим месте близ церкви за алтарем.

Отец Дамаскин управлял обителью в сане игумена 42 года, а всего жития его на Валааме 62 года.

Поучения отца Дамаскина были в высшей степени назидательны и доступны для всех. Душевным спасением человека старец-настоятель дорожил паче всякого богатства.

Некоторые поучения игумена Дамаскина

«Слава Богу за всё, что терпит грехам нашим, ожидает покаяния; надо и с нашей сто-

роны подумать, чтобы не упустить времени... спастись – та самая наша цель и звание; но я о том-то и напоминаю, чтобы не упустить времени, которого мы уже по смерти не найдем. Страшно!» (4, с. 230)

«Прошу и молю любовь вашу, будьте осторожны от волков, губящих души наши: приходят они в одеждах овчих, но внутрь их волки сущие, показывают себя воздержанными, постниками и молитвенниками, – сим неопытных и обольщают. Да и в самом деле, – если бы они были пьяницы, наглы и проч., кто бы их послушал? Самый неопытный их мог бы видеть, видел бы, что жизнь их не согласна с учением их; но то горе, возлюбленные, что, напротив: *Умякнуша словеса их, паче елея, – и та суть стрелы* (Пс. 54: 22), и стрелы те, словеси их, все направлены против властей, Богом установленных». (4, с. 233)

Некоторые случаи прозорливости

«На Предтеченском острове надо было вырыть колодец. Приехал отец Дамаскин. По-

молившись Богу, выбирали место. Игумен Дамаскин указал место на горке около часовни, где ныне церковь. Место было каменистое, пришлось бурить. Многие сомневались, что здесь может быть вода. Но оказалось, что вода в колодце была самая лучшая, преизобильная и никогда не пересыхающая». (1, с. 64)

«Однажды у монастырской гостиницы две женщины – одна православная, а другая раскольница – спорили между собою, кто из них правильнее молится: двумя ли перстами или тремя. В это время мимо гостиницы ехал отец Дамаскин; они, увидев его, пошли к нему за решением своего спора и когда еще далеко не дошли до него, он, сложив три больших перста и подняв руку, громко закричал им: «Вот так, вот так молитеся». Женщины, пораженные его прозорливостью, не знали что и делать – объяснятся ли с ним о чем хотели, или молиться на него, как на святого». (3, с. 43 – 44)

«В 1874 году, 16 декабря, постиг отца Дамаскина параличный удар; хотели послать лодку на берег, чтобы дать знать о том в Петербург отцу-наместнику. Несколько, раз предлагали это от-

цу Дамаскину, наконец, он как бы нехотя согласился, рассуждая в то же время: «Хотят послать лодку на берег, но напрасно, она не попадет туда и наместник не приедет – ему надо славить, – но буди на то воля Божия». И действительно, на другой же день озеро стало замерзать, и невозможно было послать лодки на берег». (3, с. 44)

«В 1880 году 28 августа послушник Димитрий и келейник Александр вели отца игумена в Назарьевской пустыни из часовни (в то время его водили под руки). Послушник Димитрий подумал про себя, что отец-игумен мог бы и сам ходить. Отец Дамаскин в это время останавливается и говорит: «Димитрий, оставь, Александр один доведет!» (1, с. 63)

«Архимандрит Иоанн, прибыв на Валаам, посетил отца Дамаскина и спросил его: «Старец Божий, скажи мне слово на пользу». Отец-игумен, мало помолчав, отвечал: «Читайте Пролог, там все есть». Архимандрит был поражен этими словами и сознался, что он всю свою жизнь собирался прочитать Пролог, но что никак ему не удавалось найти свободный час для исполнения своего желания». (1, с. 61)

Некоторые чудесные случаи

В октябре 1860 года игумен Дамаскин, возвращаясь из Петербурга, будучи там по делам монастыря, подъехал в экипаже рано утром к Троицкому мосту через Неву, который был еще разведен, по реке проходили суда: пришлось ждать довольно долго. Лошади прозябли, и, когда сняли рогатки и кучер тронул их вожжами, то они понесли, между тем плашкоты еще не были сведены. Лошади неслись неудержимо. Кучер в отчаянии закричал, крикнули от ужаса и очевидцы. Не было страха и отчаяния только у одного отца Дамаскина. Со спокойствием истинно верующего христианина он благословляет вперед, и в то же время пристяжная лошадь, поскользнувшись, падает под ноги коренной, благодаря этому кучер успел сдержать разгорячившихся лошадей. Таким чудом спасся отец Дамаскин и его спутники почти от неминуемой погибели.

В 1871 году, 25 мая, в день обретения Главы Иоанна Предтечи, игумен отец Дамаскин выехал на монастырском пароходе на Тихвинский

остров. Верст за 8 до острова поднялся на озере сильный шквал, сверкала молния. Шкипер при всей своей опытности растерялся и не знал что делать. Отец Дамаскин и на этот раз не теряет присутствия духа, не забывает всемогущего Бога и милостивых Его угодников, склоняя голову, погружается он на весьма краткое время в безмолвную молитву; затем, оградив себя и все четыре стороны крестным знамением, приказывает шкиперу немедленно поворачивать назад. В это время погода начала стихать и вскоре совершенно стихла. Пароход благополучно возвратился в монастырь, где все возблагодарили Господа за спасение свое.

МОНАХ ВЕНИАМИН (†1842)

Незабвенный монах Вениамин прославился необыкновенным терпением скорбей и болезней. Сведений о его жизни сохранилось совсем немного. Однако валаамское предание свято чтит его память, помня подвиг самоотверженного инока.

Вот все что нам известно:

Происходил он из Санкт-Петербургских купцов. Даты рождния и прибытия на дивный остров Валаам, по видимому, не сохранились. По имеющимся сведениям в 1814 году он был определен в послушники, а с 1827 года сделался болен. У страдальца распухла нога, в ней открылись раны, а в ранах роились черви. Боль была нестерпимая. Страшно было смотреть на его ногу. Пятнадцать лет пробыл отец Вениамин в келье, не имея возможности сойти с места. Келейно его постригли в монашество. Превозмогая недуги, он ежедневно сам вычитывал все церковные службы.

Однажды посетили его знакомые из Санкт-Петербурга и выражали глубокое соболезнование его горестному положению. «Поверьте, братия, – отвечал страдалец, – что в лучшие дни моей жизни в миру душа моя не ощущала такой радости и покоя, какие вкушает она теперь в великой болезни тела» (4, с. 228).

Это единственное, но вполне знаменательное высказывание мужественного монаха Вениамина подвигло составителей сборника ради его светлой памяти и в пример нам, современным немощным христианам, разместить здесь сей скромный материал.

25 августа 1842 года тихой кончиной прекратились христоподражательные страдания монаха Вениамина. В чаянии Воскресения и Небесного Царствия болящий уснул сном вечной жизни и на смертном одре его лик был поразительно радостен.

Вечная ему память!

МОНАХ АФАНАСИЙ (†1852)

Происходя из тульских казенных оружейников, монах Афанасий поступил на жительство в Валаамский монастырь в 1817 году с именем Авраамия, и здесь, с именем Афанасия, в 1821 году пострижен был в монашество. Он смиренно проходил разные послушания: был келарем, занимался чередным чтением псалтири в скиту, впоследствии около 20 лет жил на безмолвии в пустыне. Отец Афанасий, по свидетельству опытного в пустынной жизни игумена Дамаскина, был великий подвижник и истинный образец монашеской отшельнической жизни. Живя в пустыне, он пребывал в ней в продолжение всей седмицы неисходно и только в воскресные дни и двунадесятые праздники приходил в монастырь к Божественной службе и выстаивал оную с великим благоговением. В случае же надобности, для духовного назидания, посещал и своего духовника. В пустынную свою келью он не принимал никого, мало

с кем говорил и то только по необходимой надобности и особенно удалялся от беседы с мирскими людьми, говоря: «Я за них Богу ответа не дам, а за себя непременно истязан буду. Господь не спросит почему ты других не спас... а почему сам не спасся? При том же я пошел в пустыню не для того, чтобы других назидать, но для того, чтобы в ней оплакивать пред Богом мои грехи! Есть кому учить: Господь определил к тому пастырей, начальников и отцов духовных, а я кто, грешный, чтобы дерзнуть кого-либо учить и показывать себя учителем? С моей стороны это была бы одна только дерзость к приобретению себе тщеславия и гордости. Святые великие отцы обладали вполне даром учительства и могли руководить многих ко спасению, но и те бежали от людей и не дерзали выдавать себя за наставников и учителей. Кто был преподобный Арсений?.. Учитель царей, наученный всей внешней премудрости, знавший разные языки, – но при всем том не дерзая выдавать себя за учителя и наставника, – он испросил от Господа показать ему путь спасения, и Господь ска-

зал ему: «Арсений! Бегай от человеков, – и спасешься». По этому-то Божественному откровению, он, удалившись в пустыню, не имел собеседования не только с мирскими людьми, но даже и с монахами».

Прославленный игумен Дамаскин, будучи еще простым иноком, жил в пустыне недалеко от сего монаха Афанасия и иногда вместе с ним совершал молитвенное правило. Вступив же в должность настоятеля, нередко посещал своего пустынного сподвижника и много с ним беседовал и советовался. Обременяемый тяготами настоятельской должности, игумен Дамаскин говаривал отцу Афанасию: «Сомневаюсь я, старец, что оставил сосредоточенную в одном Боге пустынную жизнь и принял на мою немощь многопопечительные обязанности игумена. Теперь и у меня, и в хозяйстве, и о спасении братии постоянные заботы, при том же меня тяготит и обращение с мирскими людьми. То ли было в пустыне?» «Справедливо, – отвечал отец Афанасий, – в теперешней твоей настоятельской должности много безпокойства, но это безпокойство

велико пред Богом, ибо оно не для себя, но для блага святой обители, для вечного спасения братии. В таком благом делании тебе, батюшка, будет несомненная помощь от Бога; впрочем, не без усиленного труда и всегдашнего внимания себе, со стороны твоей. При том же и пустынник, подвизавшийся Бога ради в тихом покое, всем обеспеченный, всем довольный, не может еще иметь уверенность, что он уже спасен. Он трудится, сколько может, и, по-видимому, праведен, но на суде Божием воссудятся и правоты человеческие, – да и теперь Господь зрит не на лице, но на сердце человека». (3, с. 121)

Живя в пустыне и имея больные ноги, которыми едва переступал, старец Афанасий трудился в собирании по лесу валежника и рубил его для монастырских потреб на дрова. Случилось однажды быть игумену Дамаскину в лесу, где трудился старец. Увидев нечаянно игумена, тот со смирением отозвался: «Прости, батюшка, что я окаянный не сижу в келье». «Бог тебя простит, старец, – отвечал игумен, – ты трудишься не для себя, а для святой братии, в этом труде выражается ис-

тинная любовь к ближнему, а затем и к Богу». (3, с. 121 – 124)

Ослабев силами, отец Афанасий был перемещен из пустыни в монастырь и здесь особорован. Причастившись Святых Христовых Таин, мирно, в молитве преставился он ко Господу 13 октября 1852 года, 80 лет от рождения.

Поучительное слово монаха Афанасия

Проникнутый памятью о смерти, не любил старец бесполезных разговоров не только с мирскими, но и с монастырскими братиями. Один из них, хорошо знавший город Тулу, место рождения отца Афанасия, случайно стал ему рассказывать о нынешнем устройстве этого города, о том, как много в нем построено новых зданий, какие образовались широкие улицы, площади и прочее. Посмотрел пустынник на собеседника и сказал: «Брат, скажи лучше мне, много ли понадобится досок для моего гроба и велик ли холм земли подымется над моим прахом?» (4, с. 227)

Чудесный случай

В день погребения старца Афанасия, незадолго до проскомидии, – великий валаамский подвижник схимонах Михаил в тонком сонном видении видит, что, по случаю похорон отца Афанасия, в алтаре церкви Успения собралось множество духовенства чу́дной красоты и все в дивных красивых облачениях. Собравшиеся кланяются и лобызают друг друга; некоторые из них кланяются и отцу Михаилу. Среди всех особенно выдается один старец, имевший у себя на правом плече красную ленту с белыми цветами. Весь этот торжественный собор в движении; он как бы готовится к какому-то действию и, как заключает схимонах, среди этого собора находится архиерей. Из церкви отец Михаил идет на кладбище и там встречает несомые хоругви, как бы предваряющие крестный ход, начинающийся от церкви Успения Божией Матери. Это видение до глубины души поразило батюшку Михаила, так, что когда, по обычаю монашескому, по отпетии тела усопшего, он подошел проститься с ним, то почувствовал во всем своем существе какую-то

неизъяснимую перемену и лобызал почившего не как мертвеца, но с великим благоговением и чу́дною сладостью, как бы святую икону. Погребли старца Афанасия. На другой день схимонах Михаил, как бы влекомый какою-то силой, пошел на могилу новопреставленного, поклонился ему, и внезапно радость невыразимая и сверхъестественный восторг объяли его сердце. Многоболезненные члены его как бы совершенно ожили, и утешение неземное надолго исполнило его душу. Обо всем этом с клятвой свидетельствовал схимонах Михаил пред отцом игуменом и братией.

СХИМОНАХ СЕРАФИМ (†1860)

Старец Серафим происходил из крестьян. Его родители были самыми богатыми в селе и имели торговые лавки в городе. По пламенной любви к Богу будущий старец оставил жену и вся красная мира сего и прибыл на Валаам. С первых дней своего поступления в монастырь он пребывал в большом воздержании: чаю не пил, тела своего никогда не обмывал, жительство проводил в непрестанной молитве и трудах. В монашество был пострижен в 1835 году с именем Серапион, а позднее, при пострижении в великую схиму, наречен Серафимом.

Добрую память оставил по себе строгий подвижник, явивший себя примером подражания. Отсечение воли и желаний в нем было полное. В Божием храме он неопустительно пребывал на всех церковных службах. Уже в старости, пребывая в болезнях, не возьмет он, бывало, без особого благословения даже просфоры.

Случающиеся неизбежные скорби батюшка переносил в молчании. Оправдывать себя он не любил, да и другим всегда говаривал: «Нет, возлюбленный, оставь; Бог видит все...»

В последниее время земного своего жития старец очень болел. От плеч и до пояса с его спины сошла вся кожа. Страшная язва приводила посторонних в содрогание, но он не только не хотел ее лечить, но даже и болезненным вздохом не обнаруживал своей нестерпимой боли. Два раза против его воли накладывали ему на язву живительный пластырь и оба раза, оставшись наедине, старец своими руками сдирал его весь, – и тем убедил прекратить лечение, ибо не усматривал он в том воли Господа.

В глухую ночь, на своем соломенном ложе, в тяжкой болезни, с великим трудом вставал отец Серафим на колени для молитвы. Медленно, с глубоким вниманием ограждал он себя крестным знамением и, произнося молитву, полагал поклон. После нескольких поклонов в изнеможении падал он на свое ложе и снова, с усилием вставая на молитву, после нескольких поклонов опять повергался на одр. В таких трудах проходила ночь больного старца.

Чудесная кончина схимонаха Серафима

В последние дни своей жизни подвижник особоровался и несколько раз приобщался Святых Христовых Таин. Дня за два до кончины келиарх, иеродиакон Иона, по своей должности, пришел посетить его. Глаза старца были закрыты; лицо его сияло необычайной радостью; грудь высоко подымалась, из слов его можно было заключить, что он видит святых угодников Божиих. Сказав: «Владыко грядет, грядет Владыко!», – старец крестился, в величайшем восторге простирал руки и с живейшим чувством благоговения и любви взывал: «Господи мой! Сладчайший Иисусе Христе! Боже мой!» Старец умолк, тихая радость почивала на лице его; тогда отец Иона решился подойти к нему. На его вопрос: «Кто грядет?», – батюшка ответил: «Господь наш Иисус Христос». За несколько часов до преставления старец что-то говорил шепотом. Казначей, иеромонах Ионафан, который пришел проститься с ним, услышал наболее громкие и внятные слова старца: «Распныйся за мя, помилуй мя!

Сладчайший Господи, помилуй!».. Так страдания Господа Иисуса были в живейшей памяти у отца Серафима: ими одушевлялся он в своем подвиге; ими крепко было упование на милость Божию.

2 февраля 1860 года тихо предал дух свой Господу отец Серафим на 83-м году от рождения. При опрятании тела его не было уже того неприятного и тяжелого запаха по причине неомовения при жизни; вместо прежнего запаха опрятывавшие тело келиарх и послушник Макарий обоняли благоухание; не было уже и страшной до того язвы на теле старца: ее благолепно покрыла тонкая кожица.

Сохранившееся поучение схимонаха Серафима

«Бог видит все, – и Сам, аще изволит, изведет на свет правду твою; поверь, что если скажешь в оправдание себя правду, – это будет слово серебряное, а претерпишь Бога ради в молчании обиду, – это будет слово золотое!» (4, с. 223)

СХИМОНАХ ФЕОКТИСТ (†1863)

Уставной квартирмейстер морской артиллерии старец Феоктист в миру носил имя Феофан. Сведения о приснопамятном старце скудны. Кратко и лаконично повествуется о нем в письменных источниках.

Он был пострижен в монашество в 1885 году. Облечен же был в великую схиму в году 1853. Проходил Божий угодник разные послушания. Трудился он на погребу; одно время проживал при Санкт-Петербургской монастырской часовне; особенно долго прислуживал пономарем в храме Преподобных. В церкви он бывал при всех службах.

Со времени поступления в монастырь строгий подвижник не омывал своего тела, жил в большом воздержании.

Отец Феоктист заметно отличался тихостью своего характера, искренним добродушием и евангельской простотой. Особенно обращала на себя внимание его способность к терпению. Оно

было достойно великого удивления. Ноги его были постоянно распухшими и в больших язвах, но он никогда не только не говорил ни слова о своей болезни, но и не лечил их. При том, во время служб безвременно не садился, а во время чтения кафизм, когда по монастырскому уставу слушающим возможно было сидеть, он стоял.

По принятии великой схимы старец около восьми лет подвизался в скиту Всех Святых; позднее, около трех лет – в пустыни на Предтеченском острове, который был предназначен для особых иноческих подвигов. Жизнь его протекла в усиленной молитве, в самоотверженных трудах и памятовании страданий Господа нашего Иисуса Христа. «Ах, батюшка,— смотря на распятого Спасителя, сказал однажды отец Феоктист казначею, иеромонаху Ионафану, – я думаю, как больно было Господу, когда пригвоздили Его ко Кресту. Ведь гвозди были большие и прошли насквозь! Маленькая царапина беспокоит нашу немощь, а у Спасителя-то, ах! Какая была ужасная боль!» (3, с. 91).

Последние две недели своей земной Христоподражательной жизни отец Феоктист провел в монастырской больнице, куда был взят от-

цом-игуменом из пустыни по крайней слабости здоровья. Страдая всем телом, старец, однако же, постоянно сохранял мирное расположение духа. Не имея сил поворотиться, он был доволен всяким положением, в какое только приводила его услужливость ухаживавших за ним. Эта крайняя нетребовательность старца удивляла келейника.

– Батюшка, – говорил он, – что это ты всем доволен, что тебе ни сделаешь, все тебе хорошо?!

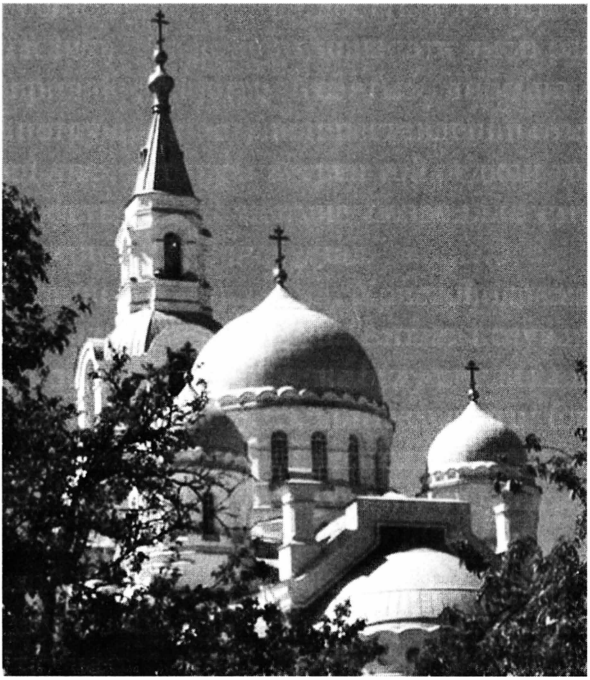
– Эх, возлюбленный, захотел ты угодить на больного, – отвечал с улыбкою старец.

Накануне своего блаженного преставления отец Феоктист соборовался, исповедался и приобщился Святых Христовых Таин.

Часа за полтора до кончины он попросил келейника посадить его и спустить ноги его с постели. И так сидя, шепча молитву, несколько раз оградив себя крестным знамением и опустив руки на колени, старец-подвижник почил тихим сном о Господе, Которому старался подражать всю свою иноческую жизнь. Так привык он во дни своего подвижничества преда-

ваться временному ночному отдохновению, так благоволил ему Господь и заснуть навечно.

Совершилось это 19 июня 1863 года. Схимонаху Феоктисту было 77 лет. Вечная ему память!



ПРЕПОДОБНЫЙ СТАРЕЦ ИЕРОСХИМОНАХ АНТИПА ПЕРВЫЙ (АФОНСКИЙ, 1816 – 1882)

Святой богоносный старец Антипа родился в Молдавии в селе Калаподешти Текунчского уезда в 1816 году. Родители его были православные и весьма благочестивые; жили, однако, они в большой бедности. Отец его, Георгий Константинович Лукиан, служил диаконом в убогой церкви родного села; а мать, Екатерина Афанасьевна, впоследствии поступила в женский монастырь и с именем Елисаветы скончалась в схиме. У Лукиана долго не было детей. Наконец, по молитвам жены у него родился сын Александр.

Рождение будущего подвижника ознаменовалось особенным благоволением Божиим: мать родила его без боли; затем, до конца жизни, осеняла его чудная Божия благодать. Еще в детстве, когда он пас овец своего отца в глухом лесу, где водилось множество ядовитых змей, брал он их живых в свои руки без ма-

лейшего вреда. Одаренный от Бога высокими духовными дарованиями, в отрочестве отец Антипа все же был как бы лишен обыкновенных, естественных способностей: от природы он был очень простоват и крайне непонятлив. Эта двойственность отца Антипы производила соответствующее ей впечатление на сверстников. Иногда они, поражаемые появлением в нем чего-то дивного, необычайного, падали пред ним со страхом на колени и называли его своим владыкой; иногда же ругали и били его за простоватые выходки.

Александр долго не мог выучиться грамоте. Но крайним напряжением и усердием он старался преодолеть свою неспособность, так как его заветной мечтой было иметь возможность читать священные книги. Наконец, усердие, труд и молитва преодолели, и священные книги для будущего старца стали единственным, всегдашним источником духовного назидания и самых сладостных утешений.

Очень рано лишившись отца, как старший, Божий угодник должен был содержать семью. Он стал зарабатывать деньги переплетным ремеслом. Но обычная жизнь не удовлетворяла

юношу, душа его тосковала об ином. И когда однажды, на 20-м году жизни, его внезапно осиял неизъяснимый свет, наполнивший сердце невыразимой радостью, он принял этот свет как Божественный зов и, обливаясь потоками слез, неудержимо хлынувших из глаз, воскликнул: «Господи! Я буду монахом!» (17, с. 40, 42)

Но Господь промыслительно попускал на Александра и разнообразные бесовские покушения. Бывало бесы являлись ему то в виде черных эфиопов, то в виде черных собак. При знамении Господня Креста они мгновенно, сверкнув молнией, исчезали. Иногда они принимали на себя и другие многоразличные и отвратительные образы, производили ужасный треск и шум, наводили невыразимый страх на душу подвижника. Кроме искушений от бесов, много скорбей и поношений перетерпел в разное время отец Антипа от некоторых враждовавших на него людей за свою прямоту и неудержимую ревность ко благочестию.

Настал день, когда, внезапно для окружающих, но с полной внутренней последовательностью, покинул он свой дом и ушел в Нямецкий монастырь. Там Александр сподобился

благодатного явления у чудотворной иконы Богоматери, но принят в монастырь не был и пошел в Валахию. Здесь он вступил в один из небольших монастырей, где начал подвизаться упражнением в молитве Иисусовой, а также в тяжелых телесных трудах, в посте и бдении. Этому умному деланию наставил его монах-подвижник Гедеон, 30 лет пребывавший в затворе.

Строгой жизнью и самоотвержением в подвиге Александр настолько выделился из рядов братии, что духовник советовал ему идти на Афон. Хотя Александр и сам стремился туда, однако, боясь самоволия в таком важном шаге, решил просить благословения опытного в духовной жизни старца, архимандрита Димитрия. Последний не только благословил его намерение, но и сам постриг ревностного послушника Александра в монашество с именем Алипий.

И вот – Святой Афон. Вступив в греческий афонский монастырь Эсфигмен, молодой монах Алипий трудился 4 года в поварне и победно претерпел здесь тягчайшее и опаснейшее Божие испытание. На целый год от-

ступила от него умная молитва, а с ней и все благодатные утешения. Недостаточно твердого в терпении и вере человека такое испытание может довести до отчаяния. Но подвижник, прошедший сей скорбный путь, приобретает ценнейший опыт и, став искусным, может руководить других. Позднее, на Валааме, будучи старцем, отец Антипа и являлся вдохновителем и опытным руководителем этого сокровенного делания.

На Афоне всемилостивый Бог сподобил мантийного монаха Алипия великого ангельского образа – схимы. Будущий преподобный был наречен Антипой.

С новым именем началась и внешне новая для него жизнь пустыннического уединения. Первое, что обрел он в пустынной полуразвалившейся хижине, куда его благословили на подвиг непрестанной молитвы и безмолвия, была икона, покрытая копотью до такой степени, что нельзя было разобрать и лика. Невыразимо обрадовался отец Антипа своей находке. Знакомый иконописец-пустынник, иеродиакон Паисий, промыл икону и она стала совершенно как новая. Это оказалась ико-

на Божией Матери, с которой отец Антипа не расставался потом всю свою жизнь, как с величайшей и единственной драгоценностью. Впоследствии он завещал ее возлюбленному им Валаамскому монастырю, свидетельствуя о ней как о чудотворной.

Приняв сию икону от Пречистой Владычицы мира в залог благодатного покровительства и руководства всей своей дальнейшей жизнью, отец Антипа тут же получил чудесным образом деньги на приведение в порядок своего жилища. Он встретил незнакомого отшельника, который сказал: «Батюшка, добрые люди дали мне 5 червонцев и просили передать беднейшему пустыннику. Помолясь, я решился отдать эти деньги первому, кого встречу. Так возьми их: они должно быть тебе нужны» (17, с. 44). Отец Антипа принял деньги, будто из руки Божией – с благоговением и великой благодарностью.

Впоследствии, посредством этой святой иконы Божией Матери и по продолжительной молитве отца Антипы, произошло чудесное исцеление одного священника, который был плотником и помогал обустраивать

келью подвижника, но неожиданно, на 5-й день работы, заболел сильнейшим припадком холеры.

Наконец, келья была сносно устроена, и богоносец предался молитвенному подвигу. За советами в духовной жизни он обращался к опытному пустыннику схимонаху Леонтию – старцу святому и великому подвижнику. С ним и в последующее время находился он в ближайшем духовном общении и с его только благословения решался на новые шаги. А пропитание добывал себе собственным рукоделием – изготовлением деревянных ложек, которые продавал на Карее (Небольшое местечко Карея – административный центр Афона. – *Ред.*).

Вскоре от пустыннической жизни уже достаточно опытный схимник Антипа был призван к оживленной деятельности во вновь устроенном Молдавском скиту. Здесь был посвящен во иеродиакона, затем во иеромонаха, назначен келарем. Здесь вступил он и на важнейшее поприще своей жизни – он стал духовником и в течение трех лет замещал игумена. Затем батюшку назначили экономом на мона-

стырское подворье в Яссы. После отшельничества на Афонской горе отец Антипа чувствовал себя окруженным со всех сторон искушениями, воздействиями, рассеивающими внимание, и, будучи искусным Христовым воином, вооружился против всех этих вредоносных влияний мира сего крепким оружием – постом. Проводя строгую подвижническую жизнь, всей душой любя Святое Православие с его вековыми установлениями и традициями, отец Антипа при всяком удобном случае, несмотря на лица, с ревностью обличал замечаемые им отступления от церковных постанановлений. Проявляя свою незаурядность, батюшка обратил на себя внимание высокопреосвященного митрополита Молдавского. Мудрый владыка стал оказывать ревностному подвижнику особенное благоволение. Он поставил его духовником в двух женских обителях и сам часто беседовал с ним о духовных предметах. За святое послушание все свои обязанности подвижник исполнял успешно.

И вот, отец Антипа был послан в Россию для собирания пожертвований, предназначавшихся Молдавскому скиту. Отец Антипа

крепко молился, и дела по сбору средств шли очень успешно. Приношения, по большей части, удивительным образом доставлялись прямо к нему на квартиру, которую батюшка снимал у одного благочестивого московского купеческого семейства. Жертвовались дорогие священнослужебные сосуды, облачения, ризы, воздухи, прочее. Дары московских благотворителей составили всего, вместе с колоколами, сумму, на те времена весьма высокую, – свыше 30000 рублей. Однако, волею Божией, Его премудрым Промыслом, пожертвования эти на Афон не попали. Пароход, на котором они были отправлены, вместе со всеми пассажирами и грузом погиб во время бури в Черном море. В ночь этой печальной катастрофы отец Антипа стоял на молитве. Вдруг громко треснуло стекло киота, в котором был помещен образ Божией Матери, обретенный батюшкой в его Афонской пустынной келии. Это было время гибели парохода.

Но отец Антипа не упал духом. Он продолжил исполнять свое послушание. В Петербурге, по специальной сборной книге, им была собрана довольно значительная сумма, кото-

рую для отправления на Афон нужно было обменять в золотые монеты. Но в то время, по высочайшему повелению, выдача золота из главного казначейства была воспрещена, и отцу Антипе пришлось обращаться с просьбами о помощи к влиятельным лицам. Когда все отказались помочь, когда не было более никакой человеческой надежды, тогда повергся отец Антипа пред своим Афонским образом Божией Матери и стал просить заступления Небесной Царицы. Во время молитвы от иконы ему было явленно знамение, что надо обращаться к митрополиту. Батюшка так и сделал. При содействии владыки по предписанию министра финансов для отца Антипы было сделано исключение – собранная им сумма была золотом отправлена в Молдавский скит для крайне нуждающихся молдавских старцев.

Вскоре и в Москве стали снова поступать к отцу Антипе разные приношения для Молдавского скита.

Очень важно заметить, что и в Москве, и в Петербурге благочестивые люди из всех слоев общества обращались к нему за духовными наставлениями и с благоговейной веройвнимали

назидательному и даже обличительному слову схимника. У него сложился целый многочисленный кружок искренних учеников. Оба высокопреосвященные митрополиты – Петербургский Исидор и Московский Филарет – оказывали ему милостивое внимание и беседовали с ним о духовной жизни. Митрополит Исидор взял отца Антипу с собой в город Задонск на открытие и прославление святых мощей святителя Тихона.

Как только кончились батюшкины дела по сбору подаяний в пользу Молдавского скита, он, с благословения своих молдавских старцев, 6 ноября 1865 года прибыл на российский «Афон» – святой Валаам, пленивший его еще в первый год пребывания в России, когда ему удалось побывать на дивном острове.

Путь, приведший многоопытного подвижника Антипу в Валаамскую обитель, удивителен, долог и сложен. Но полюбил отец Антипа Валаам действительно всей душой, искренне и так, что не пожелал возвращаться и на дорогой его сердцу Афон. Батюшка влился в валаамское братство, принеся с собой бесценные духовные «накопления».

В скиту Всех Святых молитва сделалась его единственным и исключительным занятием. Кроме неопустительного исполнения денной и ночной службы по строжайшему иноческому уставу, отец Антипа каждый день прочитывал два акафиста Божией Матери: один общий, другой обязательно Ее Преблагословенному Успению. Он полагал по несколько сот земных поклонов за живых и усопших с молитвой об их спасении. Затем более часа читал помянник, который был у него очень велик – поминались все благотворители. Кроме того, часто он совершал у себя в келье полную службу на молдавском языке, а потом выстаивал без упущения и всю церковную службу в скитском или монастырском храме. В определенное время, между службами и поклонами, он занимался умной молитвой и ей же посвящал свободные от установленного молитвословия часы дня и ночи. Каждую субботу в скиту он в алтаре причащался Божественных Таин, облачаясь поверх мантии в священнические ризы.

В первую седмицу Великого поста старец Антипа не принимал ни пищи, ни питья; равно

как в понедельник, среду и пятницу в течение всего года и в сочельники Рождества Христова и Богоявления. В остальные непостные дни седмицы ему хватало того, что приносилось на обед в субботу. Даже во время предсмертной болезни, когда рот у него совершенно пересыхал от изнурительного кашля, он не позволял себе освежиться глот-ком воды.

Три раза в год приходил святой старец в монастырь – на Рождество Христово, на Страстную неделю и неделю Святой Пасхи и на всю неделю Пятидесятницы. Также приводила его в монастырь необходимость духовного общения с близкими ему лицами, специально приезжавшими на Валаам. Его глубокая, самоотверженная любовь к ближним, его тонкое благочестивое чувство, боявшееся чем-нибудь опечалить нуждавшихся в его духовной помощи, превосходила его любовь к безмолвию. По целым дням тогда находился старец в обществе женщин: пил чай, ел. Умел жить и в скудости, умею жить и в изобилии; научился всему и во всем: насыщаться и терпеть голод, быть и в обилии и в недостатке. *Все могу в укрепляющем меня Иисусе Христе* (Флп. 4: 12 – 13). Этими

апостольскими словами объяснялись недоумения некоторых по поводу того, как удавалось строгому аскету без «духовных потерь» ради снисхождения к немощи своих чад временами отступать от норм строгого поста. Евангельская любовь богоносного старца к ближнему покрывала все.

Ничего не искавший на земле, преподобный Антипа с радостью переносил все огорчения, поношения, упреки. Глубокое смирение и всегдашняя готовность к самоукорению давали ему полную возможность всегда сохранять невозмутимым внутренний мир души. Жил он в крайней нищете. В его келье не было ни кровати, ни стула. В ней находился вместо аналоя небольшой столик да деревянный жезл с перекладиной, на который в борьбе со сном в изнеможении упирался подвижник во время всенощного бдения. На полу лежал войлок. На нем он сидел и на нем в утомлении предавался краткому ночному отдыху.

Отец Антипа со всей любовью отзывался на нужды братии. С первого дня своего прибытия на Валаам, полюбив всей душой этот монастырь, отец Антипа сохранил свою лю-

бовь к нему до конца. «Одно у меня сокровище, – говорил он, – это моя чудотворная икона Божией Матери. Никому я ее не отдам: я оставлю ее только Валаамскому монастырю». (3, с. 74 – 75)

Перед смертью, чувствуя близость своего отшествия в иной мир, старец просил совершить Божественную литургию и причастить его. В полном разуме, сподобившись принятия Божественных Даров, отец Антипа погрузился в тихую дремоту. Его преданный ученик, слепой отец Агапий, стал читать наизусть любимый батюшкой акафист Богоматери. Лицо его выражало глубокий покой, дыхание становилось тише и неприметнее, и, поразительно, что на седьмом кондаке, когда отец Агапий произнес слова: «Хотящу Симеону от ныняшнего века преставитеся прелестного...» (17, с. 55), Божий старец мирно предал дух свой Господу. Это случилось в воскресенье 10 января / 23 января 1882 года. Преподобному было 66 лет от рождения.

Похоронили старца за оградой скита, невдалеке от часовни, поставленной в воспоминание Христовых крестных страданий.

Как член скитского братства, он должен был быть похоронен за алтарем скитского храма. Но это отступление от общего правила было допущено, снисходя к душевной скорби и слезным мольбам почитателей старца, которые благодаря сему получили невозбранный доступ к могилке, тогда как в скит они могли попадать либо раз в год – в день памяти всех святых, либо по особому разрешению. И по преставлении отец Антипа как бы остался верен той редкой тонкой деликатности, которая не позволяла ему чем-либо огорчить своих чад.

Христоподражательный подвиг любви отца Антипы служит христианским поколениям на будущие века верным примером истинного евангельского благочестия. Святая Церковь благодарно прославила старца иеросхимонаха Антипу в лике святых преподобных.

Одно из высказываний старца Антипы Второго

«Единственным моим желанием по отношению к моим ученикам и ученицам было их

преуспеяние духовное и вечное спасение их души». (1, с. 156)

Некоторые чудесные случаи

В последние дни своей жизни отец Антипа открыл одному из ближайших учеников следующее явление. «В прошедшем году, в глухую осень, – говорил он, – стоял я на молитве. Вдруг сделался шум, и чудотворный мой образ Божией Матери сам собою двинулся со своего места; другие иконы, бывшие на нем и около него, упали; образ Богоматери тихо шествовал по воздуху и остановился на моей груди. С радостию невыразимою и благоговейным трепетом принял я святую икону и поставил ее на место». (3, с. 76) Неудержимые слезы умиления орошали лицо старца при этих словах.

«Если будете писать мою жизнь – продолжал он, – прошу вас, – напишите и об этом благодатном явлении, которого сподобился я недостойный по безмерной милости Царицы Небесной». (3, с. 76) Эту последнюю просьбу отец Антипа до своего преставления повторил несколько раз.

За два дня до кончины отца Антипы в монастырском храме умер послушник, старичок из крестьян, пораженный апоплексическим ударом.

В эту ночь, как и в предшествовавшие ночи, особенно страдал отец Антипа; под утро ему стало лучше, и он обратился к окружавшим его ученикам с вопросом: «Кто у вас умер в монастыре?» Так как в скит из монастыря еще никто не приходил, известия никакого получено не было, то ученики отвечали: «Никого!» «Нет, умер, – возразил отец Антипа, – умер простой старик... в церкви... ему было трудно. Игумен велел дать воды... не помогло... умер». (11, с. 138 – 139) В недоумении слушали старца его ученики. Когда же около 11 часов утра в скит приехал отец духовник и рассказал о случившемся в обители, тогда только поняли, что отец Антипа прозорливыми очами ясно видел все, совершавшееся в монастырском храме, как бы оно совершалось в его присутствии.

В последнюю ночь часто подымал отец Антипа руки к небу и звал к себе своего любимо-

го афонского старца, схимонаха Леонтия, мужа святого и подвижника великого. «Леонтий! Леонтий! Где ты?! Леонтий!» – часто повторял отец Антипа, и потом как бы беседовал с пришедшим. «Батюшка, да с кем ты говоришь? Ведь никого нет» (3, с. 77), – наклоняясь к отцу Антипе сказал ему его келейник. Пристально посмотрел старец на келейника и тихо пальцем постучал его в голову.

СТАРЕЦ СХИМОНАХ АГАПИЙ СЛЕПЕЦ (1838 – 1905)

Схимонах Агапий родился в 1838 году в крестьянской семье деревни Уткино, Ростовского уезда, что в Ярославской губернии. В миру он назывался Александром Андреевичем Молодяшиным. Родители его занимались огородничеством.

С юного возраста будущий схимник страдал глазной болезнью, и эта болезнь впоследствии довела его до слепоты.

По смерти родителей старшим в доме стал Александров брат. Оба они были различных характеров, что влекло за собой достаточно недоразумений и серьезных неприятностей. Впоследствии отец Агапий в письме архимандриту А. говорил об этом так: «Я в монастырь ушел 22-х годов не по духовной ревности ко спасению, но по причине убожества (болезни глаз) и с братом разнонравия. Если бы этого не было, мне никогда бы и мысль не приходила идти в монастырь. Вот я теперь соображаюсь со Святым Писанием: один свя-

той отец пишет, что иные спасаются разумом, иные произвольным подвигом, иные Божиим Промыслом; последнее ко мне приличнее и ближе» (1, с. 342).

Начавшиеся несогласия и недоразумения с родным братом очень беспокоили мирную душу будущего инока и тяготили его, особенно как человека еще и болезненного. Александр, в котором уже несомненно теплилась искра Божия, решил в трудных обстоятельствах жизни помолиться Богу и у Него просить себе утешений и указаний. И всеблагий Господь внял его мольбе и указал ему вернейший путь к успокоению душевному.

По прибытии на Валаам Александр решил некоторое время пожить во святой обители, помолиться Богу и принять, с благословения настоятеля, участие в трудах валаамских насельников. Хотя и приучен он был с детства к трудовой жизни, однако не по силам ему оказались здешние тяжелые труды. Слабое здоровье, особенно глазная болезнь, делали для него невозможным несение общего послушания, работать до пота с раннего утра и до позднего вечера, с небольшими перерывами для отдыха

и подкрепления пищей; а, кроме того, надлежало посещать Божий храм.

Тяжело все это было понести добровольному молодому труднику, и не надолго хватило у него сил. Однако жизнь валаамской братии, полная молитвенных и разнообразных иноческих подвигов, строгое уставное богослужение, своеобразное, сурово-прекрасное, глубоко западающее в душу, валаамское пение, и, вообще, весь уклад монастырской жизни, произвели полный переворот в душе Александра, показав ему всю бренность, все ничтожество мирской жизни. Душевное настроение его стало ровным и спокойным, вражда и неприязнь исчезли. Перед ним открылась совершенно иная жизнь.

Недолго пожив на Валааме, Александр успел однако заметить на себе и испытать все благотворное действие монашеской жизни. Следствием сего испытания и явилась с его стороны твердая решимость порвать всякие связи с миром, сделаться монахом и именно в Валаамской обители. Теплившаяся в нем искра Божия разгорелась.

Потрудившись некоторое время на Валааме, Александр, по причине телесной немо-

щи, вынужден был все же вернуться домой, но уже в мирном настроении, со спокойным духом, с сердцем полным любви и прощения. Первым долгом он поспешил примириться с братом. Жизнь его потекла гораздо спокойнее. Но мир уже не удовлетворял его. Ощутившего вкус неотмирного жития неудержимо влекло в тихую обитель, к общим братским подвигам, чтобы Бога ради приложить к ним и свои посильные труды. Высокая и светлая личность игумена-подвижника, отца Дамаскина, притягательным образом действовала на юношу. Он понимал, что под руководством сего мудрого духовного руководителя и наставника можно подвизаться подвигом добрым, достигнуть тихой пристани и вечного спасения.

Открыв кровному брату свое непреклонное желание вести монашескую жизнь, Александр попросил внести за него в монастырь некоторую сумму денег, которая служила бы добавкой к его физическим немощам и освобождали его от постоянных упреков самому себе в малой, будто бы, приносимой им пользе для обители, на что брат согласился.

Игумен Дамаскин знал людей хорошо. От его прозорливого ока не укрылось душевное настроение юноши. Да и Александр, хотя прежде и недолго прожил в монастыре, но успел уже зарекомендовать себя с лучшей стороны во всех отношениях. Отец Дамаскин принял немощного Александра в обитель. Принял он также и вносимый будущим монахом небольшой материальный вклад.

Так, 13 ноября 1860 года, по приходе своем навсегда в Валаамский монастырь, Александр Андреевич снова был определен на послушание при монастырском огороде. На этом послушании он трудился немалое число лет, сначала, как простой богомолец и работник, затем уже как послушник, а впоследствии был назначен заведующим или, как говорят на Валааме, «хозяином» всего огорода.

Истинное послушание и смирение, а также неусыпная ревность к храму Божию и примерное трудолюбие Александра были замечены. Спустя без малого десять лет он удостоился от игумена пострижения в монашество (мантию) с наречением ему имени Агапий.

Со временем слабость зрения монаха Агапия все более усиливалась: один глаз перестал видеть совсем; нести огородное послушание стало для него весьма затруднительно. Ввиду такого положения, от этого послушания он был освобожден, он был назначен на клирос, и вскоре уже стал клиросным голосовщиком, то есть помощником регента.

Благодаря добросовестному исполнению клиросных обязанностей, отец Агапий получил основательное знакомство с Богослужебным уставом Православной Церкви и изучил на память много молитвословий.

Наконец, болезнь глаз усилилась до такой степени, что отец Агапий ослеп совершенно, и потому был освобожден от всякого послушания и 26 августа 1883 года был уволен за штат, то есть на покой.

В то время, когда приснопамятный схимник начинал на Валааме свою подвижническую жизнь, там сиял своими иноческими добродетелями и богоугодными подвигами, духоносный старец, иеросхимонах Антипа Первый (Афонский), удостоенный еще при жизни от Господа Бога дара прозорливости. Сей дивный

старец проживал в скиту Всех Святых, Существует достоверное предание, что Сама Пречистая Владычица мира благоволила однажды удостоить преподобного Антипу беседой через святую Свою икону, находившуюся в его келье.

К этому угоднику Божию и был назначен в ученики отец Агапий. Он предался учителю всей душой. Между старцем и учеником установилась теснейшая внутренняя связь.

Руководимый таким опытным в духовном делании старцем, отец Агапий сам мало-помалу приобретал редкую духовную опытность, возрастал в нравственно-добром и святом, созревая в *мужа совершенного, в меру возраста Христова* (Еф. 4: 13). Под руководством святого старца научился отец Агапий со временем сердечной внутренней молитве, а вместе с этим постоянному памятованию о Боге. Молитва Иисусова не сходила с его уст.

Видя своего ученика преуспевающем в духовной жизни и добром иноческом житии, преподобный Антипа решился, несмотря на сравнительную молодость отца Агапия, облечь его в великую схиму, что и было исполнено келейным образом.

По свидетельству одного близкого друга отца Агапия, схимонаха Никиты, тот проводил жизнь в постоянном слушании чтений из Священного Писания, творений святых отцов Церкви и подвижников благочестия, житий святых; в размышлениях о прочитанном и в непрестанной Иисусовой молитве с определенным количеством поясных и земных поклонов. Также слепой подвижник усердно старался не пропускать ни одной церковной службы.

Свою телесную немощь – слепоту, отец Агапий в течение 23-х лет переносил с изумительным терпением и кротостью. Он непрестанно благодарил Бога, ниспославшего ему такое тяжкое испытание, для очищения грехов и душевного спасения. Очень часто приступал подвижник ко Святому Причащению и говорил, что «большая помощь и великая польза мне от частого причащения Святых Таин». (1, с. 351)

Отец Агапий, прилежа всем сердцем Священному Писанию и святоотеческим творениям, и свою жизнь устроил руководствуясь ими.

В начале 1881 года скончался приснопамятный валаамский настоятель, игумен Дамаскин. Его преемник, игумен Ионафан, видя блачестивую и подвижническую жизнь схимонаха Агапия, решил возложить на него послушание – старчество. Тот по своему смирению, считая себя ниже всех, человеком самым грешным и недостойным, пробовал отказываться от сего ответственнейшего делания, но настоятель был непреклонен. Блаженному иноку оставалось только подчиниться. Бог разрешил недоумения через святителя Феофана Затворника Вышенской Пустыни, к которому обратился валаамский подвижник по поводу своего старчествования. «Никакое доброе дело, – отвечал святитель Феофан, – не может быть помехой молитве. Добрые дела и молитва – родные сестры, одна другой руку подает. Старчество, по самому свойству своему затруднительно, но ему всегда присуща помощь свыше и эту помощь необходимо призывать. Никакое слово не останется бесплодно, только плод не тотчас появляется. Если будете говорить приходящим к вам братьям с любовью все

должное, то вы свое дело сделаете. Трудитесь, ибо труд, с Божией помощью, все преодолевает. Молитесь о всех вам врученных со слезами, каждому испрашивая благопотребное, а себе вразумления». (1, с. 353)

И старец Агапий самоотверженно понес возложенный на него крест. Любовь к ближним, горевшая в нем, была столь же сильна и глубока, как любовь к Богу. Приняв на себя святое дело руководства частью монастырской братии, батюшка все силы свои полагал на удовлетворение их духовных потребностей: разрешал недоумения, наставлял, обличал и вразумлял.

Неотступные слезные просьбы многих богомольцев заставили бывшего в то время настоятеля монастыря, игумена Гавриила, благословить старца Агапия открыть двери своей кельи и для лиц мирских, желающих получить от него духовный совет. И Господь, видя веру, искреннее послушание и любовь отца Агапия к ближним, помог верному рабу Своему в этом тяжелейшем труде. Он ущедрил его в известной степени Своим даром духовной прозорливости, который много

облегчил старцу его подвиг христианской любви.

Между тем, болезни все усиливались, и силы продолжали иссякать. «За одно благодарю Бога, что нет у меня никаких земных попечений. Помаленьку перемогаюсь – надо терпеть. Терпение болезней поставится вместо подвигов» (1, с. 365), – писал старец Агапий в 1903 году архимандриту А.

За три дня до блаженного своего перехода в иной мир стал он чувствовать себя особенно тяжело, но все-таки не ложился и не делал упущений в совершении своего схимнического молитвенного правила.

В 3-м часу ночи 7 апреля 1905 года, когда иноков стали будить к полунощнице, приснопамятный старец Агапий, по обычаю также проснулся, но сказал: «Нет, сегодня мне очень трудно, не могу встать» (1, с. 366) – и через полчаса тихо предал свой дух Господу. Было ему тогда 67 лет от роду. Погребение благодатного старца схимонаха Агапия состоялось в Лазареву субботу на братском кладбище. Он один из особопочитаемых валаамских Божиих угодников.

Некоторые поучения старца Агапия

«Пекитесь о спасении душ ваших, ради Бога не падайте духом, а укрепляйте себя молитвою с живою верою в то, что Господь печется о вашем спасении и на всякий ваш смиренный призыв, по Своему человеколюбию, всегда готов помогать вам». (11, с. 181)

«Очень большую пользу видел отец Агапий и в духовном совете с людьми опытными в духовном отношении: "...какие были святые апостолы и каких были сподоблены неизреченных дарований, но и они сходились для общего духовного совета"». (12, с. 24)

«Нам немощным никогда не должно крепко опираться на один свой разум, а всегда просить Бога о помощи и вседушно держаться отеческого писания». (11, с. 180)

«Только нуждницы восхищают Царствие Божие, а для нерадивых и лукавых оно недоступно, и... наше падшее естество требует всегдашнего к добру принуждения, а особенно к такому добру, которое делается с истинным смирением, а потому Слово Божие надо про-

водить до чувства сердца и с помощью Божией благодати принуждать себя к точному исполнению всякого доброго дела». (12, с. 22 – 23)

«В терпении вашем стяжите души ваши, то есть... те только приобретают спасение, которые претерпят до конца жизни в борьбе со страстями и сохранят непорочность совести». (12, с. 23)

Некоторые случаи прозорливости старца Агапия

Бывали случаи, что отец Агапий называл по имени являвшихся к нему для беседы, хотя никогда ранее не видел и не слышал о них ничего.

Иногда о. Агапий прямо встречал приходивших к нему вопросом о том деле, по которому они являлись к нему. Некоторые случаи доказывают, что и будущее не всегда было от него сокрыто, и духовное зрение его простиралось далеко.

Архимандрит А. удостоверяет, что однажды он видел отца Агапия во сне, причем по-

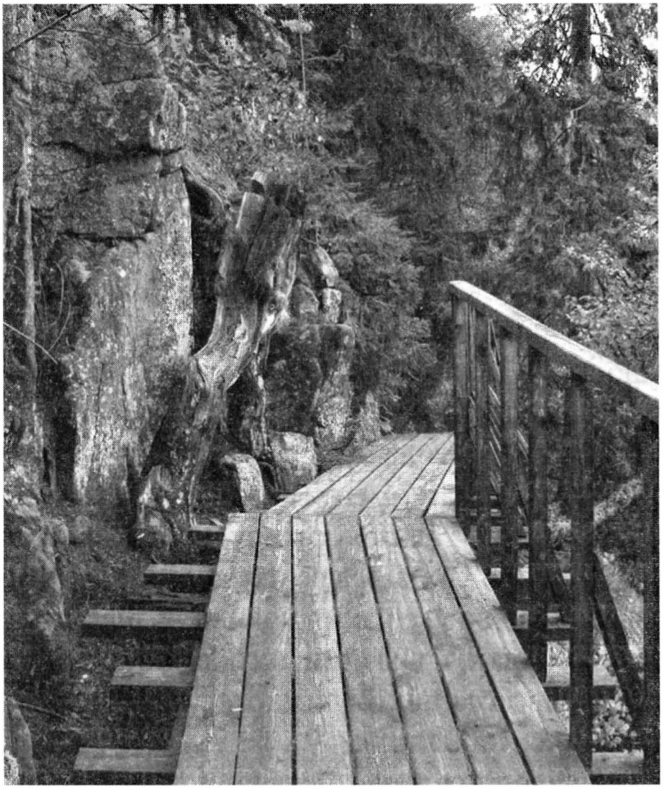
следний ему что-то говорил, но отец А., проснувшись, забыл это и письменно просил отца Агапия рассказать ему, что он говорил ему во сне. Старец, как бы нехотя, («не могу сего отказать, по большому к вам духовному расположению» (1, с. 364 – 365)), но объяснил отцу архимандриту, что говорил ему о скорбях, кои случаются с людьми по Божиему попущению за грехи, для испытания и для предохранения.

СТАРЕЦ ИЕРОСХИМОНАХ АНТИПА ВТОРОЙ (1836 – 1912)

Старец Антипа, сын обер-офицера, происходил родом из Каменец-Подольска и в мире назывался Александр Елисеевич Половинкин. Он родился 7 июня 1836 года. Обучался в местной губернской гимназии.

В июне 1858 года будущий старец поступил на службу в департамент Правительствующего Сената, но, не тяготея к миру, через два года по прошению уволился со службы. После этого, невзирая на увещания родных и знакомых, располагавших и связями, и состоянием, боголюбец навсегда покинул многосуетный мир и отправился на Валаам.

Как известно, ничего случайного в мире не происходит. Будучи принят в число послушников, он Божиим промышлением попал под бдительное руководство к самому игумену Дамаскину, который к тому времени уже 21 год успешно управлял монастырем. Известный своей аскетической жизнью и мудростью



игумен Дамаскин принял его под собственное духовное водительство с подлинной евангельской любовью. Вначале молодой насельник обители трудился на общих послушаниях. Не привыкший к черному труду, он безропотно повиновался своему руководителю и жерт-

венно выполнял все, что ему указывалось. Затем, за неленостный труд и искреннее усердие, отец-игумен определил его в монастырскую канцелярию, где подвизался он более 12 лет. Так, юный брат Александр вступил на нелегкий, самоотверженный путь иночества в суровой и пустынной обители.

Через год он был зачислен в братство Валаамского монастыря, а 24 ноября 1868 года пострижен в монашество с наречением имени Амвросий.

Двигался он вперед и вверх по лестнице духовного совершенства неудержимо. Горел пламенной ревностью к подвижничеству, но всеми силами старался скрывать свои подвиги в тайне. Отец Амвросий неизменно вел следующий образ жизни.

В 2 часа утра шел в храм к полуношнице. Возвратясь из церкви, он уже не ложился отдыхать, в то время, как другие братия после службы позволяли себе немного отдохнуть. Исполнив свое монашеское правило, он или занимался резьбой по дереву, или шел за водой для себя и прочей канцелярской братии. Для этого было необходимо спускаться по кру-

той, обледеневшей горе к заливу (водопровода в обители тогда не было). Ношение по ночам воды для братии оставалось тогда для всех неизвестным, кроме его аввы, то есть духовного отца, с благословения которого он не оставлял этого подвига. Так, не давая себе отдыха, входил он потом в канцелярию на восьмичасовой усидчивый труд.

В марте 1873 года отец Амвросий сподобился посвящения в сан иеродиакона, которое принял только за святое послушание своему мудрому руководителю. Ведь подвижник в своей душе полагал спасаться только в скромном звании монаха, считал себя недостойным сана. Отец Дамаскин пастырски властно все его доводы о недостоинстве разбил словами: «В сознании своего недостоинства принимай это служение; уж если такие люди как ты будут отказываться от диаконства и священства, тогда некого будет представлять к посвящению». (1, с. 168)

Посвященный во иеродиакона отец Амвросий с благословения отца игумена оставил канцелярию и, исправляя череду священнослужения, также пел на клиросе. Владея хорошим

и сильным голосом, он состоял на клиросе «голосовщиком». В его обязанности входило всегда быть во главе клироса и запевать священные песнопения. Таким образом, будущий старец почти все свое время был «погружен» в богослужение, не считая Иисусовой молитвы, которую он старался совершать тайно и непрестанно в уме и в сердце всегда и на всяком месте.

Любя всей душой Валаам, отец Амвросий в мыслях своих положил – жить только здесь и здесь умереть. Невзирая на неоднократные предложения о перемещении в другие, чем-либо выдающиеся обители, к тому же более богатые и обеспеченные, подвижник всегда отвечал категорическим отказом.

В феврале 1876 года иеродьякон Амвросий был посвящен в сан иеромонаха. К этому времени отец игумен Дамаскин возложил на него обязанность заведовать обширной и уникальной монастырской библиотекой. Состоя библиотекарем в течение последующих десяти лет, батюшка и здесь много и плодотворно потрудился, приведя ее ценнейшие фонды в должный порядок.

Отец Амвросий везде и во всем преследовал одну цель – пользу и интерес монастыря. Как священнослужитель, он ревностно и благоговейно совершал божественные службы; как сын обители, не покладая рук трудился на любом вверенном ему послушании. Келейная его жизнь продолжала быть сокровенной о Господе. Только перед своим преставлением он открыл одному из близких по духу братий – монаху Лонгину о своем ежедневном келейном правиле. Каждый день он прочитывал 12 глав Евангелия, 12 глав Апостола, три кафизмы и шесть акафистов. Из акафистов, – Спасителю, Божией Матери, святым Амвросию, а впоследствии и Антипе – прочитывались им ежедневно; Успению Божией Матери, Ангелу Хранителю, святому Предтече Господню, святителю Николаю, великомученице Варваре, преподобным и другим – чередовались по дням седмицы (недели). Правило это выполнял он ночью, а потому спал очень мало, и, как свидетельствуют старожилы, его можно было застать бодрствующим во всякое время дня и глубокой ночью.

Отличительной чертой отца Амвросия, проходящей через всю его многолетнюю жизнь,

было редкое усердие и упование на предстательство Небесной Царицы. С чисто ангельской простотой и слезным умилением прибегал он к Пречистой Госпоже Владычице мира перед всяким начинанием и во всякой скорби. Также чтил он особенно святителя Николая Чудотворца, глубоко благоговел перед ревностью этого великого Божиего угодника.

Пламенеющего богоугодной ревностью к подвижничеству иеромонаха Амвросия не мог не увлечь пример подвизавшегося в ту пору на Валааме Афонского старца-богоносца, иеросхимонаха Антипы (Первого). Святой Антипа являлся живым носителем от Румынских святых отцов богодухновенного старческого предания, восходившего по духовной линии к легендарному преподобному старцу Паисию (Величковскому), олицетворившему собой образец высочайшего подвижничества в древнейших традициях Афона и всего православного Востока. Иеромонах Амвросий проникся к светлому старцу глубочайшим уважением и искренней любовью, стал часто приходить к нему в скит для духовных собе-

седований. В святом Антипе Афонском отец Амвросий нашел опытного руководителя в молитвенном подвиге, в умном делании (совершении Иисусовой молитвы умом в сердце – *Ред.*). Отношения их, однако, не были односторонними. В свою очередь и святой Антипа Афонский находил в отце Амвросие некую духовную поддержку. Он любил его как собрата и духовного друга о Господе, невзирая на разницу в возрасте, составлявшую почти двадцать лет. Отец Амвросий постепенно стал сотаинником святого, промыслительно унаследовал его имя. Духовное их содружество, продолжавшееся 17 лет, было так велико, что вся святая святых их душ открывалась друг перед другом всецело, и, отходя ко Господу, Афонский богоносный старец Антипа Первый передал будущему богоносному старцу Антипе Второму все свои предсмертные и посмертные распоряжения, которые он свято соблюдал.

Под руководством святого Антипы Афонского отец Амвросий духовно возрастал в подвиге постепенно, в течение 17 лет, пока не достиг возраста такого совершенства, что игумен Дамаскин возложил на него труд благодатно-

го старческого духовничества, что и исполнил подвижник с великой честью. В глубоком смирении, избегая всяких начальственных должностей, ничего не ища, кроме спасения, в 1891 году отец Амвросий удалился в скит Всех Святых, где через год принял великую схиму с именем Антипа.

Старец всецело предался служению Господу и людям, приходившим к нему за духовным назиданием. Обладая крайним незлобием и удивительным миролюбием, он везде и всюду сеял мир и взаимную братскую любовь, принимал приходящих, вел обширную переписку с ищущими утешения и молитвенной помощи. Став авторитетным старцем, с ореолом святости, отец Антипа, уже прославленный многолетним подвижническим житием в общежитии монастыря, стал наставником многих и многих. Был он ласковым и любвеобильным для каждого. Для своих духовных чад он был и как родной отец, и как любящая мать. Высокое благородство сияло на его челе. Особенная духовная деликатность, повидимому, унаследованная от старца Антипы Первого, была неизбежным спутником старца Антипы Второго.

Своему служению батюшка оставался верен до кончины: ни старость, ни болезни не могли удержать его рвения служить Богу и людям. Никому не отказывал он в приеме и добром совете. Главное – молился за всех. Проявились в его святом делании и сверхъестественные Божественные дары благодати Святого Духа. Бог сотворил батюшку благодатным старцем-утешителем.

Вот одно из вспоминаний о незабвенной встрече со старцем:

«Боже! – молился я в тяжелое время, – пожалей меня... Я так одинок со своими, мучающими меня мыслями...» И, видимо, Бог услышал мое страстное моление и увидел мою измученную душу... Я пожал наконец такое счастье в далекой Валаамской обители, в келейке одного маленького худенького старца. Я узрел это счастье в его морщинистом лице и уловил его в звуках старческого тихого голоса. Увидел глазами, уловил ухом безконечную радость только один момент, а в душе моей стало тихо, мирно, точно светлокудрый Ангел коснулся ее своими легкими крыльями.

И с той поры я обрел себе душевный покой. Часто, часто я вспоминаю благодатного старца. Вспоминаю его и в бурю житейскую и во время ночной тишины. Вот кругом меня бушуют огромные волны житейского океана. Кажется мне, что наконец эти беспощадные волны в конце концов опрокинут мое маленькое суденышко и унесут меня в холодную водяную пучину. На небе нет приветливого мигания звезд, все заволокло тучами житейского ненастья... И безобразная старуха-уныние уже подкрадывается ко мне. Но мысль, борясь с нею, уже напоминает мне про валаамского старца Антипу, и мне видится воочию этот дивный старец. Вот он стоит в своем стареньком подрясничке и со скуфеечкой на голове, и тихо, ласково говорит: и про саму обитель, и про любимого своего игумена Дамаскина, и про свое детище – библиотеку, об ее устройстве и наполнении нужными книгами, про правду и про счастье в жизни. И сижу я так долго-долго, очарованный воспоминанием о своей беседе со старцем, и не замечаю житейской непогоды и бездушного смеха толпы. Вновь вижу я в небе рой разноц-

ветных звезд и широкий простор цветотканных полей...» (11, с. 289).

С теплым сердцем и душевной добротой принимал он бездну человеческих откровений и врачевал души в свете Христовой любви, умудренный великим духовным опытом. Подобно живой священной лампаде был он для своих учеников и духовных почитателей. Был он ярким Божиим светильником, горящим и светящим. Но кто горит и светит, тот и сам сгорает.

В последние годы жизни, страдая болезнью ног от продолжительных стояний и старческими недугами, своего подлинно подвижнического келейного правила старец не оставлял.

Предсмертная болезнь его продолжалась ровно две недели: в субботу 7 апреля он занемог, почувствовал общую слабость, лишился сна и аппетита. С этого дня он начал постепенно угасать и почти уже ничего не вкушал. В течение предсмертной болезни неоднократно приобщался Святых Тайн. 11 апреля в последний раз праздновал на земле день своего небесного покровителя, священномученика Антипы. С огромным трудом, изнемогая от

слабости, присутствовал он тогда на богослужении в скитском храме.

21 апреля с самого утра батюшке было очень плохо, и ввиду этого у смертного одра старца был прочитан канон на исход души. Лишь только закончили чтение отходной – отец Антипа стал отходить и в 7 часов 30 минут утра мирно почил о Господе.

Лицо старца, носившее во время болезни следы тяжких страданий, в момент кончины приняло оттенок просветления, выражение величавой торжественности. Невыразима была скорбь его духовных чад при виде отошедшего в блаженную вечность своего доброго аввы. По совершении заупокойной литии тело почившего было обряжено и вынесено в скитский храм, где совершили первую панихиду о упокоении новопреставленного старца, иеросхимонаха Антипы.

Вечером 23 апреля в скитской церкви был совершен парастас настоятелем монастыря в сослужении с монастырскими и скитскими иеромонахами. На другой день тем же составом священнослужителей была отслужена торжественная заупокойная Божественная литургия,

после чего началось отпевание, какого давно не видели на Валааме: отец-игумен плакал и прерывающимся голосом произносил возгласы, плакали сослужители, плакали и молящиеся. Особенно была трогательна и незабвенна минута прощания с почившим!

Тело старца было погребено в скиту Всех Святых, близ алтаря скитской церкви, в могиле, давно уже приготовленной самим батюшкой Антипой. Так закончилось торжество отшествия смиренной души старца в жизнь вечную. Завершился его жизненный подвиг, а душа его в сиянии той любви, какой он был полон на земле, отошла туда, где пребывает Сама Любовь! Житие почившего было честно – было и успение его со святыми.

Чудесный случай

Однажды глубокой осенью случилось с отцом Антипой происшествие, которое он почитал как чудесное избавление от смерти.

Дело было совсем к ночи, и отец Антипа, тогда еще послушник Александр, желая сократить дорогу, пошел прямиком на Покровскую

часовню через покрытый льдом залив. Видимо лед еще был совсем слабый, так как под тяжестью тела он подломился, и провалившегося в воду Александра понесло подо льдом. Место было глубоким и течение сильным, так что неминуемая смерть глянула ему в глаза. Но инок не потерял духа. С молитвенным воплем обратился он к преподобному Александру Свирскому. Лишь только воззвал он к святому, который сам проводил подвижническую жизнь на Валааме, как чудесным образом, не зная сам, как именно, оказался он на поверхности льда и безбедно дошел до берега.

Такая горячая молитвенная настроенность, не изменившая и в момент острого молниеносного испытания, отличала отца Антипу, когда он был послушником, а с годами разгоралась все ярче.

СХИИГУМЕН МАВРИКИЙ (1839 – 1918)

Игумен Валаамского монастыря отец Маврикий, в миру – Михаил Баранов, родился в 1839 году в Ярославской губернии в крестьянской семье. Сведения о домонастырской жизни будущего игумена Валаамского монастыря, принявшего монашеский постриг в 54 года, очень скудны. Известно, что Михаил Баранов с юности стремился к благочестию, жизнь проводил чистую и целомудренную. Любил посещать богослужения в храме, совершал паломничества по святыням Руси и Палестины. До поступления в Валаамский монастырь в течение многих лет работал приказчиком в большом хлебном магазине Петербурга. Среди суеты и соблазнов большого города Михаил сохранил свою душу в чистоте и живую веру в Промысл Божий. Один брат, хорошо знавший отца-игумена, свидетельствовал, что он был блаженный и святой подвижник, девственник, молитвен-

ник, исполненный любви и милосердия к ближним.В 1893 году Михаил Баранов поступил в Валаамский монастырь. В монашество был пострижен 15 января 1893 года с наречением имени Маврикий. Рукоположен был во иеродиакона 29 июня 1893 года, в иеромонаха 6 ноября 1894 года; проходил послушание библиотекаря; исполнял должность управляющего монастырской часовней в Петербурге. Отец Маврикий постоянно служил в домовой церкви графини Орловой-Давыдовой на Сергиевской улице. По воспоминаниям братии, отец Маврикий, будучи экономом в часовне, так истово, благоговейно, не торопясь, совершал служение молебнов и панихид, что прихожане всегда желали, чтобы служил именно он. Около 10 лет отец Маврикий управлял Валаамским подворьем в Петербурге. Впоследствии был снова переведен на Валаам, где проходил послушание казначея (1903) и наместника монастыря (1905). За ревностный труд отцу Маврикию в 1902 году было преподано благословение от Святейшего Синода с выдачей установленной грамоты, а в 1904-м

он был награжден наперсным крестом. В 1907 году, после кончины игумена Пафнутия, иеромонах Маврикий был единодушно избран братией в настоятели монастыря и возведен в сан игумена с возложением палицы.

Добрый пример нестяжательности и любви ко всем являл собой игумен Маврикий. Кроткий и смиренный старец ходил в простой, уже поношенной рясе, так что встречавшиеся с ним паломники не всегда признавали в нем игумена. Его покои состояли из трех маленьких, сводчатых комнаток, очень скромно обставленных. «Освободившись от приемов и канцелярской переписки, — писал об отце Маврикии митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Антоний (Вадковский), — он принимался за общие братские послушания: чистку картофеля, укладку дров, сенокос и тому подобное. Ездил он всегда в третьем классе, даже тогда, когда ему покупали билет второго класса. В бане он мылся вместе с простыми послушниками, и когда один новоначальный, не узнав в лицо обнаженного настоятеля, окрикнул его: «Чего ты, старик, забрал две шайки?» — он ласково сказал: «Ну, бери, Бог с

тобой». Он отменил все преимущества своего положения — довольствовался братской пищей, одеждой. Он жил своим внутренним миром, но не был чужд участия и любви к ближним, что выражалось не только в его радушном и ласковом обращении со всеми, но еще более в его чрезвычайно продолжительных молитвах в церкви и в келье, во время которых он прочитывал бесконечные поминания с именами братии обители, казалось, и всех, знаемых им» (2, с. 221 – 222). Старец любил церковные последования полунощницы, утрени, любил Божественную литургию, и особенно раннюю, за которой поминаются усопшие. От долгого молитвенного стояния ноги его ниже колен были совершенно темные, почти черные, гноились и требовали перевязок до самой смерти. Несмотря на это, он бодро и терпеливо выстаивал церковные службы. При игумене Маврикии продолжалось строительство монастыря. В 1911 году недалеко от Воскресенского скита, у подножия горы Елеон, была возведена деревянная церковь в честь Успения Божией Матери и построены два келейных корпуса Гефсиманского скита. В 1914 году по жела-

нию и на средства великого князя Николая Николаевича для поминовения всех погибших воинов, защищавших Отечество, была построена каменная церковь Смоленского скита. Устроена была также больница с храмом в честь иконы Божией Матери «Живоносный Источник». В 1912 году во время правления игумена Маврикия, указом императора Николая II игуменам Валаамского монастыря была предоставлена привилегия совершать богослужения в митре. Осенью 1917 года игумен Маврикий принял участие в работе Поместного Собора, представляя на нем Валаамский монастырь.

Глубокой скорбью наполнилось сердце игумена при известиях о большевистском перевороте в России. С прочими участниками Собора он оказался свидетелем того, как революционные отряды из пушек расстреливали вековые святыни Московского Кремля. Благополучно вернувшись в декабре в обитель, старец внезапно серьезно заболел. Страдая от боли и почти не вкушая пищи, он смиренно переносил болезнь, сознавая, что по воле Божией нужно отходить в другую жизнь. 30

декабря по желанию болящего отец-наместник Павлин совершил пострижение игумена и старца-молитвенника в великую схиму с прежним именем Маврикий. 9 февраля 1918 года в отдание праздника Сретения Господня, в 12 часов пополудни, большой колокол двенадцатью ударами возвестил братии о мирной христианской кончине ее старейшего аввы. 12 февраля после совершения заупокойной литургии тело схиигумена Маврикия было предано земле на старом братском кладбище. При прощании лицо почившего было открыто. Старец как живой благолепно возлежал в гробу. «С чувством сыновней любви к почившему отцу игумену Маврикию мы его проводили на вечное упокоение. Думаю, что не согрешу, если скажу, что едва ли Валаамская обитель увидит такого ревностного старца-молитвенника, который служил нам всем примером. Ушел от нас наш отец...» (2, с. 225), — записал в дневнике иеромонах Памва.

Вечная память приснопоминаемому доброму игумену. Да упокоит его Господь со святыми!

Из удивительного в жизни схиигумена Маврикия

При избрании Патриарха Тихона иеросхимонах Алексий (Зосимовский затворник), вынимавший из урны билет с именем избираемого патриарха (На Поместном Соборе РПЦ 1917 году избрание Патриарха совершилось жребием. – *Ред.*) имел при этом на себе мантию настоятеля Валаамского монастыря, игумена Маврикия, которого [святой] старец-затворник чтил и просил на этот момент позволения возложить на него мантию предстоятеля Валаамской обители. Таким образом на вновь избранном Патриархе Тихоне как бы почивает небесное благословение преподобных Валаамских Сергия и Германа.

Отец-игумен после совершения литургии в храме Назариевой пустыни, после совершения литии по усопшим осматривал памятники почивших игуменов. Хозяин пустыньки, монах Полиевкт, указал место и сказал отцу-игумену: «Вот, батюшка, и ваше место вечного упокоения!» На что отец-игумен ответил: «Нет! Я желаю быть погребенным на об-

щем братском кладбище, чтобы не отделиться от братии и по смерти». (2, с. 226)

ИЕРОСХИМОНАХ МИХАИЛ СТАРШИЙ (ПОПОВ, 1871 – 1934)

Последние подвижники «Старого Валаама» вошли в историю Православия 20-го века, как исповедники и мужественные стоятели за чистоту апостольской Веры и неприкосновенность Священного Предания Святой Православной Церкви.

Как только рухнула православная Российская Империя, на духовный авангард Церкви, – всемирное православное монашество, – обрушились темные силы, и особенно в виде воинствующего модернизма экуменического масштаба. Чтобы лукаво сделать Православие удобным для суетной земной жизни, Константинопольский Патриарх начал войну против Поместных Церквей, воспротивившихся подменять истину ради земного удобства. Весь Святой Афон восстал за Православие, боролся 70 лет и отстоял. Но «Северный Афон» – Валаам, — Божиим попущением, отстоять не смог. Оказавшись в 1918 году на территории

протестантской Финляндии, под угрозами и натиском безбожного мира сего, Валаам официально принял пагубные нововведения, но не без боя!

Одним из духовных вождей в этом сопротивлении силам тьмы был старец, иеросхимонах Михаил Первый. Он родился в Кронштадте в 1871 году в семье мещан. По прохождении военной службы в 1889 году 18-летним юношей прибыл на Валаам. Благодаря глубокой религиозности, которая сразу стала заметной, старательности и добросовестности, ему в монастыре стали доверять многие ответственные послушания. К тому же, у будущего самоотверженного исповедника был хороший голос, он любил церковное пение; поэтому одним из его послушаний были обязанности канонарха за монастырским богослужением.

Настоятельствовал в то время игумен Гавриил, ученик выдающегося игумена Дамаскина. Юный инок любил и почитал своего авву, помогал ему во многих делах, как, например, в нотной записи древних валаамских распевов, вышедших впоследствии в печати под названием «Обиход Валаамского монастыря».

Вслед за будущим старцем пришли на Валаам и два его родных брата.

Сподобившись иночества с именем Маркиан, прежде чем быть постриженным в 1899 году в возрасте 28 лет в монашество, подвижник 10 лет провел в самоотверженнных послушаниях, возрастая духовно.

В 1903 году его, уже достаточно опытного, рукоположили во иеромонаха.

В 1911 году отец Маркиан совершил продолжительное паломничество в Палестину и на Афон. В Святой земле он провел весь Великий пост и Пасху, ознакомился со святынями Иерусалима, посетил монастыри в его окрестностях и исторические святые места, связанные с библейскими событиями. Не раз он совершал богослужения и молился у Гроба Господня и в других святых местах. Затем, проведя несколько недель на Афоне, общаясь с многими подвижниками, батюшка нашел у них ответы на многие свои вопросы. Получив предложение святогорских старцев остаться с ними навсегда, отец Маркиан, ведомый Божией десницей на подвиг, отклонил предложение и мужественно пошел на свою «Валаамскую

Голгофу». Возвращаясь в родной монастырь, он посетил еще несколько святых обителей, знакомился со многими выдающимися представителями монашества, как трудолюбивая пчела, собирал «нектар» духовного опыта. Батюшка обладал и незаурядным писательским талантом. Благодаря этому, мы имеем возможность ознакомиться с интереснейшими записями его бесед с афонскими старцами, другими его сочинениями.

Примечательно, что Оптинские старцы-сердцеведцы, преподобные Варсонофий, Анатолий (Потапов) и Нектарий, сразу приблизили отца Маркиана к себе, видя в нем будущее воплощение духовной силы, безошибочного старческого опыта и верности подлинному Священному Преданию Христовой Церкви.

По возвращении на Валаам братия избрала его в духовники. Духовный авторитет отца Маркиана был высок. В 50-летнем возрасте он был утвержден священноначалием в должности Главного Духовника Валаамской обители. Он подвижничал в скиту. Какой великий труд нес он по окормлению братии, а это было порядка полтысячи душ, свидетельствует хотя бы

табличка на двери его кельи: «Прием с 7 утра до 9 вечера». Всех принимал духовник с ласковой улыбкой и приветливыми словами. Только иногда он проводил в безмолвии пару дней, посвящая их молитве. Внешне полный, даже тучный из-за сердечной болезни, батюшка все же был весьма подвижным, бодрым, быстрым. Таким его и помнят богомольцы тех времен.

В 1923 году, за год до принятия батюшкой великой схимы с именем Михаил, на Валаам обрушилась страшная смута. В 1920-х годах Константинопольский патриарх, изменив Православию, возглавил всемирное псевдоцерковное модернистское движение. Многие Поместные Церкви отказались от нововведений, но нашлись и последователи. Сначала Валааму был навязан католический календарный стиль, затем Финский лжеархиерей Герман Аав (дважды женатый и имевший детей), ставленник лютеранских финских властей, пошел дальше. Он самочинно вышел из подчинения своей юрисдикции, абсолютно антиканонично вошел в сговор с Константинопольским горе-патриархом, прекратил праздновать Святую Пасху с православными,

когда Сам Господь в Иерусалиме являет Свой Благодатный Огонь и, при помощи гражданских властей, под угрозой высылки на растерзание к безбожникам в СССР, потребовал от валаамцев последовать всем этим нововведениям. Тем самым кощунственно попирались священные каноны Христовой Церкви, а сами модернисты делали себя нарушителями незыблемых постановлений Первого Вселенского и других Святых Соборов.

В условиях, когда руководство монастыря поддалось давлению извне, батюшка смело занял твердую позицию — хранить Священное Предание, — к чему поощрял и всю братию.

Из Лондона на Валаам прибыл представитель Константинополя в Западной Европе, митрополит Германос. Начались суды, гонения и преследования. У ревнителей Православия были изъяты антиминсы (Антиминс – обязательная священная принадлежность Престола, без которой нельзя совершать Божественную литургию. Это четырехугольный плат со вшитой частицей святых мощей. На антиминсе указано: когда, для какого храма и каким архиереем он освящен – *Ред.*), им

было запрещено совершение богослужений. Иеромонах Поликарп за правдивые статьи, касавшиеся руководства обители, был выслан в атеистический СССР на верную смерть в концентрационных лагерях. В сентябре 1926 года в городе Сердобле над соборными старцами Валаама при помощи финской полиции было устроено кощунственное судилище – очередное, но превосходящее по жестокости предыдущие. 35 монахов присудили выслать с Валаама совсем. Приговор был приведен в исполнение. Видя происходившее, плакал даже финский жандарм. Предполагалось, что с остальными справится игумен – разошлет их по дальним скитам. Некоторых «непокорных» заключили в Выборгскую тюрьму.

Уже духовно маститый старец Михаил стал совершать богослужения тайно, в дальних скитах и пустыньках. Гефсиманский скит, где теперь обитал Главный Духовник, стал центром, куда стекались все, хранившие верность Православию.

В ноябре в монастырь прибыла «следственная комиссия». Допрашивали поодиночке

каждого из братий, признает ли он епископа Германа Аава.

Допрашивали и отца Михаила. После этого «судом» ему запретили священническое служение, отстранили от послушания Духовника и 15 декабря сослали в отдаленный Свято-Германовский скит (по другим источникам, сначала на Тихвинский остров, потом в скит святого Иоанна Предтечи).

В том же году вынужденно покинули Валаам еще многие верные Православию братия.

В изгнании старец Михаил провел свои последние 8 лет земной жизни. Болея атеросклерозом, не имея возможности выполнять необходимые для жизни в суровой пустыни физические работы, исповедник Христа ради страдал. Но при всех обстоятельствах он неизменно сохранял душевный мир и веру в Божественный Промысел, прощал своих гонителей, молился о прощении их Богом и оставался тем евангельским возженным светильником, который невозможно укрыть, и он ярко светит всем. Батюшка по-прежнему оставался православным духовным вождем. Он примером личной стойкости воодушевлял

верных, не взирая на всяческие препятствия, продолжал руководство паствой, готовил себе достойного приемника. Им стал его духовно одаренный ученик – блаженной памяти старец Михаил Второй (Питкевич).

21 мая 1934 года богоносного изгнанника посетил его верный соратник, духовный друг и ученик, отец Иувиан, которого необходимо было переправить через залив на остров. Отец Михаил в лодке направился к противоположному берегу. На середине залива батюшка от разрыва сердца предал свой дух Господу. Было ему 63 года. Более не могло его чистое и любвеобильное сердце вместить печали и горечи о страждущем Божием народе и о гибнущей от дел кощунников родной монашеской общине.

Да упокоит его Господь и святыми его молитвами да помилует нас!

ИЕРОСХИМОНАХ МИХАИЛ ВТОРОЙ (ПИТКЕВИЧ, 1877 – 1962)

Иеросхимонаха Михаила можно без преувеличения назвать последним великим и богоносным старцем «старого» Валаама. В событиях церковной истории 20-го столетия подвиг отца Михаила явился крепким духовным фундаментом, который на несколько десятилетий удержал от угасания целый духовный континент «Старого Валаама», некогда обильно благоухавший благодатью Святого Духа.

Жизненный путь отца Михаила, как и всех Христовых воинов, оказался очень тернист, многотруден. Старец был подлинным исихастом (Исихазм, – от греческого ἡσυχί́α, что значит молчание, безмолвие, – есть древняя христианская практика высочайшей непрестанной умно-сердечной молитвы. – *Ред.*), безмолвником в истинном древнеаскетическом понимании. Однако, Божиим произволением, по его земной жизни красной нитью бескровного мученичества прошел также исповеднический подвиг бор-

ца за чистоту Православия. Это стало возможным потому, что смыслом его святой жизни была только евангельская любовь – то единственное Божественное задание любому человеку, которое, по сути, вбирает в себя все остальное. Блаженной памяти старец Михаил сполна исполнил заповедь Христову: *любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас* (Мф. 5: 44).

Он родился 24 июля 1877 года в городе Двинске в Латгалии (Город Двинск – нынешний город Даугалпивс — на берегу Зап. Двины; Латгалия – Юго-Зап. часть Латвии – *Ред.*). При крещении был наречен Михаилом. Мать его, Магдалина, католического вероисповедания, умерла, когда Мише едва исполнилось полтора года, а в шесть лет он лишился и своего отца, православного Иоанна. Мальчик и три его сестры жили в семье старшего брата. Жена брата сначала хорошо обходилась с ними, но когда у нее появились свои дети, жизнь сироток резко переменилась. Они стали ей мешать и натерпелись от нее всякого горя . Не раз она хотела Михаила даже убить.

«Вся-то моя жизнь, с малых лет – одно чудо: сколько раз я умирал, но Господь сохранил», – говорил батюшка. (9, с. 46) Судя по скупым рассказам старца о нелегком детстве, он верно уже тогда постепенно, через многие житейские скорби, приходил к сердечному опытному познанию того, что единственным его защитником среди всех бед является Сам Господь – истинный наш Небесный Отец,

ибо *мы Им живем и движемся и существуем* (Деян. 17: 28).

В юные годы Миша жил у сестры в Петербурге, ходил по храмам, отстаивал долгие службы, искал только духовного. Тогда и задумал он уйти насовсем в монастырь. На Старолитейном заводе, где трудился муж сестры печником и куда хотели устроить Михаила на работу, случился несчастный случай: погиб механик. Это дало юноше решительный толчок. Постоянная близость смерти, «зыбкость» земной жизни произвели на него сильное впечатление. Был третий день Святой Пасхи, когда тихонько, никому ничего не говоря, взял он котомку и ушел из дома. В котомке было Святое Евангелие, с которым он никогда не расставался, да две сме ны белья.

Обнаружив отсутствие Михаила, хотели его искать с полицией, но сестры, подумав, обратились за советом к блаженной Матреше-босоножке, известной прозорливице. Теперь ее могилка — недалеко от часовни святой Ксении Петербургской. Блаженная выслушала, помолилась и сказала: «Оставьте его идти своим пу-

тем, не мешайте ему». (9, с. 47) С того времени родные Михаилу уже не препятствовали.

Уповая на Божий Промысл, всей душой стремясь обрести то благословенное место на земле, ту святую обитель, где можно остаться навсегда, будущий подвижник отправился в странствование по многочисленным монастырям России. Питаясь тем, что пошлет Бог, ночуя то под открытым небом, то у добрых людей, оставив житейские заботы, 18-ти летний Михаил-странник шел с молитвой на устах и побывал в разных обителях от Петербурга до Почаева. «Искал я всё воли Божией о себе, – вспоминал старец. – Желательно мне было видеть свою православную родину» (9, с. 48). Ведь детство, проведенное в Двинске, где проживало много католиков, было полно не радостных впечатлений от постоянных утеснений и насмешек, которые чинили ксендзы православным. Приходя в каждую новую обитель, Михаил вслушивался в беседы богомольцев и странников и от них узнавал, кто и где известен своей высокой духовной жизнью или прозорливостью.

Как-то вблизи Смоленска услышал он от богомольцев об одном священнике-прозорливце высокой жизни. Некая монахиня проводила Михаила к праведнику. Не смог всего запомнить юный Михаил по неопытности и по молодости. Говорил батюшка особенно об умной Иисусовой молитве, но из сказанного твердо запомнилось: «Стой за чистоту Православия; много потерпеть тебе придется, но крепко стой, хоть до смерти». (9, с. 48)

«Однажды, по пути в Почаев, идя по степи, предо мной явился старец. Не заметил я, откуда он пришел. Поклонился я ему и говорю: «Ищу воли Божией о себе, хочу идти в монастырь, да не знаю в какой из трех». Сказал ему про Глинскую, Рязанскую (пустыни) и про Святые Горы. Выслушал старец, подумал. «Нет, говорит, иди на Север, там Валаамская обитель... Не бойся... там игумен хороший, все будет хорошо...» (9, с. 51). Задумался Михаил над словами старца, посмотрел – нет старца. Безследно скрылся старец! Слова его Михаил принял как волю Божию о себе.

Не раз юный Михаил в путешествиях подвергался смертельной опасности, но Господь

хранил его невредимым. Впоследствии батюшка предостерегал людей от странствий без спутников даже по святым местам из-за опасности попасть в беду.

На 21-м году жизни его призвали в армию. Способного, аккуратного и быстрого, Михаила скоро произвели в унтерофицеры. Свободное время он проводил в молитве и чтении Библии. В казарме, закрывшись с головой одеялом, Михаил тихонько молился. Окружающие думали, что он спит. Будучи взводным командиром, чтобы отвлечь своих ребят от дурных развлечений, читал им хорошие книги. Офицеры и ротный начальник очень любили Михаила. Прослужил он почти четыре года и, по окончании службы, послушно повинуясь указанию виденного под Почаевом старца, взял билет на Валаам.

Вступил Михаил в монастырь в 1902 году при игумене Гавриириле. 13 лет был послушником, ища внутреннего, углубляясь в себя. Выполнял разные послушания усердно и безропотно. 6 лет прожил в Авраамиевском скиту. Потом жил на Петербургском подворье, где 8 лет служил певчим и свечником. Далее 2 года

был келейником у нового игумена Маврикия, затем 8 лет келейником у наместника – ревностного защитника Православия, иеромонаха Иоасафа, который оказал на Михаила сильное влияние. С его благословения в 1914 или 1915 году Михаил был пострижен в монахи с именем Тимон, в честь одного из апостолов от 70-ти.

Призвание Божие к исихии проявлялось в монахе Тимоне все отчетливее. Он искал тишины и уединения для неразвлеченной молитвы. Живя в скиту преподобного Сергия, на гранитных скалах, покрытых вековым лесом, отец Тимон задумал построить себе в отдалении келейку. Когда она уже была почти готова, оступился и упал вниз головой прямо на лед, потерял сознание, очнулся без памяти. Но когда взглянул вверх, сразу вспомнил, что это его келейка, – и память возвратилась. После рассказа о случившемся, его старец-духовник увидел в этом знак, что рано еще жить отшельником и лучше вернуться в монастырь. Отец Тимон так и сделал.

К тому времени, после расцвета в середине 19-го века, духовный строй на Валааме уже

утрачивал свою прежнюю соль и силу. Монашество, как таковое, нередко осуществляло себя в жизни весьма формально. Молитва и богослужения, особенно в предреволюционную пору, для многих переставали быть «единым на потребу». Из всё более развращающегося мира в святую ограду рвалось всякое вольнодумство. Замечательный архипастырь и учитель монашества, святитель Игнатий (Брянчанинов), еще за несколько десятилетий пророчески предостерегал, что стремительно наступает «общее стремление всех исключительно к вещественному, будто бы оно вечно, забвение вечного как бы не существующего... заменение Бога и Его уставов лжеименным разумом и уставами, исходящими от миродержца (то есть сатаны. – *Ред.*)» (9, с. 176). Души многих тогдашних насельников Валаама незаметно для самих себя охлаждались смертельным льдом духовной беспечности и маловерия. Вскоре часть валаамских братий пришли к трагическому состоянию неспособности по-христиански трезвенно оценивать обстановку и преодолевать попущенные им Богом испытания веры и благочестия.

В связи с революционными и военными потрясениями, переделами и изменениями границ России, Валаам оказался на территории Финляндии, получившей от Ленина независимость. То было, по сути, платой финнам за задержание ими эшелонов с войсками, двигавшимися на Петроград для освобождения от большевиков. С 1918 года последовало почти полное разобщение Валаама с Россией. Эта независимость лишила валаамских иноков Родины, но, в то же время, сохранила для них возможность почти на два десятилетия продолжить служение Господу в родной древней обители. Теперь их оставалось порядка 500 – 600 человек (вместе с трудниками), против полутора тысяч до революции.

Впрочем, не пройдет и десятка лет, как и это число сократится почти вдвое. То будет первый результат грянувшей в 1920-х годах в монастыре «календарной смуты», когда значительная часть братии будет вынуждена покинуть Валаам, а отец Тимон с малым остатком монахов-исповедников решительно встанет на путь подвига за истину.

Через три года после пострига, как уже заметный подвижник, монах Тимон был посвящен в дьяконский сан. Некоторые же начальствующие монахи всячески старались не допустить его до сана иеромонаха, ибо пламенное стремление подвижника к исихастскому деланию, вызывало страшную злобу дьявола. Враг человеческого рода, палимый его молитвой, через духовно слабые «звенья» братства, чинил отцу Тимону всевозможные козни. Но бессилен дьявол перед Богом – пришли документы от епископа, – и в 1921 году батюшка удостоился сана иеромонаха. После этого он стал почти что затворником Гефсиманского скита, хотя и имел сообщение даже со святыми Афонскими старцами.

Здесь уже обнаружилась и прозорливость будущего старца. Совершая подвиг ежедневного служения Божественной литургии, батюшка стал тайно заготавливать для причащения запасные Святые Дары и приготовил 10000 частиц. Последующие события показали всю великую значимость этого дела.

Мрачная пора началась в обители. Причиной послужило подчинение монастыря фин-

ским церковным властям вполне обновленческого и раскольнического толка, которые, в свою очередь, подчинились предельно националистическим светским властям, по преимуществу лютеранской Финляндии. Президентская власть начала грубо вмешиваться во внутреннюю церковную жизнь. Громко провозглашаемые законы о свободе вероисповедания оказались фикцией. Иерархи Финской Православной Церкви, угождая государству и мировому экуменическому движению, с 1921 года стали навязывать православным общинам принятое лютеранами ложное летоисчисление, то есть западный григорианский (католический) календарь и другие нововведения. Православных стали принуждать праздновать Святую Пасху не в день, когда Сам Господь в Иерусалиме являет миру Свой благодатный огонь, а отдельно от Единой Святой Соборной и Апостольской Церкви.

Грех нарушения постановлений Вселенского Собора о праздновании Святой Пасхи влечет за собой страшные для христианской души последствия: иерархи теряют право священнослужения, монахов же и мирян Святая

Церковь отлучает от освящающего действия благодати Святого Духа.

Особое противостояние началось в 1923 году и предельно обострилось в 1925 – 26 годах, когда Финская Православная Церковь самочинно вышла из юрисдикции Московского Патриархата, то есть оказалась в расколе. Во главу иерархии правительство назначило марионеточного лжеепископа Германа (Аава). Он, ко всему прочему, состоящий во втором браке и имеющий детей, при помощи мирской власти разбойным путем отнял святительский престол у живого Финляндского архиепископа Серафима. Законный православный архипастырь был изолирован и сослан на ладожский остров Коневец. Затем Аав абсолютно антиканонично вступил в связь с тогдашним новостильным Константинопольским Патриархом, погрязшем в модернизме. Под давленим извне, под угрозой разгона монастыря или высылки, братства на расправу в безбожный СССР, большая часть монахов во главе с тогдашним игуменом постепенно приняла навязанные душепагубные нововведения.

В монастыре произошел внутренний раскол и началось противостояние новостильников и защитников Священного Предания.

Все же Валаам пока оставался островком уходящей в историю православной России, особенно в глазах паломников и туристов. В те годы их бывало немало, особенно российских соотечественников. К глубокой скорби, поначалу приезжие даже и не подозревали, что любезно принимавшие их представители монастырского начальства есть на самом деле прямые нарушители постановлений Святых Соборов, подлежащие лишению священного сана. Особенно прискорбно выглядело лукавство новостильников, которые, хорошо зная о своем вопиющем каноническом беззаконии, всячески убеждали других в якобы доброкачественности своей позиции. Кого «убедить» не удавалось, от тех стали избавляться. Начались ссылки в дальние скиты. Затем, при помощи финской полиции, многих совсем изгнали из монастыря. Некоторые изгнанники-исповедники, как «нарушители порядка», были заключены в Выборгскую тюрьму. Валаамцев, отказавшихся принять душепагуб-

ные нововведения, судили, запугивали. Многие монахи уехали в Сербию, в США, в другие страны, даже в Советский Союз. Батюшку Тимона тоже «судили» и грозили, что «сотрут с лица земли» (9, с. 81) вместе с прочими верными. Но Бог сохранил их.

Вместо старца, иеросхимонаха Михаила Старшего (Попова), – исповедника страждущего валаамского Православия, который являлся главным духовником монастыря, был сослан новостильниками и умер от разрыва сердца в ссылке на Предтеченском острове, духовником тех, кто держался старого стиля, стал его верный его ученик и помощник, отец Тимон. За это его и нарекли Михаилом Младшим. Уезжать он не хотел и решил все терпеть до конца в своем монастыре. «Хоть живьем закопайте, – отвечал он своим «судьям-новостильникам», – не отступлю от своих слов, от того, что мне заповедал старец еще до поступления в монастырь» (6, с. 167).

Сделалось крайне трудно. За верными Православию следили, к ним придирались, обвиняли в том чего они не делали, издевались. Их отправляли на самые тяжелые послушания.

Отцу Тимону было велено оставить Гефсиманский скит и перейти в общий монастырский корпус, что для исихаста-молитвенника его уровня было душевредно. Служить батюшке не разрешалось. Его сделали сторожем. Тогда и пригодились припасенные отцом Тимоном Святые Дары Пречистого Тела Господня и Животворящей Его Крови, ибо не выдержали бы без них противостояния твердые иноки.

Затем, продолжая непрерывную молитву, батюшка часто стал совершать Божественную литургию для верных тайно, в дальних часовнях. Когда же обнаружилось это тайное литургисание, начальство обрушилось на исповедников с новой силой. Отец Тимон все претерпевал и мужественно оставался примером стойкости и бескомпромиссности.

И здесь Господь подкрепил подвижников – подоспела помощь гонимого епископа Серафима. Не смогло тогда еще обновленческое монастырское начальство полностью проигнорировать указ законного архипастыря. «Старостильникам» выделили под храм старое пустующее помещение – «глиномятку» (сарай, после прекращения производства изделий из

глины). Устроили исповедники Господни в ней себе церковь, где совершалась Божественная литургия в 4 часа утра ежедневно.

Многие миряне стали посещать Валаам, ища ответов на взволновавшие тогда всех вопросы об обновленчестве, о церковном расколе и о том, что правильно и чего надо держаться. Чтобы излишне не раздражить преследователей, их в новоустроенный храм, за редким исключением, не допускали. Мужественный отец Тимон исповедовал и причащал мирян прямо в гостинице. Быстрый, легкий, он тихо появлялся, тихо и быстро уходил. Сам он пек и просфоры. Гонители постоянно укоряли батюшку за прием мирян, страшно запугивали и добивались, чтобы он «добровольно» покинул обитель, но всегда слышали твердый отрицательный ответ. Подвижник никогда никому не жаловался, молился, больше молчал и глубоко скорбел об ожесточении сердец, если возможно выразиться, собратьев. Стояние иеромонаха Тимона и его сподвижников за верность Православию утверждалось прежде всего на их подлинной любви к Богу и Его Святой Церкви, на подлинной евангель-

ской любви ко всякому человеку, даже если он был гонитель. Во время советско-финской войны, в декабре 1939 года, дабы не попасть в руки атеистических властей СССР, Валаамский монастырь был вынужден эвакуироваться в Финляндию. С горечью и скорбью пришлось покидать родную обитель. За монахами следовали и валаамские миряне. Властью Финляндии братство было переселено в глубь страны, в деревню Каннокоски. Здесь все они очень тесно и скученно были размещены в помещениях школы.

Отец Тимон не прервал свой подвиг – в сложнейших условиях продолжал ежедневно совершать Божественную литургию. В сарае, где был сложен разный хлам, он отделил уголок, вычистил его, прибрал, все вокруг закрыл пеленами, поставил иконы и на Антиминсе совершал службу. Престолом служила старая дверь. Убогий сарай, подобно Вифлеемской пещере, превратился в палату, где совершалось величайшее Таинство.

Война закончилась. Монастырь приобрел имение в финском местечке Папинниеме, которое ныне носит имя «Новый Валаам».

Москва диктовала свои условия Финляндии. Тот же игумен, который под влиянием политических событий преследовал братию за «старый стиль», сразу оставил нововведения и принес покаяние. За ним последовали и прочие новостильники. Раскол был ликвидирован. В монастыре водворилось единообразие, но посеянные дьяволом плевелы вражды и злобы до конца искоренить не удалось. В братстве все-таки осталось две ориентации – на финскую иерархию и на Московский Патриархат.

В 1946 или 1947 году отец Тимон принял великую схиму с именем Михаил и совсем уединился. Не выходил даже в храм. Божественную литургию по-прежнему совершал ежедневно в келье. Ко времени отъезда на Родину поминал более 8000 имен. И это были для него не простые имена – но живые души, каждая со своим ликом. Около всех имен были сделаны заметки, по которым старец знал – кто тот, за кого он молится. Хотел он, было, совершенно уйти в затвор. «Но, – говорит, – как только хочу от всех вас отказаться – вижу вокруг себя множество бесов. Верно, за ваши молитвы

Господь хранит еще меня», (6, с. 169), – смиренно заключил старец, обращаясь к своим многочисленным духовным детям. И духовные чада продолжали его посещать. У него, не считая постриженных им монахов, было еще и 10 – 15 постриженниц-монахинь.

Благодаря силе Божией, брал он все грехи духовных детей на себя, все покрывая любовью, замаливая каждый грех, каждую язву, как свою. «Вот вы придете, чего только не перескажете, все это вольется в меня, а я должен все очистить и отмолить».

Те, кто приезжали к нему со своими горестями, хорошо знали силу старца, силу его любви. Придя в убогую келью, каждый чувствовал: будто все растает и уйдет бесследно – как ни бывало, а если что и останется – старец это сразу увидит и легко, наводящими вопросом, вскроет язву или, даже без вопроса, строго скажет: «Гони, гони от себя этого беса... гони именем Иисусовым» – и назовет то, чем страдает душа. (6, с. 169)

Отец Михаил, относился к каждому очень снисходительно, по силе устроения и духовного роста. К себе же был поразительно строг.

Он был великий постник: в понедельник, среду и пяток не ел ничего, а последнее время не пил и чай, разве когда очень утомлялся от большого числа посетителей. Сам варил иногда манную жидкую кашицу – две ложки, иногда в скоромные дни съедал яйцо.

Во всех своих потребностях старец Михаил поистине был нищим, но то, что касалось Богослужебных облачений, он любил, чтобы было красиво и чисто. Мантия была у него одна на всю жизнь. Только перед отъездом в Россию батюшка принял в дар одну легкую мантию. Его подрясник сурового цвета из дешевой бумажной материи был подпоясан толстой веревкой. Лишь в пасхальную ночь или в особых случаях он облачался в полную схиму со шнурами.

Бывало старцу приходило множество посылок и подарков. Он не принимал их. Сразу отдавал другим или просто отказывался. Деньги совсем не брал, а если брал, то или для церкви, или когда знал, что надо помочь другим. После 65-летнего возраста все в Финляндии получают маленькую пенсию, получали и монахи. Старец отказался от этих

денег, оставил их в пользу монастыря. «Разве монаху нужны деньги! Я ничего не беру от монастыря, а сколько Господь мне дает, у меня все есть в изобилии – и масло, и вино, и свечи, и ладан. Кто всецело предал себя Богу – того Господь не оставит». (7, с. 1304)

К отцу Михаилу, как к благодатному старцу, приходило все больше и больше жаждущих его молитвенной помощи. Некоторым из начальства традиция благодатного старчествования была глубоко чужда. Так уже не раз бывало в истории Церкви. Подвижнику также временами еще пытались запретить ежедневное келейное совершение литургии, подобное тому подвигу, которое совершал святитель Феофан Затворник. Последнее в Финляндии грубейшее преследование было, увы, со стороны бывшего многолетнего батюшкиного духовного сына, отца Иеронима, который, после похорон схиигумена Харитона, в 1947 году стал настоятелем Нового Валаама. Официальным духовником новостильников много лет являлся схиигумен Иоанн (Алексеев), автор ныне популярной книги «Письма валаамского старца». К нему-то и перешел в духовные чада

отец Иероним, прежде слывший последовательным «старостильником». По-видимому, враг-дьявол не замедлил употребить его душу в своих целях. Известная подвижница, монахиня Мария (Стахович), постриженица старца Михаила и живая свидетелница происходившего, так описывает это историю:

«С какой-то непонятной злобой преследовал игумен Иероним своего многолетнего духовного отца и старца. Дошел до того, что однажды... сказал: «Сегодня Троица, а завтра Духов День – мы будем судить духовника Михаила» (И это совершалось уже после покаянного воссоединения со Святой Церковью! – *Ред.*). Господь не попустил этого суда. Когда стало всем известно о предстоящем суде над отцом Михаилом, казначей – отец Нестор, впоследствии игумен Нового Валаама, придя в алтарь, накинулся на отца Иеронима. Какими только словами его не называл! Не поддержанный никем другим, отец Иероним замолчал. Суд не состоялся... Хотел он, очевидно, запретить отцу Михаилу келейно служить литургию, но его остановил игумен Иоанн». (9, с. 161)

Знаменательно, что по рассказу той же монахини Марии (Стахович) из ее книги «Безмолвие внутреннее. иеросхимонах Михаил последний великий старец валаамский», после упомянутого происшествия игумен Иероним без всякой болезни слег. Его охватило мрачное, злое уныние. Никто из братии не хотел за ним ухаживать. Всеми покинутый, он таял на глазах. Попытки игумена Иоанна (Алексеева) помочь настоятелю покаяться оказались безуспешными. Вскоре тот молча скончался.

Отец Михаил сильно скорбел о духовном упадке Нового Валаама. «Страшное пришло время – для безмолвников нет пристанища; они, как дурачки, как посмешище для всех», – (9, с. 161) сетовал Божий угодник своим «сироткам», тайным монахиням.

К России у батюшки отношение было особое. «Скорби и страдания очищают русский народ, – говорил старец, – Во всем есть две стороны: святой Михаил, князь Черниговский и боярин Феодор, попав к татарскому хану, приняли мученическую кончину. Тогда Богу угодно было дать власть язычнику над большой страной, и князь, повинуясь гражданским законам,

соглашался поклониться этой земной власти, но отказывается поклониться идолам. Он отказывается от жены, детей, власти, славы, отдает жизнь и все за верность Господу. Так и сейчас в России: гражданским властям приходится повиноваться, но твердо держаться своего – хоть на крест, хоть на распятие. Так теперь у нас на Родине – две стороны». (7, с. 1317 – 1318)

Старец говорил, что в России, как солнце сияет истинное Православие, что эта земля полита кровью мучеников, что она – земля исповедников. Этим Родина была дорога отцу Михаилу. И он желал идти хоть на крест, хоть на мучения, но умереть на Родине со своим страдающим народом. А в своем временном пребывании вне Родины старец видел волю Божию, направленную на то, чтобы неправославная заграница узнала Православие.

К мысли оставить Ново-Валаамскую обитель и выйти из юрисдикции непоследовательной в Православии Финской Церкви старец приходил постепенно. Многие просили его не уезжать. Но официальное приглашение митрополитов вернуться рассеяло все сомнения.

И вот наступил 1957 год. Прожив в монастыре 55 лет, 80-летний иеросхимонах Михаил с 6-ю другими Валаамскими монахами-подвижниками (отец Лука, отец Борис, отец Исав, отец Геннадий, отец Сергий, отец Гурий) в праздник Покрова Пресвятой Богородицы уехал на Родину. На перроне от благословения уезжающего старца исцелилась женщина. И это был явные Божии знаки.

Давая чадам последние наставления, батюшка рассказал об одном бывшем ему видении: «Было это сначала в тонком сне, а потом и наяву, точно я в Предтеченском скиту, где никогда не бывало женщин. Вижу, пришла ко мне величественная, красивая женщина... И чувствую – ведь это Сама Царица Небесная! Она Сама ко мне, убогому, пришла! Стою я, восхищаюсь, умиляюсь, так хорошо мне, радуюсь, ничего не могу сказать, а Она мне говорит: «Сделай мне подарок, Я жду от тебя подарок». Я в удивлении думаю: какой же я могу сделать Тебе подарок, Царица Небесная... у меня ничего нет. Она протянула Свою ручку и кладет в мою яичко. Принял из ручки Пресвятой Владычицы яичко, стал молиться,

помолился – отдаю Ей его обратно. Владычица приняла его, будто я так и сделал, как надо. Понял я тогда, что вас, кого Она ко мне привела, я должен Ей вернуть. Вы – вот Ей мой подарок». (7, с. 1319)

После некоторых мытарств валаамские подвижники оказались в богохранимом Свято-Успенском Псково-Печерском монастыре. Там находили тогда пристанище иноки разоренных обителей, связанные с традициями Оптиной, Вышенской, Макарьевской и Глинской пустыней, – ученики учеников прежних знаменитых старцев. Через валаамскую братию Бог влил в это Христово воинство новые силы. Как раз в период хрущевский гонений изолированные от православного мира иноки в СССР смогли соприкоснуться с живыми традициями валаамского монашества, чтобы усвоить их и передать будущим поколениям. Немало добрых слов, подтверждающих значительную роль этих семерых валаамцев, сохранила история. Они стали особо уважаемыми отцами Печерского монастыря, внесли в его духовную сокровищницу свой бесценный благодатный наставнический вклад, без

которого современное возрождение духовной жизни было бы затруднительно.

Из прибывших подвижников старец Михаил был безусловно наиболее духовно глубоким и опытным. Очень показательны отзывы о нем схиепископа Феодора (Иртеля), бывшего валаамского послушника, отшельника Нового Валаама в Америке. Опытный схимник Феодор всю жизнь искал на планете
Земля опытных исихастов. Искал их и в Греции, и во Франции, даже в Мексике, в том числе и в Печорах, когда они оказались в границах Эстонии. Высказываясь о знакомых ему старцах, он говорил: «...почти ни один из них не является столь же жизненным носителем духа старчества, как отец Тимон-Михаил» (9, с. 25). Особенно отмечал он высокую молитвенность и драгоценный дар учительного старчества, которые батюшка на закате земной жизни принес с собой в Россию.

Практическая укорененность отца Михаила в опыте исихастского безмолвия позволяет вслед за его учеником, схиепископом Феодором (Иртелем), назвать батюшку истинным исихастом. И, пожалуй, он оставался единственным

и последним продолжателем прежней валаамской традиции, сподобившимся живой встречи с сиянием Нетварного Света Божественных энергий.

Духовную высоту старца сразу же глубоко оценил тогдашний наместник Печор, знаменитый архимандрит Алипий (Воронов), приходивший порой с ним беседовать и советоваться. Наблюдая за батюшкой, он особо отметил невозможность для истинного богоносного старца пребывать вне постоянной литургической жизни, ибо и во Псково-Печерах отец Михаил около двух лет продолжал подвиг келейного ежедневного служения литургии. Прекратил его только тогда, когда наступило полное недомогание. Тогда его соборовали и в течение последних двух недель каждый день приобщали Святых Таин.

15 апреля 1962 года, в воскресенье, во время литургии, причастившись последний раз, славный богоносный старец, иеросхимонах Михаил, мирно отошел во блаженную вечность. Его отпевание совершалось во главе с архиепископом Псковским и Порховским Иоанном в сослужении прибывшего с разных концов,

многочисленного духовенства, при стечении множества иноков и мирян. Имя почившего уже было окружено ореолом святости. Под пение ирмосов великого канона «Помощник и Покровитель» гроб старца был захоронен в святых пещерах, где находится поныне. Поток людей к его гробу не кончается. Народ Божий ожидает общецерковного прославления благодатного старца-исповедника в лике святых.

Некоторые поучения иеросхимонаха Михаила Второго

«Царствие Небесное Христово силой берется, усилием, постепенно, не вдруг, непрестанным вниманием, самоотвержением, терпением, хранением чувств, покаянием, самоукорением». (8, с. 294)

«Надо тебе работать, живешь ты в миру, нужны силы – не лакомься, не услаждайся, не позволяй себе излишеств, а, если по необходимости придется тебе съесть в посту и яйцо или молоко, Господь не взыщет, не вменит в грех... Какой бы не соблюдала пост, даже самый строгий, если без истинного покаяния, то Господь

не приемлет его. Такой пост не приведет ни к спасению, ни к утешению. Главное – внутри очищай сердце». (11, с. 484)

«Что сам знаешь, передай другим; чего сам не знаешь, от других возьми». (5, с. 135)

«Утренняя молитва для человека то же, что роса для растений. Молитва ночная, как солнце, освещает все дневные дела. Сколько раз тебе проснуться и случится ночью, каждый раз обращайся к Богу с молитвою». (5, с. 135)

«Нужно заставлять себя (хотя и не хочется) к молитве и ко всему доброму. Для принятия Святого Духа необходимо изнурять тело (через пост, молитву, земные поклоны и другие подвиги): дай плоть и прими Дух». (5, с. 135)

«Есть два пути: путь самоукорения и смирения; путь самооправдания и отчаяния. Первый есть истинный путь – сокрушения и покаяния – и ведет к утешению и спасению. Второй – путь гордыни – самооправдания; тогда никто не поможет, ни молитвы, ни Ангелы небес-

ные, только милость Господня, а если не Господь, то этот путь ведет к гибели». (7, с. 1309)

«Какое бы ни произошло поползновение, падение – надо вставать, не отчаиваться, а опять начинать труд... Только за мужественную борьбу дают венцы. Должна быть борьба, сокрушение с искренним покаянием и твердое упование». (8, с. 294)

«Господь насильно не удерживает, должно быть свое произволение; но жалея, видя слабость и немощи, ставит в такие условия, что как бы этим заграждает путь к отступлению и заставляет терпеть». (7, с. 1311)

«Не только надо молиться: «Господи, помилуй!» – не только просить, но надо и постоянно благодарить, и уметь славословить Господа – тогда будет мир в душе». (9, с. 244)

«Почитай Церковь – и Бог почтит тебя... Все человечество имеет нужду в наставлении Церкви. Люби Священное Писание – и тебя полюбит мудрость...

Слово Божие – хлеб ангельский...» (6, с. 133)

«Новый Завет важнее всех наук и знаний: он учит нас важнейшему из всех искусств – благочестию.

Хорошо читать и слушать божественное, лучше – взаимное собеседование, а еще лучше – слова опытнейшего. Плодоноснее – слово Божие, а за ним – святоотеческие писания и жития святых. Жития святых лучше для начинающих, писания отеческие – для средних, Божие слово – для совершенных. Пред чтением упразднить душу от всего – обратиться молитвенно к Богу. Читаемое следить со вниманием и складывать в сердце. Что не дошло до сердца, на том стой, пока не дойдет. Читать должно весьма медленно. Прекратить чтение, когда не хочет душа уже чтением питаться, – сыта значит. Если поразит душу какое-то место, стой на нем и читай более. Лучшее время для чтения слова Божия – утро, житий святых – после обеда, творений святых отцов – незадолго перед сном. Есть такие тексты Священного Писания, которые возгревают дух, действуют на сердце и вызывают умиление и

слезы. Посему такие места надо выписывать и хранить – на случай нужды – для возбуждения духа». (5, с. 134)

«Зло пристает к нам, как заразная болезнь. Если будешь часто общаться с болтуном, с клеветником, с миролюбцем, то и сам незаметно впадешь в те же пороки и наоборот». (5, с. 135)

«Всегда надо иметь хотя самую краткую молитовку и стараться всегда помнить, что Господь тебя видит – ходить перед Господом старайся». (11, с. 485)

«Большая награда от Господа, когда человек молится, преодолевая лень или сон. Пресвятую Богородицу с каждым своим дыханием призывайте... Кто с Пресвятой Богородицей беседует – токмо и за то великое воздаяние будет». (5, с. 135)

«Не ищи Правды на земле... ищи ее в себе...

Не ищи Правды... Царица Небесная, Честнейшая Херувим и Славнейшая Серафим, разве не видела вокруг Своего Божественного

Сына неправду, клевету, ложь, несправедливость, которыми платили Спасителю за Его бесчисленные благодеяния и чудеса? Но Она молчала. Она никого не упрекнула, никого не осудила. Вот как Она отнеслась к неправде этого мира!..» (9, с. 245 – 246)

Говоря о любви к ближним, отец Михаил указал на житие Пафнутия Великого: «Проявление любви к ближнему может спасти и большого грешника. Любовь покрывает все». (9, с. 231)

Некоторые чудесные случаи

Одна из батюшкиных духовных дочерей, мать малых ребят, очень тяжело заболела, лежала, прикованная к постели, лекарства не помогали. Пришел батюшка с псаломщицей ее навестить, очень жалел детей: «Что ты лежишь, дала бы нам чайку». (7, с. 1315) Она, ничего не думая, послушно встала, приготовила чай и с того времени совсем поправилась.

Во время войны (была холодная погода, гололедица) духовная дочь отца Михаила с

мешком опилков для работы переходила рельсы, ступила неожиданно на вертящийся круг для перевода вагонеток, он повернулся, нога скользнула и подвернулась. От страшной боли не могла сразу сдвинуться: нога сильно распухла и по опухоли шли кровоподтеки багрово-лиловые. Потом, с молитвой, едва ступая, добралась до дома. Муж был больной и не мог выходить из дому совсем. Телефона нет, запасов продуктов нет. Легла в постель, со слезами молясь, во время молитвы с отчаянием сказала: «Батюшка, хоть ты бы умолил за меня Бога, что я буду делать с моим больным...»

Под утро видит во сне батюшку – он смотрит на нее приветливо и весело, берет крепко рукой за плечо и встряхнул ее. Проснулась в добром настроении, опухоли на ноге как не бывало, не болит, только остались с двух сторон легкие кровавые подтеки. Все дела свои могла устроить.

Только несколько лет спустя, уже после своего пострига, рассказала батюшке этот случай. Он выслушал молча, опустил глаза и только сказал: «По вере вашей да будет вам». (11, с. 493)

Одной пожилой вдове... отец Михаил, после разговора с ней, неожиданно сказал: «Не уезжай в понедельник – отложи – дело важное, я должен тебя постричь» (у нее был куплен обратный билет на понедельник, была суббота, и предстояли дела со своим домом). Она пришла в большое недоумение от этого, не готовилась, хотя против монашества не имела ничего против. После настойчивых уговоров она согласилась... была пострижена с именем Анны в воскресенье. Постриг был тайным... Месяца через два с половиной ее нашли мертвой у себя в комнате, перед иконами, в монашеском одеянии, с четками в руках. Жила она одна в своем доме. Ни о каких ее болезнях никто не слышал.

Отец Михаил так пояснил это своей духовной дочери: «Знай, как бы кто не добивался стать монахом – без Божией воли никогда им не станешь. Я не знал, что она умрет, но было мне велено безотлагательно ее постричь. Я могу это сделать, только если есть: 1 – крайняя нужда; 2 – откровение Божие; 3 – благословение и воля высшего иерарха. Когда бывает второй случай, – Господь мне велит, – я не буду ни

у кого спрашивать – ни у архиерея, ни у патриарха; не могу ослушаться повеления Божия; и в первом случае – тоже». (7, с. 1312 – 1313) Как батюшка знал, что так надо было поступить, как ему так ясно, явно открывается Божия воля, что он и лик Пречистой видит, и Она отворачивалась от него, потом опять обернулась, – отец Михаил ничего не ответил. Вероятно, вопрос был слишком смелый и ответ не по духовным силам вопрошавшей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Валаамский Патерик. Т. 1. Спасо-Преображенский мон-рь: Паломник, 2003.

2. Валаамский Патерик. т. 2. Спасо-Преображенский мон-рь: Паломник, 2003.

3. Валаамские подвижники. Второе изда. исправленное и дополненное. С.-Пб. Спасо-Преображенский мон-рь. 1997 (По изданию С.-Пб.; Тип. Н.А. Лебедева, 1891).

4. Старческие советы. Христианский Православный Благотворительный фонд «Преображение», 2000.

5. Золотая цепь старчества. Русские старцы XX столетия. Сост. Л.А. Ильюнина. Изд-во общественной организации «Православный Санкт-Петербург», 2010.

6. Великие русские старцы. УПЦ МП. Полтавская епархия, Спасо-Преображенский Мгарский мон-рь, 2007.

7. Беседы великих русских старцев. УПЦ МП. Полтавская епархия, Спасо-Преображенский мон-рь, 2007.

8. Великие старцы XX столетия. Автор-сост. С. Девятова. М.: Артос-Медиа. 2008.

9. Любовь покрывает все... Московский Сретенский мон-рь: Псково-Печерский Свято-Успенский монастырь, 2010.

10. Письма о духовной жизни. Сост. В. Дегтярев. Свято-Троицкая Сергиева Лавра: Спасо-Преображенский Валаамский мон-рь: ООО «Столичная ярмарка», 2007.

11. Валаам Христовой Руси. М.: Свято-Троицкая Сергиева Лавра: Хризостом, 2000.

12. Схимонах Агапий. Спб. Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского мон-ря, 1997.

13. Преподобные Сергий и Герман, Валаамские чудотворцы. СПб. Валаамский мон-рь, 2003.

14. Валаамское слово о Валаамском монастыре. СПб., 1991.

15. Закон Божий. Сост. прот. Серафим Слободской. М.: Оранта, 2007.

16. История Валаама. Солнце Ладоги. М.: Эксмо: Алгоритм. 2005.

17. Большой скит на Валааме. М. Янсон. СПб. Спасо-Преображенский Валаамский мон-рь. 1997.

18. Валаамский монастырь и его подвижники. Изд. Спасо-Преображенского Валаамского м-ря, 2005.

19. Минея. Июнь, ч. 2, с. 448. М.: Изд. Совет РПЦ. 2002.

20. Минея. Сентябрь, ч. 1, М.: Международный издательский центр православной литературы. 1996.

21. http://valaam.ru.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 3
Дивен остров Валаам.
Краткий духовно-исторический очерк Спасо-Преображенского Валаамского мужского монастыря 8
Преподобные Сергий и Герман, Валаамские чудотворцы 25
Предание о святых мощах преподобных Сергия и Германа, Валаамских чудотворцев 36
Явление преподобных Сергия и Германа сомневающимся инокам 38
О том, как спасающиеся валаамские иноки чудесным образом нашли себе в Финляндии новое место 45
Явление преподобных Сергия и Германа схимонаху Иоанну 46
Некоторые случаи спасения от потопления 49
Воскрешение мертвого 53
Чудесный случай, происшедший со схимонахом Иоанном 54

Исцеление от пьянства 55
Исцеление от слепоты крестьянки Выборгской губернии, Сердобольского уезда, деревни Меложи.....57
Исцеление слепой девицы.....58
Исцеление Санкт-Петербургского купца Капитона Михайловича Михайлова от холеры 59
Исцеление и видение крестьянина Тихвинского уезда Матве 61
Исцеление крестьянского сына Илии Эрка 64
Икона преподобных Сергия и Германа останавливает пожар. Рассказ монаха Иоиля 65
Откровение петербургскому мещанину Василию Козьмину 66
Вразумление словонарушителя.....69
Явление расслабленному ногами 71
Покровительство благочестию и трудолюбию.....72
Преподобный игумен Назарий (1735 – 1809).....74
Некоторые поучения игумена Назария 95
Один из случаев прозорливости игумена Назария 99

Преподобный Герман Аляскинский (†1837) 101
Некоторые поучения преподобного Германа 111
Некоторые чудесные случаи 114
Игумен Дамаскин (1795 – 1881) 119
Некоторые поучения игумена Дамаскина 139
Некоторые случаи прозорливости 140
Некоторые чудесные случаи 143
Монах Вениамин (†1842) 145
Монах Афанасий (†1852) 147
Поучительное слово монаха Афанасия 151
Чудесный случай 152
Схимонах Серафим (†1860) 154
Чудесная кончина схимонаха Серафима 156
Сохранившееся поучение схимонаха Серафима 157
Схимонах Феоктист (†1863) 158
Преподобный старец иеросхимонах Антипа Первый, афонский (1816 – 1882) 162
Одно из высказываний старца Антипы Второго 177
Некоторые чудесные случаи 178
Старец схимонах Агапий Слепец (1838 – 1905) 181

Некоторые поучения старца Агапия...192
Некоторые случаи прозорливости старца Агапия 193
Старец иеросхимонах Антипа Второй (1836 – 1912) 195
Чудесный случай 208
Схиигумен Маврикий (1839 — 1918) 210
Из удивительного в жизни схиигумена Маврикия 216
Иеросхимонах Михаил Старший (Попов, 1871 — 1934) 218
Иеросхимонах Михаил Второй (Питкевич, 1877 — 1962)....227
Некоторые поучения иеросхимонаха Михаила Второго 256
Некоторые чудесные случаи 261
Литература....266

ВАЛААМСКИЕ СВЯТЫЕ И ПОДВИЖНИКИ БЛАГОЧЕСТИЯ

Жизнеописания, некоторые поучения, чудесные и знаменательные случаи

Составитель: Пономарев П. П.

Редактор: Плюснин А. И.
Технический редактор: Асташин Е. О.
Корректор: Плюснин А. И.
Верстка: Антаков В. В.
Дизайн обложки: Зимихин А. А.

На лицевой стороне обложки использована фотография Сергея Компанийченко «Спасо-Преображенский собор Валаамского монастыря» (http://valaam.ru/ru/kompaniychenko/1928/)

Подписано в печать 29.11.2012.
Формат 70×100/32. Печать офсетная.
Бумага офсетная. Гарнитура OctavaC.
П. л. 8,5. Тираж 10 000 экз. Заказ №4321006

Издательство «Благовест».
Адрес: 123182, г. Москва, ул. Авиационная, дом 13.

Отпечатано в филиале «Нижполиграф»,
ОАО «Первая Образцовая типография»
603950, г. Нижний Новгород, ГСП-123,
ул Варварская, 32.

ПОСЕТИТЕ ИНТЕРНЕТ-МАГАЗИН
издательства «БЛАГОВЕСТ»

WWW.BLAGOVEST-MOSKVA.RU

много православных книг и икон, акции и скидки
для ОПТОВЫХ И РОЗНИЧНЫХ покупателей

История святой Валаамской обители насчитывает не одно столетие. Валаамский архипелаг именуется северной колыбелью православного монашества. Валаамские подвижники жили удивительной жизнью, их подвиги притягательны для каждого христианина и зовут к подражанию, к сопричастности Божественной благодати, которая обильно излилась на валаамских Божиих угодников Святым Духом.

БЛАГОВЕСТ